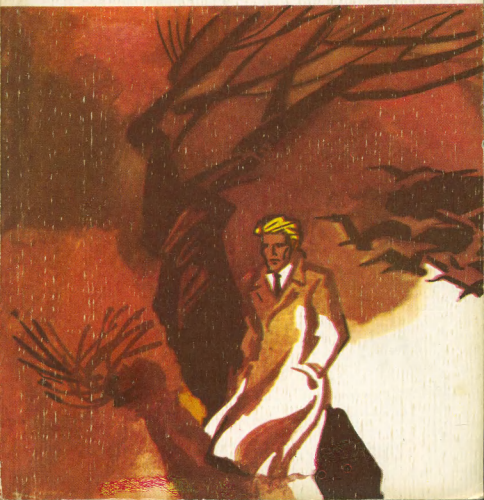

Лев КОРНЕШОВ
ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ
« АНГЕЛА »

Лев
КОРНЕШОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ
« АНГЕЛА »

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1987

ББК 84Р7
К67

К $\frac{4702010200-303}{078 (02) -87}$ КБ—032—072—87

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

Открывая страницы новой книги, каждый из нас, хоть мельком, но подумает: о чем она? И предпочтет не услышать пересказ от других, а совершить самостоятельное путешествие в мир событий, в жизнь людей, с которыми его познакомит автор. Поэтому и мы не будем в этом кратком вступлении излагать сюжет предлагаемой вашему вниманию книги, а просто поговорим о тех событиях, которые послужили ей основой.

Истоки повести Льва Корнешова «Последний полет Ангела» лежат в тех пластах времени, которые уже стали нашей историей. Но повесть не о прошлом — она о тех, кто сегодня по человеческому и профессиональному долгу является часовыми Справедливости, ведет сражение за чистоту нашей жизни.

В центре повествования — молодой чекист Алексей Черкас. После окончания юридического факультета университета Алексей получает предложение работать в органах государственной безопасности. Впрочем, в этом нет ничего чрезвычайного — ряды чекистов пополняются именно за счет глубоко преданных партии и народу комсомольцев, молодых коммунистов, тех, кто достоин высокого звания защитника государственных интересов. Алексей хорошо отслужил срочную службу в рядах Советской Армии, товарищи ценят его общественную активность, он всерьез изучает нормы международного права об ответственности за преступления перед человечеством. Мама Алексея была партизанской разведчицей, его дядя славно воевал, погиб смертью храбрых уже после падения фашистского Берлина.

А вот круг новых обязанностей Алексея для него неожидан: ему предлагают заниматься розыском укрывшихся от законного возмездия гитлеровских военных преступников. Не без сомнений и колебаний делает наш герой свои первые шаги на поприще розыскника — ему кажется, что за четыре десятилетия после Победы про-

шло достаточно времени, чтобы все миновавшее и пережитое осталось навсегда в прошлом. В семье самого Алексея есть печальная страница — большой род Адабашей, из которого происходила и его мама, был в годы войны полностью уничтожен карателями. Дядя Алексея капитан Егор Адабаш перед смертью завещал всем уцелевшим найти палачей хоть на краю света... И, выполняя этот завет капитана Адабаша, Алексей вначале самостоятельно, а потом уже и в силу служебного долга знакомится с архивными документами, встречается с участниками партизанского движения, читает показания чудом уцелевших свидетелей кровавых расправ оккупантов и их пособников над мирным населением. Он вновь и вновь убеждается: никто и ничто не должно быть забыто. Не только прошлое, но и настоящее, и будущее народа требуют: предатели и палачи должны ответить по всей строгости закона, есть преступления, к которым милосердие неприменимо, срок давности на них не распространяется.

Да, истоки новой повести Льва Корнешева — в грозной военной поре, когда шла смертельная схватка с гитлеровским фашизмом. Вторая мировая война, как известно, унесла жизни более пятидесяти миллионов людей, погибло свыше двадцати миллионов советских граждан. Не все из них пали на поле боя, ибо среди погибших были миллионы детей, женщин, стариков — жертвы массовых расстрелов гитлеровцами мирного населения, чудовищных концлагерей, жестоких расправ над ни в чем не повинными людьми.

В повести есть страницы о том, как гнали на смерть фашистские каратели и их приспешники весь род Адабашей, около двухсот человек. Где, на какой пяди советской земли стояла их деревня? Автор не указывает точный адрес — понятно, почему: такие замученные, сожженные, расстрелянные оккупантами деревни были в каждой области; в каждом крае, на которые в годы войны упала злоеющая тень фашистского рабства. Вот, например, сколько было уничтожено гитлеровцами мирных жителей по одной только бывшей Станиславской области: город Станислав — 128 122 человека, Городенский район — 6750 человек, Надворнянский — 6501 человек, Долинский — 4033 человека... И так — по каждому городу и городку, поселку и селу.

Повесть ни в чем, даже в самых малых подробностях, не отступает от суровой правды, от того, что долгие го-

ды было нашей болью, а ныне стало неизбывной памятью.

Романтическая любовь капитана Егора Адабаша и немецкой девушки Ирмы Раабе — это тоже частица правды. Велика была ненависть советских людей к захватчикам, но наши солдаты были далеки от чувства примитивной мести. Жестокостью за жестокость — не наш принцип. И что странного в том, что спасение тяжело раненного советского офицера немецкой девушкой родило высокое благородное чувство? Юный Алексей Черкас уже в наши дни, выполняя последнюю волю своего дяди капитана Адабаша, идет не только по следам военных преступников, он пытается найти и Ирму. Это важно не только для него, но и для нас всех, ибо последние фашистов попытались замарать грязью, подлой клеветой и очень личные отношения Ирмы и Адабаша. Не секрет, что на Западе за эти годы поднялась новая «коричневая поросль», открыто действуют неонацистские организации, в том числе и молодежные.

Впрочем, все это читатели узнают, читая повесть, а сейчас следует напомнить, что в уничтожении мирного населения участвовали и те, кто изменил Родине в трудный для нее час, запятнал свою совесть предательством. Все они, без исключения, тоже должны были предстать перед народным судом.

Розыск военных преступников начался еще в годы войны. И уже тогда состоялись первые открытые судебные процессы над теми, кто свирепствовал на нашей земле. Вскоре после Победы была составлена картотека военных преступников — она включала сведения о десятках тысяч лиц. И подавляющее большинство убийц были разысканы, преданы суду и сполна ответили за свои преступления. Однако кому-то из палачей и их пособников удалось бежать на Запад, другие смогли укрыться, присвоив себе чужие документы и биографии. Сбежали от возмездия эсэсовский полковник по кличке Коршун, его подручный, называвший себя Черным ангелом. Их и разыскивает Алексей Черкас, руководствуясь высшими законами справедливости.

Молодой чекист работает под началом опытных наставников — генерала Туршатова, майора Устияна. Современный молодой человек, он мыслит, живет по-современному, его, конечно, волнуют, а порою и тревожат события, явления нынешнего дня. Но его роднит с мужественными людьми, которые после сражений Великой

Отечественной войны начинали розыск военных преступников, главное — такая же ненависть к врагам Родины и такое же обостренное чувство справедливости. Поступки Алексея Черкаса продиктованы не прямолинейностью его характера, как может показаться, а точным пониманием своего долга. Хотя и ему не удастся избежать ошибок...

Алексей любит Геру Синеокую — «раскованную» дочь директора крупного универмага, в котором свила гнездо шайка расхитителей. Эта любовь ставит Алексея перед трудным выбором...

Запоминается в повести образ Ирмы-младшей, дочери Ирмы Раабе, которую так любил капитан Адабаш. И Ирма-младшая должна сделать свой выбор — между нацистскими «идеалами», на которых воспитал ее бывший эсэсовский полковник Раабе, и правдой истории, правдой нашего непростого времени, когда идет открытая, трудная борьба за сохранение жизни на Земле, предотвращение ядерной катастрофы.

Прошлое всегда незримыми нитями сплетается с настоящим. И в повести Льва Корнешова события давних лет вторгаются в современную жизнь — для одних напоминанием, для других — предостережением, для современных молодых людей — нравственными ориентирами. Ибо как для чекистов всегда были главным оружием и щит, и меч, так и для всех нас самыми ценными зернами на ниве жизни были и остаются зерна мужества и справедливости.

В «Молодой гвардии» издавались повести Льва Корнешова «Охота на Горlinkу», «Удар мечом», «Схватка с ненавистью», посвященные борьбе чекистов с врагами нашей Родины в военные и первые послевоенные годы. В новой работе писателя события разворачиваются в наши дни, ее главный герой — преемник и наследник трудной работы, проделанной старшими поколениями. Надеюсь, повесть «Последний полет «Ангела» будет с интересом встречена читателями.

ИВАН КОНОНЕНКО

Григорий Петрович Туршатов — начальник областного управления КГБ. В справочном издании «Депутаты Верховного Совета республики» о нем говорится следующее: «Туршатов Григорий Петрович, род. в 1921 г., украинец, член КПСС с 1941 года, генерал-майор. Образование высшее — инженерно-строительный институт, Высшая школа КГБ СМ СССР. В органах государственной безопасности работает с 1940 года. Участник Великой Отечественной войны, в действующей армии с июня 1941 года по июнь 1945 года...»

Далее следует перечень многих боевых наград.

Никита Владимирович Устиян — майор государственной безопасности, «розыскник», то есть занимается розыском лиц, совершивших преступления против человечности, военные преступления, изменивших долгу и Родине в годы войны. Старше шестидесяти. Награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Алексей Черкас — лейтенант государственной безопасности, двадцать пять лет. Окончил среднюю школу, служил в армии. Выпускник юридического факультета университета, вполне современный молодой человек. Подвигов пока не совершал, наград не имеет. Хорошо владеет французским и немецким языками. Выдержан, упорен в достижении поставленной цели. Дисциплинирован. Майор Устиян видит в нем преемника того дела, которому посвятил свою жизнь.

Гера Синеокая — секретарь заведующего одним из городских учреждений г. Таврийска. Девятнадцать лет, чувствует себя вполне взрослой и самостоятельной. Стремится жить, как говорят, «по правде», из-за чего вступает в конфликт с близкими ей людьми.

Егор Иванович Адабаш — дядя Алексея Черкаса по матери. До войны — учитель немецкого языка в сельской школе, во время оккупации Таврийской области фашистами — партизан, после освобождения — в действующей армии, разведчик. Был награжден многими боевыми орденами и медалями, в том числе солдатским орденом Славы III степени. Егор Адабаш участвовал во взятии фашистского Берлина, погиб в звании майора в августе 1945 года.

Ганна Ивановна Черкас — мать Алексея Черкаса, сестра Егора Адабаша. В пятнадцать лет — партизанская разведчица по кличке Тополек, после войны — врач. Имеет боевые награды, в мирные годы награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Ирма фон Раабе-старшая — дочь штандартенфюрера СС фон Раабе и урожденной Эльзы Лемперт. В 1945 году ей было семнадцать лет.

Ирма фон Раабе — дочь Ирмы фон Раабе-старшей, гражданка ФРГ, двадцать пять лет. Возглавляла одну из крайне правых молодежных группировок в Мюнхене.

Вилли Бимани — бывший фельдфебель гитлеровского вермахта, потерял ногу в боях на Северском Донце. «Активист первого часа» — так именовали тех, кто сразу же после разгрома фашизма принял личное участие в строительстве немецкого государства рабочих и крестьян. С 1946 года — член Социалистической единой партии Германии, впоследствии партийный работник. Скончался в 1982 году.

Ганс Каплер — студент из Мюнхена, активный участник борьбы за мир, ненавидит нацистов. Пунктуален, точен, всегда выполняет свои обещания.

Олег Мороз — товарищ Алексея Черкаса по туристской поездке во Францию. Двадцать два года, инженер, убежден, что НЛО (неопознанные летающие объекты) существуют. В остальном неплохой парень.

Гайер (Коршун) — кличка начальника особой зондеркоманды «Восток». Военный преступник, во время «акций» упражнялся в стрельбе по движущимся целям — обреченным. Кто скрывался под этой кличкой и где он находится сейчас — именно это стремятся выяснить майор Устиан, лейтенант Черкас и их коллеги.

Ангел смерти, Черный ангел — клички предателя, участника массовых расстрелов мирного населения в годы оккупации, приспешника Коршуна. Повинен во многих преступлениях против Родины и человечности. Фамилия неизвестна. Должен был быть казнен по приговору трибунала партизанского отряда, но уцелел, находится в розыске.

Зинанда Кохан (Зинка) — пособница гитлеровских оккупантов, сожительница Ангела, после войны — мелкая спекулянтка.

Танцюра, Демиденко и др. — бывшие полицейские.

Остальные действующие лица появляются в повести эпизодически.

— Алешенька, вас приглашает к себе генерал, — секретарь генерала Туршатова Женя иначе как Алешенькой нового сотрудника управления лейтенанта Черкаса и не звала. Вначале Алексей возмущался, но в конце концов смирился, тем более что Женя уже в первые дни работы Алексея в управлении взяла его под свое покровительство, объясняя это просто: молодой, неопытный, только что из университета.

— Иду, Эжени, — Черкас в отместку шутливо звал ее на этаким иностранный манер.

Кабинет начальника управления располагался на третьем этаже. Алексей легко, через две-три ступеньки взбежал по широкой лестнице.

— Разрешите, товарищ генерал?

— Входите, лейтенант.

У широкого стола в одном из двух кресел сидел майор Устиан. Туршатов жестом показал Алексею на свободное:

— Садитесь.

Туршатов был в штатском костюме и выглядел, вопреки расхожему мнению о людях своей профессии и такого высокого звания, не усталым и озабоченным, а энергичным, казавшимся гораздо моложе своих лет.

— Как вам работается, лейтенант? — поинтересовался Туршатов.

— Хорошо работается, товарищ генерал, — вскочил Алексей.

— Можете сидеть, — разрешил Туршатов, — и обращаться ко мне проще: Григорий Петрович.

— Слушаю, товарищ генерал... Виноват, Григорий Петрович.

Сесть он не решался, и Туршатов вновь указал на кресло:

— Да вы садитесь, в ногах, как говорится, правды нет.

— Слушаюсь, товарищ генерал,— автоматически ответил Алексей.

Туршатов и Устиян улыбнулись, а Алексей смутился. Еще решат, мелькнула мысль, что вот, без году неделя в управлении, а уже тянусь, стараюсь произвести впечатление. Но он признался себе, что ему нравится обращаться к своим начальникам именно так, по-военному: товарищ майор... товарищ генерал...

— По какому вопросу вы просили принять вас, товарищ Черкас? — спросил генерал.

Алексей знал, что Туршатов не любит пустых разговоров, требует, чтобы ему предельно кратко излагали суть, а выводы предпочитал делать сам.

— По личному.

Ведь вопрос и в самом деле личный — так считал Алексей.

— Майор Устиян в курсе ваших проблем? — поинтересовался Туршатов. — Его присутствие вас... не смущает?

Алексей ожидал такого вопроса:

— С Никитой Владимировичем я советовался. Именно он порекомендовал написать вам рапорт.

— Понятно,— Туршатов одобрительно кивнул. Он не поощрял обращение сотрудников к руководителям управления, минуя непосредственных начальников.

— Так что же вас волнует, лейтенант?

— Сколько у меня есть времени? — храбро спросил Черкас, преодолевая смущение, чувствуя, что именно сейчас, в эти минуты, будет решаться та проблема, которая занимала его уже несколько лет, а в последние месяцы породила сомнения и колебания: имеет ли он право ею вообще заниматься без ущерба для своих служебных обязанностей. Еще вчера был студентом, а сейчас — лейтенант, сотрудник областного управления государственной безопасности... Совсем недавно он мог поступать, как считал нужным, если ошибался — особого вреда другим людям это не причиняло. Сегодня же он обязан каждый свой шаг оценивать с точки зрения того, насколько он соответствует званию офицера госбезопасности, вписывается в строгие рамки служебной дисциплины и этики.

— Ровно столько,— ответил ему Туршатов,— сколько требуется для вашего... личного вопроса.

У генерала была своя манера беседовать с сотрудниками, он никогда не повышал голос, лишь концевые

слова отделял от всей фразы паузой, словно давая возможность собеседнику лучше уловить смысл услышанного.

Алексей был на приеме у Туршатова второй раз. Генерал беседовал с ним, когда он начинал свою работу здесь. Разговор тогда состоялся короткий, длился минут пятнадцать. Туршатов, очевидно, уже составил по документам и отзывам кадровиков мнение о нем, он лишь спросил:

— Все продумали? Учтите, работа у нас особая, далеко не каждому по плечу... да и по сердцу. Иной молодой человек представляет ее как сплошные приключения. А мы ведь... работаем,— генерал произнес последнее слово крайне серьезно, словно желая подчеркнуть, что приключения и работа — вещи совершенно разные, они словно бы существуют, не пересекаясь, в разных горизонтах человеческого бытия.

— Мне кажется,— ответил Алексей,— что приключения, как и интересную работу, жизнь дарит нечасто.

— Философ...— чуть-чуть улыбнулся генерал.— Это неплохо, относиться ко всему чуточку созерцательно.

И вот он снова в этом просторном кабинете. Туршатов предложил:

— Излагайте свой вопрос, лейтенант.

— Вчера я получил письмо из Федеративной Республики Германии от своего знакомого по студенческим годам Ганса Каплера. Естественно,— опередил вопрос генерала Черкас,— он не знает, где я сейчас работаю. Когда мы впервые с ним встретились, я был на пятом, выпускном курсе юридического факультета и как заместитель секретаря комитета комсомола сопровождал делегацию студентов из ФРГ, которая посетила наш университет.

Фраза получилась длинной, и Алексей перевел дыхание. Он опасался, что генерал сейчас перебьет его, остановит, скажет что-нибудь вроде: «Разбирайтесь вместе с майором Устияном». Но Туршатов не удивился, он продолжал слушать с доброжелательным вниманием.

— Так вот, это письмо — всего лишь один эпизод в той сложной, запутанной, драматической истории, которая касается меня лично.

— Не слишком ли много эмоций, лейтенант? — поинтересовался Туршатов.

— Нет, товарищ генерал. Сейчас вы поймете, почему я говорю об этом с волнением. Эта история воспринималась мною вначале, когда мне ее рассказала мама, как семейная легенда. Однако у легенды этой есть драматический пролог, но пока нет конца.

...Осенью 1941-го область была оккупирована гитлеровцами. Вначале они присматривались, расстреливали, так сказать, «избирательно», потом начали действовать зондеркоманды, уничтожать людей стали сотнями и тысячами.

Гайер появился в этих местах через несколько месяцев после оккупации. А потом словно из преисподней вынырнул и Ангел смерти.

В 1942 году отряд гитлеровских карателей, которым командовал эсэсовский майор по кличке Коршун, истребил всех моих близких и дальних родственников. Место расстрела до сих пор неизвестно, ходили слухи, что каратели пригнали их к противотанковому рву. Тогда в живых из нашего рода остались только двое: моя мама и ее старший брат Егор Адабаш. Да-да, — объяснил он, заметив, что генерал чуть удивленно приподнял бровь, — девичья фамилия моей мамы — Адабаш, эту же фамилию носили почти все наши родственники, и село, в котором они жили, тоже называлось по нашему роду: Адабаши... Дядя Егор дошел до Берлина. В последние дни войны в каком-то предместье Берлина был ранен, после выздоровления снова служил, погиб в августе сорок пятого в Маньчжурии...

— На сопках Маньчжурии... — с приметной грустью произнес Туршатов и попросил Алексея объяснить, какое отношение имеет письмо из ФРГ к тому, что случилось много лет назад, с людьми другого поколения.

Алексей, стараясь быть предельно точным, не упустить важные детали, но и не утонуть в словах, рассказал все, что ему удалось установить. Он по памяти процитировал письма Ирмы Раабе, датированные сорок пятым годом, Егору Адабашу, и письма дяди Егора маме.

— Одно из его последних писем — это своего рода завещание. Егор Иванович просил маму, чтобы она, а если не сможет, то ее сыновья, отыскиали хоть на краю света палачей, которые расстреливали Адабашей. Ему было известно, об этом он тоже писал, что в карательной акции принимали участие и предатели-полицейские.

— Откуда он мог узнать? — спросил генерал.

— Я думаю, что в партизанском отряде, в котором были мама и дядя Егор, знали об этой зондеркоманде и ее преступлениях. Но война не дала возможности дяде Егору сразу, по горячим следам, отыскать убийц и передать их в руки правосудия.

Алексей рассказал о судьбе мамы, о том, что партизанский отряд «Мститель» соединился с наступающими частями Советской Армии не в родных местах, а в ровенских лесах, куда партизаны ушли в рейд. Дядю сразу направили в военное училище, а после его окончания — снова фронт. Он воевал до самого конца войны, так и не заглянув, хоть ненадолго, в бывшие Адабаши.

— Да, война не считалась с нашими желаниями, — задумчиво подтвердил генерал. Он сам прошел ее всю — от первого до последнего дня. — Теперь расскажите более подробно историю переписки капитана Адабаша и... Ирмы Раабе.

Алексей изложил все, что было ему известно.

— Последнее письмо Ирмы Раабе явно написано в панике.

А в предыдущем она сообщила, что узнала некоторые подробности гибели Адабашей. Откуда и как — совершенно непонятно. Да и кто она такая, эта Ирма, мы тоже не знаем, хотя ее письма свидетельствуют, что она очень любила моего дядю.

Лейтенант прервал рассказ, после затянувшейся паузы в тишине добавил:

— И он ее любил.

Алексей ожидал увидеть улыбки на лицах генерала и майора, но и Туршатов и Устиян слушали его серьезно.

— Эта история для нас, — заключил Алексей, — семейная легенда, в которой пока нет конца. Я пытаюсь найти его уже несколько лет, но не продвинулся ни на шаг. А сейчас даже определить не могу, вправе ли я этим заниматься дальше.

Алексей замолчал, разговор и так продолжался уже больше часа, генерал и майор — люди занятые, какое им дело до каких-то семейных легенд. Откуда ему знать, что Туршатову и Устияну вдруг вспомнилась собственная молодость, когда они были в самом начале пути...

Генерал нарушил неловкое молчание вопросом:

— Как случилось, что вам написали из ФРГ? Кажет-

ся, с этого письма вы начали свою повесть прошлых лет...

— Мне написал Ганс Каплер, я уже говорил, что он приезжал к нам со студенческой делегацией.

Ганс оказался очень общительным парнем, через несколько минут после знакомства он был с Алексеем на «ты», а после двух совместно проведенных дней они числили себя уже в давних друзьях. Однажды заговорили о войне, о ранах, которые болят и сегодня. Алексей в минуту откровенности рассказал о трагедии Адабащей, о том, что виновных в гибели его родственников так и не удалось отыскать. Ганс все очень старательно записал в толстенную книжку-блокнот, которую постоянно носил с собой, пообещал:

— Я постараюсь что-нибудь узнать у нас. Может быть, какой-нибудь недобитый твоим дядей эсэсовец проболтался об этой акции в «воспоминаниях» — их сейчас издается много. Или по архивным документам удастся установить, что за зондеркоманда свирепствовала в ваших местах.

И вот от Ганса пришло письмо, он сообщал, что пока никаких следов Гайера не обнаружил. Более того, в архивах, где хранятся списки личного состава бывших эсэсовских формирований, Гайер не числится.

— Никита Владимирович, — спросил генерал майора Устияна, — а нам что-нибудь известно о карательной акции в селе Адабаши... ее организаторах и участниках?

— Очень мало, — сразу же ответил Устиян, он был готов к этому вопросу. — Все население было уничтожено, а село сожжено дотла.

— А вы говорите — личное... — немного укоризненно обратился генерал к Алексею.

Лейтенант промолчал, он понимал, что ответа от него сейчас не ожидают. Генерал, размышляя вслух, продолжал:

— В нашем деле порою трудно, невозможно установить, где кончается личное и начинается общегосударственное. Вы в этом еще не раз убедитесь, лейтенант.

Туршатов спросил:

— В вашей анкете есть запись, что вы владеете немецким. Это так?

— Да, товарищ генерал.

Неожиданно для Алексея генерал перешел на немецкий:

— Повторите, о чем просил капитан Адабаш вашу маму?

Тоже по-немецки Алексей ответил:

— Он к тому времени был уже майором. И завещал своей сестре, моей маме, и ее сыновьям отыскать палачей, хоть на краю света.

Генерал удовлетворенно кивнул, сказал уже по-русски:

— У вас не анкетное, как случается, знание языка. Алексей и майор Устиян ждали, что он решит.

— В старину говорили: последняя воля покойного... Ее нельзя было не выполнить, таков обычай, и в нем много справедливого. Для нас воля павших за Родину, их заветы священны. Последний приказ ушедших тем, кто будет жить.

Генерал поднялся, вышел из-за стола. Алексей и Устиян тоже встали. Тоном, не предполагающим что-либо обсуждать дальше, Туршатов обратился к Алексею:

— Вы — новичок в нашем деле, лейтенант. Но майор Устиян, очевидно, говорил уже вам, что розыск военных преступников, лиц, запятнавших себя в годы войны злодеяниями, — это тоже охрана безопасности нашего государства. Мы обязаны разыскать и палачей села Адабаши. Будь они хоть на краю света. — Резко, твердо генерал завершил свою мысль: — Продолжайте выполнять последний приказ майора Адабаша, лейтенант. — Чуть мягче он добавил: — Советую для начала вновь изучить старые дела предателей и пособников оккупантов. Вам все ясно, лейтенант?

— Так точно!

Алексей понял, что разговор, которого он так ждал, окончен, и завершение его оказалось самым благоприятным. Он поднялся, чтобы уйти, и вдруг услышал:

— Кстати, в ходе того, я бы сказал, нелепого инцидента в зарубежной туристской поездке вы действовали правильно.

Когда все-уже отшумело и стало воспоминаниями, через много месяцев после туристской поездки во Францию, Алексей пытался определить, чем же отличался вечер 22 июня 1981 года от многих других, исключая то, что это был вечер в Париже. Он вновь и вновь перебирал в памяти подробности, по минутам восстанавливал происшедшее тогда, и думал, что случайности в нашей жизни порою становятся исходными точками для событий, под знаком которых текут многие месяцы, а то и годы. Ведь вполне можно считать — встреча на той парижской улочке была именно случайностью в ее чистом, первозданном виде.

Алексей и его товарищи по туристской молодежной группе, Гера и Олег, возвращались в свой отель. Они только что побывали в музее Родена. Залы, где застывшими в мраморе образами давно минувшей жизни возвышались творения прославленного скульптора, произвели на всех немножко грустное впечатление. А тут еще подкрался вечер, вначале по-летнему голубой, но быстро терявший светлые краски. В больших незнакомых городах вечера все чуть-чуть окрашены в грустные тона. Алексей вспомнил фразу из какого-то романа: вечерний воздух в Париже так настоян на пылице и запахах деревьев, что кажется, к нему можно прикоснуться рукой. Сумерки были подкрашены золотистым светом, наступило то время, когда еще не ушел окончательно день, но уже приближалась ночь.

Алексей шел и словно бы видел роденовского «Мыслителя». Он почему-то, как показалось, походил на дедушку, старого Адабаша, такого, каким запомнился по одной из немногих уцелевших фотографий: отрешенный взгляд, высокий чистый лоб, уверенность спокойного и сильного человека. А еще Алексею представилось, как много-много лет назад по этим же улочкам ходил Огюст Роден: мучился, страдал, негодовал, рад-

вался нечастым своим удачам, восставал против непонимания и равнодушия. Понадобилось немало времени, чтобы его прочно и навсегда назвали великим.

Может быть, именно здесь, вот на этом самом месте Роден раскланивался со знакомыми, а в той вот старой лавчонке покупал зелень и сыр для скудного ужина? Лавчонке, судя по ее виду, не менее сотни лет.

Алексей не заметил, когда они сбились с пути.

— Черкас,— первым забеспокоился Олег Мороз,— а мы ведь топаем куда-то не туда.

Олег и Гера были из Таврийска, центра области, в которой находились родные Алексею Адабаши. В Таврийске жила и его мама — может быть, поэтому Алексей еще в самом начале поездки подружился с этими ребятами.

— Кажется, ты прав,— согласился с Олегом Алексей. Они остановились, осмотрелись. Не без удивления Алексей отметил, что и дома, и перекресток, и круглую афишную тумбу, заклеенную старыми, затрепанными ветром листками бумаги, он видит впервые. А казалось, идут знакомой дорогой — вот уже десяток дней каждый вечер они гуляли по Парижу, часто бродили наугад, куда улочка или бульвар выведут, и считали, что район вокруг своего отеля хорошо знают.

Сейчас же они забрели в настоящий лабиринт довольно грязных, запущенных улиц. Казалось, здесь поселилась не бедность, нет, а та полуголодная безразличность к жизни, которая предшествует нищете и так свойственна кварталам, в которых живут шумные иммигранты и тихие старики, семьи, потерпевшие жизненное крушение, мелкие служащие третьестепенных учреждений и контор. Здесь, кажется, все на виду — белье на веревках от дома к дому, скудно меблированные комнаты с низко посаженными над щербатыми тротуарами окнами, печали и горести, будто выставляемые напоказ. Вечера в такие кварталы приходят как-то суетливо, поспешно.

Пока они стояли и прикидывали, куда направиться дальше, стали зажигаться огни маленького кафе и бара на углу улицы. В тени серых стен появились стайки подростков, парней с подругами, под чахлыми платанами заняли свои позиции одинокие девицы.

Девицы явно скучали, а подростки стояли молча, лениво, очень равнодушно поглядывая по сторонам.

Короткие кожаные курточки уже вышли из моды, эстрадные идолы еще не продиктовали новый стиль, и молодые люди были одеты разномастно, вызываясь небрежно.

Туристы под их немигающими взглядами чувствовали себя не очень уютно. Девушки — каждая рядом со своим парнем — поглядывали на Алексея и его товарищей с чуть большим интересом. Они были почему-то очень похожи, словно птенцы из одного гнезда: длинные волосы небрежно падали на плечи, блузки застегнуты лишь на нижние пуговички, брезентовые потрепанные сумки через плечо, широкие юбки почти до земли...

Захотелось побыстрее выбраться из паутины тесных улиц на широкие бульвары, где свет и воздух. Он заметил, что и его товарищам тоже не по себе: Гера, державшаяся все время рядом, чуть слышно произнесла: «Какой странный вечер...» Она была за границей впервые, и все ей казалось странным и непонятным, и временами она весьма эмоционально выражала удивление. Гера уже в первый день туристской поездки выяснила, что Алексей заканчивал среднюю школу в ее родном Таврийске, откуда и уехал учиться в университет. «Мы земляки, и потому должны держаться вместе, — в шутку сказала она Алексею и после многозначительной паузы добавила: — Возьми меня, пожалуйста, под свое крыло». Алексей видел, что такой шустрой, уверенной в себе девице его «покровительство» совсем не требуется, но было приятно, что его заметили среди других ребят группы.

Для Алексея это тоже была первая в жизни поездка за границу: туристскую путевку ему выделил комитет комсомола как поощрение за активную общественную работу и в связи с блестящим окончанием университета.

— Таращатся на нас, словно мы с другой планеты, — Гера чуть приметно показала на парней и девчонок у серых стен.

— В самом деле, как-то не по себе, — согласился Алексей. Что-то неуловимо тревожное ощущалось в сумраке улочек, укрытых быстро темнеющим небом. А может, так казалось? Видимых причин для беспокойства вроде бы не было. Улочки жили своей вечерней жизнью. Стремглав, крикливо носились по разбитым мостовым ребяташки, громко и добродушно перекликались женщины-соседки, у витрин маленьких магазинчиков на минутку-другую задерживались редкие прохо-

жие и медленно брели дальше. Вот только подростки... Почему у них такие немигающие взгляды, застывшие, словно ломкое стекло, глаза?

Девушка под платаном, одетая, а точнее, полураздетая так, что даже неискушенные туристы сразу догадались о ее древней профессии, окликнула Алексея:

— Эй, парень, бросай свою козу, причаливай ко мне.

Она обратилась именно к Алексею, может быть, потому, что он выделялся среди своих спутников ростом и спортивной походкой.

— Что говорит эта мырма? — неприязненно спросила Гера, хотя было ясно — даже не зная языка, уловила смысл того, что выкрикнула пухленькая девушка, которая была удивительно к месту на перекрестке среди черных пластиковых мешков с мусором у кромки тротуаров, по-соседству со сгорбленными старухами на раскладных стульчиках под стенами.

— Учить языки надо, — назидательно пробормотал Олег.

— Эй, не сомневайся, я тебя кое-чему научу... Твоей овечке такое и невдомек, — не унималась девушка. — Или ты меня не понимаешь?

— Спасибо, мадемуазель, я все понял, но даже в школе числился в неспособных учениках, — вежливо ответил Алексей.

— Жаль, паренек, но святая парижская богоматерь тому свидетельница — ты мне нравишься, — рассмеялась девушка.

— Что она такое говорит? — не унималась Гера, почти повиснув на руке у Алексея.

— Разве не понятно, — поддразнил девушку Олег Мороз, — эта хозяйка вечерних панелей желает нам приятного знакомства со славным городом Парижем.

— Шутите! — Гера старалась скрыть беспокойство. — А мне все это не очень по душе. Тоскливо как-то, кошмар и катастрофа.

Это были два ее любимых словечка, и она часто употребляла их к месту и не к месту.

— Да, обстановка не из праздничных, — согласился Алексей. — Вот что, ребята, нечего нагонять на себя страхи, держитесь увереннее.

Именно тогда в конце тоннеля-улицы, в неясном скудном свете редких уличных фонарей появилась стайка молодых людей. Они шли посередине мостовой, заняв всю улицу, шли шумно, что-то выкрикивая, вы-

свистывая бравурный марш. У Алексея заняло сердце — еще не зная, не предполагая, что будет дальше, он вдруг ясно понял — этих не обойти стороной, слишком они возбуждены, накачаны бесшабашностью. Его тревога передалась и Олегу. Он то ли спросил, то ли предложил:

— Повернем обратно?

— С какой стати? — упрямо ответил Алексей. — Пусть себе веселятся, что нам с ними делить?

Он надеялся, что с шумной компанией они разойдутся мирно.

Подростки у стен зашевелились, задвигались, у них было хорошо развито чутье на скандалы. Старушки поспешно собрали свои раскладные табуреточки и исчезли в темных проемах подъездов.

Предводительствовала шумной ватагой девушка в узких кожаных брюках, перехваченных широким кожаным поясом, в черной рубашке, фасон которой что-то смутно напомнил Алексею. Это уже потом он рассмотрел девицу и запомнил, кажется, на всю жизнь, а сейчас только машинально отметил, что вышагивала она уверенно, по-солдатски печатая шаг. Девушка была невысокого роста, белокурая, из тех, кого обычно называют миниатюрными блондинками. Она шла впереди своих шумных спутников, и нарочитая грубость ее походки воспринималась неестественно, словно бы она пародировала кого-то или поддразнивала парней, которые роились вокруг нее в надрывном веселье. Девушка была старше остальных. Но ее слушались не только поэтому, по какому-то праву она была лидером. Спутники ее недавно перешагнули подростковый возраст, одеты они были под стать своей предводительнице — черные рубашки, кожаные иссиня-черные брюки, высокие, грубо сбитые сапоги. Парни ржали на любую, выкрикнутую кем-либо из них фразу, энергично жестикулировали, словом, им было весело, и они не сомневались, что и эта улица, и вечер, и вообще весь мир принадлежат им.

Разговаривали они на немецком.

— Кажется, эти хлопчики ищут, с кем бы сцепиться, — тихо сказал Олег. До этого они везде, на каждой встрече в молодежных клубах и в студенческих аудиториях, где успели побывать, чувствовали искреннее расположение и интерес к себе.

— Туристы, как и мы, — успокаивающе ответил Алек-

сей.— Кажется, из ФРГ. Наверное, где-то побратались с зеленым змием, и он их одолел.

— Боюсь, мирно разойтись не удастся,— все больше мрачнел Олег.

Парни явно искали, как растратить подогретую спиртным энергию. Еще Алексей заметил, что вместе с ними были два молодых человека, по виду парижане. На их одинаковых куртках выделялись странные значки, напоминавшие не то паучков, не то фашистскую свастику.

Местные ребята тоже заметили этих молодых людей со значками, и с них стало сползать сонное выражение, на лицах проступила брезгливость, с которой разглядывают что-то грязное или непристойное.

Алексей прикинул: сейчас, через несколько шагов они встретятся с веселенькой компанией лицом к лицу. Они слишком выделялись на этой улице, чтобы пройти незамеченными. Любо́й француз и раньше, заметив их, безошибочно определял: «Вот идут русские...» Нет, они не были одеты так, чтобы «выпадать» из общего фона, юношеский стиль в последние годы подогнал одежду парней и девушек из разных стран под некий общий стандарт. Однако их, русских, узнавали изда-лека.

— Парни! — громко сказала миниатюрная блондинка, когда они встретились посреди улицы.— Дурная примета, если дорогу переползают эти русские свиньи!

Компания откликнулась утробным визгом и свистом. Алексей хорошо понял, что она сказала, так хорошо, что даже сам удивился — немецкий он осваивал с помощью самоучителей и грампластинок, языковой практики у него не было. Он решил промолчать, ведь руководитель туристской группы не раз напоминал им о необходимости держать себя в руках в случае хулиганских выходов или провокаций, от которых в этом дружелюбном, но разномастном городе не застрахованы.

— Ирма, давай поддадим им как следует! — Это выкрикнул долговязый, старше других парень, который все время вертелся рядом с девушкой и явно пытался завоевать ее благосклонность.

Значит, зовут ее Ирма и она у них за атаманшу, или как там это называется,— Алексей понимал, что «атаманша» — слово в этой ситуации неуместное, однако другого, более точного не нашел.

— Неплохая идея,— одобрила Ирма, на лице у нее мелькнула злая рещительность. Девушка явно подбад-

ривала задиру, она даже лихо свистнула — так дают сигнал к нападению.

Теперь они стояли друг против друга. Алексей все еще прикидывал, как все-таки мирно разойтись, но, кажется, это было невозможно, уйти им спокойно не дадут, а почему — Алексей понять не мог. И все-таки он старался избежать драки.

Забеспокоились и молодые люди со значками из свиты Ирмы, они что-то тихо пытались втолковать девушке. Алексей ясно услышал, что это не тот квартал и что не стоит именно здесь...

— Чепуха! — отрезала Ирма. — Должны же мы как-то отметить великую годовщину! — Она все больше подавалась гневу и, кажется, всерьез ненавидела случайно встреченных русских.

— Позвольте пройти, — спокойно сказал Алексей, подбирая с трудом немецкие слова.

— Это животное умеет разговаривать! — осклабился долговязый и тут же посмотрел на Ирму: понравилось или нет девушке его остроумие. Та оценила — расхохоталась.

— О чем они говорят? — сердито спросила Гера Алексея. Она бросала на белокурую немку косые взгляды, в глазах у нее замерцали злые огоньки.

— Помолчи минутку, — попросил Алексей. Еще сорвется, забеспокоился он. Характер у Геры был крутой, она порою вспыхивала от самой невинной шутки своих подруг по группе.

С тревогой Алексей думал, что с миром уйти отсюда не удастся, не даст эта подгулявшая компания, почувствовавшая себя вольготно скорее еще и потому, что русских было всего трое.

— Объясните, пожалуйста, почему вы нас оскорбляете? — Он обращался только к девушке в черной рубашке. — Мы вас не знаем и ссоры не хотим...

— Какой ссоры? — насмешливо удивилась девушка. — Просто мы немного поработаем над тобой и остальными свиньями... Не тревожьтесь, живы останетесь, но лечиться придется долго... Нам повезло, что встретили вас в этом тупике именно сегодня, в такой славный день!

— Какой день? И откуда такая ненависть? — с искренним недоумением спросил Алексей. — Вас, кажется, зовут Ирма? — Он все еще надеялся хоть немного сбить напряженность. И вдруг вспомнил: 22 июня, сорок лет

назад, в четыре часа на рассвете упали бомбы на Киев и другие советские города и ринулись через нашу границу фашистские армии...

— Этого скота интересует, как тебя зовут! — захотел долговязый.

— Слушай, ты... — Алексея, несмотря на все усилия сдержаться, охватил гнев, пальцы непроизвольно сжались в кулаки, мускулы больно заныли. — Слушай, ты-ы-ы... Я не знаю, что будет с другими, но тебя я успею отделать по первому классу! — Он нашел нужные слова на чужом языке.

В глазах у Ирмы мелькнуло изумление.

— Дать этому длинному по его лошадиной физиономии? — растягивая от волнения слова, спросил и Олег. Он не все понимал, в школе и в институте усердием в изучении немецкого языка не отличался, однако догадался, что странные парни в черном и их девушка провоцируют столкновение.

— Ребята, кажется, эта зараза напрашивается на хорошую взбучку! — воинственно выпалила и Гера. Она тоже сообразила, что эти наглые парни затевают скандал, но не испугалась, наоборот, разозлилась — этой белобрысой еще придется пожалеть о своем хамстве...

— Держитесь спокойнее, — предупредил своих Алексей. Как нелепо все получилось! И сомневаться не приходится — через несколько минут начнется кутерьма, все вокруг завертится, и надо будет как-нибудь выбраться из свалки, даже если придется кулаками отбиваться от этих оголтелых.

Очень ему этого не хотелось. Нет, страха Алексей не испытывал, было лишь ясное понимание, что перевес в силах не на их стороне. А страх, что... Однажды, давно, Алексей ему поддался и не простил себе этого до сих пор. Но здесь речь шла о большем, нежели сияк под глазом или разбитая скула. Самое опасное в таких ситуациях — поддаться эмоциям. Вон как Гера разъярилась, того и гляди первой бросится на белокурую...

— Не заводишь! — остановил он девушку.

Конечно, обидно, когда тебя оскорбляют. Причем вот так — грубо и грязно, очевидно, понимая, что советские граждане за рубежом придерживаются четких норм и правил корректного поведения. Подгулявшие задиры только и ждут неосторожного жеста, возгласа, шага. А что потом? Быстрая драка, а может, и не очень

быстрая, полицейский участок, крикливые заметки в бульварных газетках, словом, все то, что называют колючим словом «неприятности». Их о таких ситуациях предупреждали, однако слушались эти наставления, если честно, с улыбкой в душе — перестраховывался, мол, руководитель группы.

В представлениях ребят слово «провокация» ассоциировалось со стрельбой, похищениями и другими подобными драматическими событиями, много раз виденными в приключенческих фильмах. А оказывается, бывает и так: оторвались от товарищей, встретились с возбужденными молодчиками, настроенными враждебно к нашей стране.

— Так откуда эта ненависть, Ирма?

— По праву крови и наследства! — истерично выкрикнула девушка.

Что-то подобное он ожидал услышать. Ишь ты, «по праву крови»... Когда-то, очень давно, фашистские палачи по этому «праву» бросали в костры целые народы. Теперь поминают и «наследство». Никак не угомонятся, мечтают о том, чтобы оживить, реанимировать призраки... И откуда это у нее? Ведь даже краешек жизни этой девицы не пришелся на «коричневые» времена.

Алексей старался не упускать из виду спутников Ирмы, но, конечно же, прежде всего наблюдал за нею, не сомневаясь, что сигнал к началу драки подаст именно она. Коротко подстриженные волосы, рубашка мужского покроя, кожаные брюки, голос чуть с хрипотцой — ни дать ни взять хулиганистый подросток, хотя ей явно уже перевалило за двадцать. Ее можно было назвать красивой, если бы не злое выражение, которое словно приклеилось к лицу. А вот глаза у нее даже сейчас, в эти минуты, были прекрасными — голубые, очень глубокие, неумная злость не смогла замутить эту глубокую голубизну.

— Может, начнем? — спросил долговязый и сунул руку в карман куртки.

Девушка запела какую-то веселенькую песенку, парни подхватили мотив, зашагали, стуча каблуками, по кругу, в центре которого оказались Алексей и его друзья. Песенка показалась знакомой, Алексей вспомнил, что слышал ее в старом зарубежном фильме о нацистских временах. Теперь он точно знал, с кем их случайно столкнула жизнь.

— Эй, вы! — резко, четко выговаривая немецкие сло-

ва, произнес он.— Сейчас не тридцатые годы! И здесь не Мюнхен при Гитлере!

Сейчас они начнут, это ясно, остервенели от злости, уверены, что справятся быстро — и в рассыпную.

— Предупреждаю, за все последствия отвечаете вы! — Алексей теперь следил лишь за тем, чтобы на них не напали внезапно, так, что он не сможет поучить одного-двух наглецов.

— Последствий не будет,— ухмыльнулся оруженосец Ирмы.— Три русских свиньи останутся лежать на мостовой, только и всего.

Алексею, конечно, не раз приходилось читать о нацистских молодежных группировках на Западе. Изредка в газетах появлялись снимки: молодые «коричневые» забрасывают камнями демонстрантов за мир, нападают на пикеты у заводских проходных, избивают бывших узников гитлеровских концлагерей.

Но эти снимки были как бы из другого, неведомого ему мира, такого далекого, что вероятность столкнуться с ним практически не просматривалась.

И тем не менее все происходившее сейчас было вполне реальным, и последствия надвигавшейся драки трудно было даже представить. Дернул же их дьявол оторваться от всей группы, вот и результаты «самодеятельности».

— Русские свиньи!..— истерично вопил долговязый. Он вырвал из кармана кастет и демонстративно закатывал рукава куртки.

«Руссише швайн...» — Алексею подумалось, что именно так выкрикивали эти грязные слова фашистские каратели в той маленькой деревеньке, которая называлась Адабашами. Это было в сорок втором — каратели согнали жителей Адабашей на истоптанную коваными сапогами сельскую площадь перед церквушкой.

Он много раз пытался представить, как это было, как шел глава рода Адабаш, шли глубокие старики, братья и сестры его матери и Егора Ивановича, их дети и все другие родные — весь большой род Адабашей. Вначале их согнали на площадь перед церковью, аккуратно пересчитали, проверили еще раз, не остался ли кто-то в хатах и сараях, прочесали яблоневые сады... Потом поставили у бугрившегося желтоватой глинистой землей рва. А когда вели — коротко постукивали автоматные очереди: это добивали тех, кто безнадежно пытался вырваться из длинной колонны, перепрыгнуть че-

рез палисадники, укрыться в кустарнике по берегу реки. Свинец резал ветки деревьев, цветы у домов, крошил стекла в окнах.

Род Адабашей был ветвистым и сильным, с могучими корнями. На этой земле Адабаши жили испокон веков, может быть, еще со времен запорожской вольницы. В селе все были в родстве, братья ставили хаты рядом, сыновья нарубали делянки-садыбы по соседству с отцовскими домами, девушки лишь по великой любви и с согласия всего рода уходили к своим избранникам в соседние села, а чаще выдвигали условие — перебраться к нам. Село так и называлось по имени давнего его основателя — Адабаши.

Случилось это в полдень, когда солнце выбралось в зенит и щедро светило после недавних проливных дождей. Земля разбухла, размочалилась от обильно пролившейся на нее с небес влаги, и Адабаши шли, размешивая ее, перебрывая через глубокие лужи. Брели по грязи старики, молодые женщины несли, прижимая к себе, младенцев, дети постарше шли, ухватившись за мамкины юбки. Они все двигались молча, и только разносились над селом резкие команды да эхо раскатывало по округе хриплый стук коротких автоматных очередей. К тем, кого срезал свинец, каратели никого не допустили — так и остались они лежать под родным синим небом. Потом каратели возвратятся и поднесут факелы к хатам — все сгорит здесь. Как надеялись факельщики — навеки.

Алексей представил сейчас все это так, как виделось ему в бессонных видениях много раз. И еще услышался ему гогот молодых, сытых, опьяневших от близкой расправы, от собственной безнаказанности эсэсовцев, потешавшихся над забрызганными грязью, уже отмеченными бликами неизбежной смерти людьми:

— Русише швайн...

Они гнали их на убой, ни секунды не сомневаясь, что имеют право убивать.

И, вдруг увидев все это, Алексей развернул плечи, чуть приподнял руку, шагнул к долговязому. Тот что-то прочитал в его глазах такое, что заставило поспешно отступить, чуть ли не спрятаться за спину белокурой Ирмы.

— Посторонись, девушка! — Алексею теперь было все равно, чем закончится столкновение, он видел перед собой не этих сопливых полупьяных дебоширов, а тех,

на площади, в то время, которое он забыть не мог, хотя и не было тогда его еще на свете. Эти сейчас издеваются над ним, а завтра, чуть окрепнув, решат, что тоже имеют «право» истязать и убивать?

— Посторонись и ты, парень,— услышал он неожиданно, вначале даже не поняв, что слова эти были произнесены на французском. Его весьма невежливо отодвинули, оттерли, как сказали бы в его городе на танцплощадке, в сторону.

Буквально за несколько минут на узкой улочке произошли большие изменения. Ребята, которые только что скупающе подпирали стены и, казалось, не обращали никакого внимания на назревавшую ссору, теперь образовали тесное кольцо, внутри которого оказались Алексей, Ирма и остальные участники стычки. Чувствовалось, что такие уличные потасовки — дело для них привычное, действовали они слаженно, каждый знал свою роль в подобных ситуациях. И еще Алексей заметил, что они как-то очень внимательно присматривались к двум молодым людям с паучьими значками.

— Ну, ребята... — пробормотала Гера, — сейчас начнется... Кошмар и катастрофа...

— Нацисты?.. — то ли спросил, то ли подтвердил невысокий паренек в легкой курточке, он был, очевидно, у местных вожак.

— Они, — откликнулся кто-то из его приятелей.

— Еще совсем зелененькие... коричневые... Только проросли, поганки...

Гера, почувствовав неожиданную мощную поддержку, энергично пробивалась к Ирме.

— Сейчас я с ней поговорю, объясню этой заразе правила хорошего тона!

Олег Мороз, не понимавший ни единого французского слова, но с детства постигший психологические оттенки скоротечных уличных потасовок, первым сделал наиболее разумный вывод:

— Нам, Алексей, лучше сматываться отсюда поживее...

— Эй, ребята, — посоветовал и вожак, — уходите, это дело наше.

— Спасибо за помощь, однако эти типы приклеились к нам, — ответил Алексей.

— У нас свои счета с ними, сейчас будем расплачиваться...

Алексей медлил, ему казалось постыдным бегство —

а как назвать иначе? — с этой улочки, напряжение не оставляло его, и злость, туманящая рассудок, не рассеивалась. Но его уже выталкивали из свалки, неожиданно завертевшейся по непонятным для постороннего взгляда орбитам, а Гера, наоборот, оказалась в центре сбившихся в тесную кучку возбужденных молодых людей. Алексей услышал слова вожака:

— Тысячу, сто тысяч раз было сказано, что нацистам на нашу улицу вход навсегда воспрещен! Вредно для их коричневого здоровья!

Вожак выкрикнул это с той яростью, которая предшествует решительным действиям. «Надо действительно выбираться», — решил Алексей, уклонившись от удара — драка уже началась. Он кое-как протиснулся в гущу свалки, где мелькнула и исчезла Гера, нашел ее руку и потянул за собой, даже не обратив внимание на то, что девушка отчаянно упирается.

— Быстрее уходите, русские, вам быть свидетелями ни к чему, — снова посоветовал вожак местных ребят.

Боковым зрением Алексей увидел, как этот парень резко, почти молниеносно ударил одного из молодых нацистов по руке и у того из рукава курточки выскользнул, звякнув о булыжник мостовой, нож с длинным узким лезвием.

— С ножом! — зло выкрикнул паренек, державшийся все время рядом с вожакom.

— Как всегда... — ответил ему приятель и вторым ударом — кулаком прямо в лицо — сбил того, с паучьим значком, с ног. «Ничего себе сноровочка», — машинально прокомментировал Алексей.

Долговязый, так крикливо и нагло нарывавшийся на драку, заячьим прыжком вырвался из круга, побежал, забился под козырек подъезда с наглухо закрытой дверью, истерично забарабанил в нее.

Алексей быстро уводил своих от места драки. Он еле удерживал себя, чтобы не побежать со всех ног, этого делать не следовало, мало ли как отреагировали бы на бегство случайные прохожие. Далеко впереди, в конце темного тоннеля улицы, светились фонари, мелькали силуэты машин. А здесь, словно по невидимой команде, внезапно погасли витрины, и стало совсем темно. Жители улочки по опыту знали, что хорошего от таких происшествий ждать не приходится.

Они остановились только тогда, когда открылся ши-

рокий бульвар, хорошо освещенный, с неторопливо фланирующей толпой парижан.

— Да отпустите же меня наконец! — услышал Алексей гневное на немецком.

Он с изумлением увидел, что все время буквально тащил за собой — нет, не Геру, а Ирму, и это она пыталась вырваться, да где ей было, — как-никак Алексей всерьез занимался штангой.

— А где же Гера? — растерянно спросил он.

— Здесь она! — веселясь неизвестно чему, откликнулся Олег. Он точно так же, как Алексей Ирму, выволок из стычки Геру.

— Здесь я, — подтвердила Гера. Она, что-то приглаживая и поправляя на себе, пожаловалась: — Шляпу потеряла... Только купила и вот — потеряла...

Гера, заметив Ирму рядом с Алексеем, насмешливо проговорила:

— Ай да мы! Еще и немочку в плен захватили! Ничего себе трофей.

Алексей смущенно, неловко сказал Ирме:

— Извините, но я не думал... Вернее, я думал...

Ирма высокомерно бросила:

— Он не думал! Жаль, помешали отделать тебя как следует...

Она тоже, как и Гера, поправляла одежду, бросая короткие, оценивающие взгляды на советскую девушку.

— Зачем вы так? — У Алексея уже не было сил на злость, он просто еще раз удивился неизбывной ненависти этой девушки. — Будем считать — произошло недоразумение.

— В сорок пятом тоже произошло трагическое недоразумение! — не унималась Ирма.

— Слушай, Алеша, пошли ты к дьяволу эту психопатку, — посоветовал Олег. Он не очень понимал, о чем так резко, чеканя слова, говорит Ирма, но догадывался, что снова начинается ссора и причины у нее те же, которые чуть раньше вызвали у этой белокурой девицы и ее приятелей вспышку ненависти. Что-то сейчас с задирами? Французские ребята шутить, видно, не намерены. Долговязый улепетнул, а остальные?

— Да, пожалуй, нам лучше попрощаться с этой нервной девушкой, — согласился Алексей. Он сказал Ирме: — Мы уходим. Надеюсь, вы сами найдете дорогу.

— Но мы еще встретимся! — угрожающе пообещала девушка.

— У нас такого желания нет.

Гера небрежно взмахнула рукой:

— Чао, психопаточка,— она вдруг вспомнила словечко из тех, что в ходу в любой стране. И добавила: — Расстанемся без взаимности... Кошмар и катастрофа...

Получилось это у нее почти весело.

Ирма резко повернулась и пошла туда, где стихал под свистками полицейских шум драки.

— А девочка ничего,— проявила неожиданную объективность Гера,— злости бы поубавить, а так — все при ней.

Настроение, когда опасность миновала, у Геры поднималось на глазах, она даже стала напевать что-то про себя.

Нелепая стычка осталась позади, но возбуждение не улеглось. Они неторопливо шли в потоке спокойных, оживленных людей, и им было хорошо среди них. Бульвар был знаком, дорога отсюда известна — несколько раз гуляли здесь по вечерам. Вдруг Гера сказала:

— А знаете, я, кажется, начинаю понимать тех, кто под звездами балканскими вспоминал рязанские и прочие родимые места.

— Гера у нас становится патриоткой,— с чуть приметной иронией прокомментировал Олег.

— Почему — становится? — обиделась Гера.— Я всегда...— И запнулась, замолчала, словно вспомнила что-то не очень приятное.

— Ладно вам, ребята,— вмешался Алексей. Он не очень прислушивался к их разговору, никак не мог остыть после стычки. Ему вспомнилась статья в молодежной газете, которую читал перед зарубежной поездкой. «Их выдают глаза» — так назвал ее автор. Он писал о том, что сегодня неонацизм использует любые лазейки, чтобы «приручить», заинтересовать, а затем поглотить человека, не имеющего «прививок» политической грамотности и жизненного опыта.

Приобщение может начаться очень буднично. Со значка, купленного на улице в киоске: это свастика или две молнии — символ частей СС. С журнальчиков, которые, претендуя на «историческую объективность», воспевают мощь танковых колонн Гудериана или «героические» рейды нацистских подлодок, безжалостно топивших мирные суда. Потом подвернется случай посмотреть фильм, в котором фашистские «сверхчеловеки»

с неотразимой легкостью расправляются с вооруженными до зубов, но «неполноценными» русскими. Они очень на экране обаятельны, эти парни в эсэсовской форме, а русские, конечно, чудовища... Ну а дальше уже нет ничего проще сыскать организацию или группу неофашистского толка — их много существует на Западе, они охотно принимают новых членов, они ждут своего часа.

Ирму и ее приятелей тоже выдавали глаза. Стоило заглянуть в них, чтобы увидеть — ненависть глубока, она кем-то бережно выпестована. Кем? Алексей не мог поверить, что она произросла сама по себе, нет, кто-то, очень опытный и коварный, поработал с юнцами, вот и дала всходы злоба. Как сказал паренек-француз: зелененькие... коричневые. Встретиться бы с этой Ирмой еще раз и поговорить, порассуждать спокойно — ведь надо же когда-нибудь научиться понимать друг друга, как не раз говорили здесь на встречах молодые французы — на одной земле живем...

Жаль, думал Алексей, что все так сложилось... Он действительно огорчился этой стычкой. Так как любую встречу с гражданами ФРГ — а в Таврийске бывали туристские группы из этой страны — он использовал для того, чтобы попытаться хоть что-нибудь узнать об отдаленной от него десятилетиями девушке из семейной легенды.

Ее тоже звали Ирмой...

«Твоя навсегда Ирма» — такая подпись стояла под этим письмом, хотя раньше письма свои девушка заканчивала по-другому: «Любящая тебя, Ирма», или иными сердечными словами. А здесь — «твоя навсегда» и дата — 20 июля 1945 года.

Очевидно, она, эта неизвестная Ирма, предугадывала, что больше ей ничего не удастся написать Егору Адабашу. Знала и торопилась попрощаться с ним. Письмо и в самом деле стало последним...

Алексей, перечитывая эти послания из другого времени, обычно начинал с него: иной раз «прощай» сохраняется в памяти гораздо сильнее самого бодрого «здравствуй».

«Мой капитан! Сейчас за мною придут, и меня увезут отсюда навсегда. Понимаю: меня увозят не просто из Берлина, а от тебя, хотя ты за тысячи километров, я даже не знаю, где, — никаких весточек от тебя не получаю. Но не писать тебе не могу.

За что меня так страшно наказала судьба? Чем я перед нею провинилась? Потерять тебя — это как расплата за большие грехи, но видит бог, на моей совести их нет. Или это возмездие за то, что сотворил мой отец? Дети несут на своих плечах тяжкий груз прошлого, они платят долги, не ими сделанные.

Уже слышу шаги по той лесенке, по которой ходил и ты. Ночь сейчас, и совсем темно... Прощай, мой капитан.

Твоя навсегда Ирма».

Завтра... Все надеялись, что это произойдет завтра. Берлин будет полностью окружен, огненное кольцо перережет последние нити, связывающие его с остальными немецкими городами, с недобитыми гитлеровскими

дивизиями, рвавшимися ему на подмогу, с армией генерала Венка.

В ночь на 14 апреля 1945 года капитан Адабаш и сержант Орлик получили боевой приказ произвести разведку в берлинском пригороде, нанести на карту опорные точки сопротивления врага, выяснить численность защищавших этот пригород фашистских частей. Задача обычная — разведчики всегда идут впереди штурмовых рот, прокладывая им дорогу.

Не первый раз уходили Адабаш и Орлик в разведку, прошли, протопали с боями тысячи километров, однако в этот свой рейд собирались с особым чувством: они были убеждены, что он — последний в тыл врага, что вскоре «тыла» у фашистов вообще не будет. Неторопливо сдали документы, проверили оружие, уточнили маршрут, хотя сделать это было непросто: огромный город лежал в развалинах. Но небольшой пригород, о который «споткнулся» полк Адабаша, относительно уцелел — здесь не было важных военных объектов, его почти не бомбили.

Очень не хотелось Адабашу уходить от своих в ночь, в неизвестность. Война кончалась, и было глупо умереть тогда, когда смерть, которую она так щедро сеяла, уже на излете.

Сержант Орлик тоже находил десятки каких-то совершенно ненужных дел, лишь бы хоть ненадолго отодвинуть те минуты, когда надо будет выбраться из руин здания, занятого их батальоном, перебежать пробиваемую свинцом улицу и упасть под каменную ограду, окружившую сквер. Потом надо будет перебежками, от дерева к дереву, пересечь его и, если удастся, углубиться в оборону немцев.

— Кончай суетиться, сержант, — наконец пересилил себя Адабаш. Он обратился к комбату, который пришел их проводить и понимающе наблюдал за неспешными сборами разведчиков:

— Если ты не возражаешь, мы пойдем в форме.

— А чего? — усмехнулся майор. — Шагайте, больше страху на фрицев нагоните, если столкнетесь.

Адабаша обрадовали его слова: сейчас, к самому концу войны, он, как и многие, предпочитал везде и всюду появляться в своей вытертой, просоленной, выбеленной гимнастерке, со всеми наградами, которыми отмечены были многие бесконечные месяцы непрерывных боев.

Ушли они около полуночи. Вначале все складывалось удачно. По лабиринтам развалин, через сквер выбрались в «свой» пригород. Среди хаоса разрушений он, почти уцелевший, выглядел островком из иного мира. Аккуратные коттеджи вытянулись в линию, словно солдатский строй на плацу. Возле каждого — ухоженные палисадники с вьющимися розами, подстриженными газонами, скамеечками и низенькими оградами.

Коттеджи были двухэтажными, в темноте они казались совершенно одинаковыми, как близнецы. Окна на первых этажах наглухо закрыты, словно это могло спасти от тяжелых снарядов.

При неверном бледном свете ракет Адабаш и Орлик видели срезанные взрывами деревья, а на иных уцелевших — повешенных солдат и каких-то в штатском. «Так будет со всеми трусами и паникерами» — болталась, видно, заранее приготóвленная фанерная табличка на груди у одного из повешенных. В городе в эти последние перед его падением дни свирепствовали гестапо и эсэсовцы — всех, кто вызывал хоть малейшее подозрение, вешали без суда, на первом попавшемся столбе или дереве.

Приказ такой у них был — вешать, ибо расстрелянных берлинцы могли принять за погибших в налетах и бомбежках, а надо было устрашать, заставить выбирать между неясным страхом перед наступающими русскими и немедленной смертью за «паникерство и трусость».

Повешенных было много, и ветер тихо раскачивал тела. «Во, сволота, что творят», — пробормотал Орлик. Они долго изучали оборону фашистов, перебираясь из одних руин в другие, из одного квартала в соседний. Адабаш наносил на карту все, что удалось заметить, увидеть, засечь по вспышкам огня. Они уже собрались выбираться из этих замерших под отсветами дальнего боя улиц, с призраками повешенными на деревьях и столбах, когда напоролись на патруль. После резкого окрика «Хальт!» Адабаш вскинул автомат.

Он залег в одном из палисадников, под стеной низенькой постройки, очевидно, для садового инструмента и прочей хозяйственной мелочи. Орлик расчетливо стрелял, укрывшись за углом коттеджа.

— Уходим! — крикнул сержанту Адабаш. Он поднялся, побежал по дорожке в глубь двора, не сомневаясь, что сержант услышал и понял его.

Они могли уйти — перед ними был маленький садик, какое ни на есть, а укрытие, за ним — снова улица с коттеджами, а дальше, насколько помнил Адабаш, уже все лежало в развалинах, в них легко было затеряться, переждать тревогу и выбраться к своим.

Вдруг капитану показалось, что он с разбега налетел на какое-то препятствие. Он резко остановился и упал.

Орлик, прикрывая его, посылал в темноту короткие очереди. Адабаш ясно их слышал и даже видел короткие всплески пламени. Немцы стреляли издали, не решаясь подобраться вплотную, ибо не знали, кто перед ними — разведчики-одиночки или штурмовая группа. Немецким солдатам к концу войны тоже, наверное, не хотелось умирать. Стреляли они вяло, держались на расстоянии и не торопились одним ударом прикончить разведчиков.

Орлик подхватил капитана под руки, поднял, взвалил на спину и торопливо пошел, согнувшись, через садик к соседней улице. Он остановился только тогда, когда спасительная темнота скрыла их.

— Карта? — хрипло спросил пришедший в себя Адабаш.

— Здесь, — Орлик, чтобы капитан не нервничал, показал карту, на которой было обозначено все, что они узнали и увидели. За пометками, кружками, квадратами на этой карте были, если прикинуть, жизни десятков, а то и сотен парней из их полка. Вот здесь они не пойдут в лоб, потому что пулеметные гнезда прямо поперек улицы, вот этим, врытым в землю по самую башню танком, перед штурмом займется артиллеристы...

Сержант ухитрился не только сохранить карту, но и вынести автомат Адабаша. Капитан с благодарностью подумал, как ему повезло, что рядом с ним в самых опасных передрягах, на которые так щедра война, находился этот уже немолодой, рассудительный, по-колхозному основательный сержант. Они были из одной области. Когда в сорок третьем Адабаш встретил земляка, он даже не удивился: война всегда щедра на неожиданности.

— Ну, попробуем... — сказал Орлик, помогая Адабашу подняться.

Капитан ухватился за его пояс, потом плечо, встал, но тут же резкая боль ослепила его, он застонал и нич-

ком повалился на влажную от ночной росы землю. Орлик не смог его удержать.

— Ноги...— отметил сержант. Он ощупал грудь капитана, рука его стала липкой, словно бы ее окунули в что-то густое и вязкое.

— И грудь... Слева, ближе к плечу... Ничего страшного, вроде бы в мякоть. Вытащу, перевяжу.

— Тише,— приказал Адабаш.

Метрах в двухстах от разведчиков раздавались встревоженные голоса, слышались команды, светлячками вспыхивали и гасли лучи фонариков. Надо было уходить отсюда, немцы вскоре сообразят, что к чему, пойдут по следу.

Орлик снова поднял капитана с земли, закинул его руку себе за шею, протянул автомат.

— Опирайся, как на палку.

— Старайся по дорожкам... Чтобы не наследить.

— Ага...

Каждый шаг давался с огромным трудом, и все-таки они одолели еще метров двести, вошли во дворик коттеджа, такого же безликого, как и все остальные вокруг.

— Отдохни,— прохрипел Орлик и прислонил капитана к серой стене.

Сержант достал перевязочные пакеты, ножом разрезал гимнастерку и галифе Адабаша там, где они обильно пропитались кровью. Он наложил бинты, туго перетянув ноги над пулевыми ранами. Адабаш старался не стонать, закрыл глаза, собираясь с силами, успокаивая острую, режущую боль. И понял, что идти дальше не сможет.

— Сквозные,— удовлетворенно пробормотал Орлик.— Везучий ты, капитан, через неделю танцевать сможешь...

— Если выберусь отсюда. Хватит возиться, сержант, оставляй меня здесь и уходи.

— Ты чего? — удивился Орлик.

— Карта важнее всего... Уже светает...

Небо по краям и в самом деле посветлело, стрельба почти прекратилась — так часто бывало перед рассветом.

— Нет,— после короткого раздумья ответил сержант. Он прислушивался, пытаясь понять, что за неясный шум раздается где-то там, в коттедже.

— Рассветет, и нас обнаружат мгновенно,— прохри-

пел капитан.— Глупо погибать вдвоем за несколько дней до победы. И карта... Ты ведь знаешь ей цену.

— Перестань, Егор.— Орлик назвал капитана по имени, что позволял себе крайне редко. Но сейчас они были одни, вокруг лежал чужой, враждебный город.

— Уходи,— потребовал капитан,— оставь мне флягу с водой, гранаты и сколько можешь — диски. Приказываю...

Он сказал это строго и непреклонно, и Орлик понял, что придется подчиниться. Приказ есть приказ, его выполняют любой ценой, а здесь вышел такой случай, что одна жизнь, даже очень хорошего парня из родного края, была поставлена на эту злосчастную карту против сотен смертей тоже неплохих ребят и еще против тысяч шагов по чужой земле, которые можно было бы сделать с меньшей кровью.

— Оттащи меня на всякий случай под навес,— попросил Адабаш, указав на хозяйственную постройку, темнеющую в глубине двора.— Авось не заметят.

— Я вернусь через несколько часов с нашими ребятами,— пообещал сержант. Но попрощался он с капитаном так, как прощаются навсегда, поцеловал в лоб и вздохнул.

Шаги его в неясном полумраке стихли почти сразу же: разведчик Орлик умел появляться и исчезать бесшумно.

Какое-то время Адабаш лежал в тишине, лишь изредка нарушаемой далекой канонадой. Временами он почти терял сознание, и тогда ему казалось, что он в своей деревне, спит в августовскую ночь во дворе отцовского дома на раскладушке под яблоней, и падают с глухим стуком на землю яблоки. И почему видится ночь именно в августе? Ведь сейчас весна, апрель, до августа еще надо дожиться.

...Он доживет до августа. Но перешагнуть через этот месяц в будущее ему не посчастливится. А пока Адабаш ловил каждый звук весеннего апреля — он очень не хотел умереть внезапно.

Туго перевязанные раны не кровоточили, только никак не уходила боль — тупая, ноющая, казалось, бывшая с ним уже очень давно, всегда. Рассвет наступал быстро. Адабаш посмотрел на часы. Прошло не больше часа после ухода Орлика. А сколько осталось жить ему? Час? Два? Во всяком случае, как только начнется день и обитатели этого коттеджа или патруль, случай-

ные обыватели, в эти опасные дни перемещавшиеся по одним им известным направлениям, увидят его — наступит конец. Сейчас многие крупные и мелкие нацистские бонзы, эсэсовцы, чиновники всевозможных ведомств «третьего рейха» пытались выбраться из осажденного Берлина на Запад, навстречу американским дивизиям. И понятно, они идут не широкими улицами, а закоулками, такими же, как тот, в котором укрылся он, Адабаш.

Капитан придвинул к себе автомат: заботливый Орлик даже сдвинул предохранитель. Потрогал гранаты, бросить их не сможет, однако в крайние минуты жизни пригодятся. Так сколько осталось ему отпущенного судьбой времени? Уже не раз приходилось встречаться лицом к лицу со смертью и в партизанском отряде, и позже, когда их отряд влился в части наступающей Советской Армии и он стал солдатом, потом офицером, но в такое отчаянное положение не попадал. Жаль, очень жаль, что теперь из их большого рода Адабашей останется в живых только сестричка Ганночка.

И тогда он услышал шаги. Скрипнула дверь коттеджа, и легкая тень четко выписалась в темном проеме. Адабаш потянул к себе оружие.

— Эй,— услышал он на немецком,— не стреляйте.

Это была девушка, очевидно, жившая в этом коттедже. Она легко спустилась по ступенькам, приблизилась к Адабашу, но остановилась в нерешительности. Их разделяли метров пять, но капитан ясно ее видел, она была одета в белое, и в сумраке рассвета показалась ему привидением. Больше всего он боялся именно сейчас потерять сознание — она позовет солдат, и его схватят живым, бессильного, жалкого.

— Иди сюда,— позвал капитан.

Девушка подошла ближе, наклонилась к капитану. Он увидел ее глаза совсем рядом, в них плескались страх и жалость, она интуитивно почувствовала, как ему плохо, что-то сказала — Адабаш не разобрал слов. Он заставил себя превозмочь боль и вслушаться. Девушка тихо, почти шепотом говорила и говорила: надо встать и перебраться в коттедж, иначе его увидят эсэсовцы, патрули каждое утро обшаривают все сады и закоулки, вылавливая дезертиров.

— В доме только я и моя мама,— сказала она. Капитан попытался встать, опираясь на автомат, и сразу же, глухо вскрикнув, повалился на бок. Тогда девушка

неумело обхватила его за плечи, пытаясь помочь, но силенок ей явно не хватало, и она пришла в отчаяние.

— Они убьют вас,— проговорила сквозь слезы.— Кругом смерть, умирает город, умирают люди...

Девушка поднялась, плотнее накинула платок на плечи. Она, видно, на что-то решилась.

— Я позову Вилли,— пробормотала она.— Пусть Вилли что-нибудь придумает.

— Не смей!— прохрипел капитан.— Буду стрелять!

— Поверьте мне, я не хочу причинить вам вред! Я видела в окно, как ваш товарищ привел вас сюда. Могла позвонить в комендатуру, телефон вечером еще работал. А нет — можно было выйти незаметно и привести сюда солдат. Они были бы уже здесь. Но я ведь не сделала этого!

Ее слова показались убедительными.

— Ладно,— вынужден был согласиться капитан,— зови своего приятеля.

Она быстро и легко ушла. Адабаш стал ждать. Силы оставляли его, словно бы таяли в рассветной серой дымке. Вернется — не вернется? Одна? С патрулем? Что же, он встретит их так, что навеки запомнят. Только бы не потерять сознание...

Она возвратилась минут через двадцать с каким-то парнем в шинели без погон. Заметив их, Адабаш повел стволом автомата. Что-то в том, как шел этот человек, показалось капитану необычным, и он напрягся, присматриваясь, пытаясь угадать, что сделает тот, кого привела девушка. Нет, руки не в карманах шинели, и в них нет оружия.

— Рус, не стреляй! — вполголоса сказал парень в шинели.— Меня зовут Вилли. Гитлер капут!

Это в последние месяцы Адабаш слышал сотни раз. Парень оказался рослым и достаточно сильным, чтобы поднять капитана и втащить его в дом. Адабаш вспомнил об автомате и забеспокоился — где он? Парень догадался, что встревожило русского офицера.

— Принеси его автомат,— сказал девушке,— иначе он не успокоится. Знаю я их...

— Не пойду. Мне страшно,— сказала девушка. Она действительно казалась испуганной до смерти...

— Иди за оружием!— прикрикнул на нее парень.— Куда его, Ирма?

Так Адабаш узнал имя девушки.

— В мою комнату.

— А что скажет твоя мамаша?

— Как-нибудь уладим,— неопределенно ответила Ирма.

Когда поднимались по узенькой винтовой лестнице, парень на каждом шагу, припадая на левую ногу, звонко постукивал о ступеньки протезом. Только сейчас Адабаш догадался, почему ему с самого начала показалась странной походка Вилли. Но об этом он подумал уже в те минуты, когда сознание покидало его, и на месте Вилли вдруг увиделся сержант Орлик — подставляет свое плечо, приговаривает: «Потерпи, капитан, сейчас доберемся до кровати». И еще ему почудилось, что он покатился в темноту.

Адабаш был без сознания совсем недолго, очнулся оттого, что вдруг стало не так душно — это Ирма осторожно прикоснулась влажным полотенцем к его губам, щекам, лбу. Потом Вилли, пытаясь снять с него одежду, принялся ворочать его с боку на бок.

— Перевязан неплохо, по-солдатски,— отметил Вилли.— Но бинты надо сменить, они пропитались кровью. Ирма, принеси таз с водой, йод и бинты...

Заметив, что девушка заколебалась, прикрикнул на нее:

— Хотя бы раны учили вас перевязывать там, в вашем похабном Союзе девушек*? Или только вопить: «Хочу ребенка от фюрера»?

— Вилли, как ты можешь? — гневно зарделась девушка.

— Тогда перебинтуй капитана,— распорядился Вилли.

— Он капитан? — с любопытством спросила Ирма.

— Да, и, видно, из старых фронтовиков.

— Но он же совсем молодой!

— Для войны возраст особого значения не имеет,— рассудительно сказал Вилли.— Посмотри на его гимнастерку: три ордена, пять медалей. Видишь «За отвагу» — это у них солдатская награда. А вот это — орден Красного Знамени, этот вот — орден Красной Звезды. Такие штуки у русских даром не дают... И в один день их не зарабатывают. А это вот — нашивки за ранения.

* Союз немецких девушек — молодежная фашистская организация, созданная в гитлеровские времена.

Да принесешь ли ты наконец воду? Офицер и так потерял много крови.

— Иду.

Весь этот разговор Адабаш слышал словно бы в забытьи, он понимал все, однако воспринимал услышанное отстраненно, не связывая с собой.

— Автомат? — открыв глаза, как ему показалось, резко спросил он.

Но слово прозвучало слабо, едва слышно.

— Возьмите свой автомат, — пренебрежительно ответил Вилли и взял оружие в руки.

Адабаш, увидев это, рванулся к нему и едва не свалился с кровати. Вилли поспешно положил автомат так, чтобы Адабаш без напряжения дотянулся до него.

— Не волнуйся, капитан, — сказал Вилли. — Сейчас мы не враги, просто два искалеченных войной человека. — Он звонко постучал пальцами по протезу.

Ирма возвратилась не одна. Вместе с нею в комнату поднялась пожилая женщина в наспех накинута халате.

— Что? В моем доме русский? Русский в доме супруги полковника фон Раабе? — с порога выкрикнула она. — Где он?

— Вот... — спокойно указал на Адабаша Вилли.

— И ты здесь, сын красного Биманна? — Женщина буквально впала в ярость.

— Мама, я вас прошу... — умоляюще сказала Ирма.

— Замолчи, негодница, предательница, изменница! — выкрикивала супруга полковника фон Раабе.

— Мама!

— Я иду за солдатами! — решительно сказала женщина.

— Погодите, фрау Раабе, — остановил ее Вилли. — Прислушайтесь... — Он раскрыл окно, в комнату ворвались звуки усиливающейся канонады. — Русские совсем близко. Не сегодня, так завтра они придут сюда, послезавтра в их руках будет весь Берлин. Той Германии, в которой что-то значили полковник фон Раабе и его супруга, вскоре не станет!

— Вы хотите сказать... — несколько тише произнесла фрау Раабе, — что...

— Вот именно, — подтвердил Вилли.

— Дочь! — снова повысила голос фрау Раабе. — Про-

шу тебя удалиться! Здесь не место порядочной немецкой девушке!

— Порядочная немецкая девушка уже давно перевязала бы раненого,— резко сказал Вилли.— И послушайте меня внимательно, фрау Раабе. Повторяю: русские не сегодня завтра будут здесь. Для них достаточно уже того, что в этом доме живет семья эсэсовца фон Раабе, который перестрелял со своими карателями у них тысячи людей. И еще тысячи повесил,— Вилли сказал это сурово, с презрением.

— Если это и так, мой муж выполнял свой долг.

Ирма тоже не выдержала:

— Что ты говоришь о моем отце, Вилли!

— Об этом знает весь квартал. Как и о посылках, которые он слал вам из России, и еще о многом другом!

«Так вот куда я попал,— с тоской подумал Адабаш.— Надо же было так случиться... Семья эсэсовца, карателя... Гады!»

— Лежите, капитан,— заметив, как напрягся Адабаш, успокаивающе сказал Вилли.— Я сейчас закончу, как у вас говорят, урок политграмоты.

А парень вроде ничего, отметил Адабаш, рассуждает вполне здраво.

— ...И если русские узнают, что в вашем доме, фрау Раабе, эсэсовцы схватили и расстреляли их раненого, а они узнают это потому что его товарищ ушел отсюда к своим, он скажет, где оставил своего напарника, вы понимаете, что произойдет.

— Не пугайте меня, Вилли! Долг перед Германией...— не унималась фрау Раабе.

— Мама,— укоризненно покачала головой Ирма,— придите в себя, Германии, о которой вы говорите, уже нет, а у нас в доме раненый... Офицер...

— Ах, офицер...— задумчиво произнесла ее мать.

— Да. Капитан,— подтвердил Вилли,— и, судя по всему, он у них важная персона. Вы же видите, сколько у него наград.

— Офицер с заслугами...— что-то прикидывала фрау Раабе.

— Вы меня правильно поняли,— чуть насмешливо подтвердил Вилли.— Сам господь бог послал вам случай проявить милосердие.

— Немецких женщин всегда отличало сострадание к раненым воинам,— четко, заученно изрекла фрау Раабе.

Она словно бы стала выше ростом, произнося эти слова, и ее лицо обрело тот оттенок торжественности, который приличествовал изрекаемому.

— Уже совсем светло,— сказала Ирма.

Действительно утро наступало быстро и решительно, над городом сквозь дым пожарищ занималась заря.

— И русские близко,— добавил Вилли.

— Ирма! — строго распорядилась фрау Раабе.— Займись раненым, господину офицеру требуется твоя помощь.

— Так-то лучше,— пробормотал Вилли.

В это время громко зазвонил входной звонок, послышались топот сапог, звон оружия, резкие голоса.

Адабаш подтянул к себе автомат, потрогал гранаты.

Фрау Раабе величественно кивнула и неторопливо стала спускаться по лестнице. В дверь уже молотили прикладами.

— Минуту! — громко сказала хозяйка коттеджа.— Сейчас открою.

— Я пойду за нею,— решил Вилли,— а ты, Ирма, оставайся здесь.

— И имейте в виду,— с угрозой сказал Адабаш,— парочки гранат хватит для нас всех.

— Надеюсь, обойдется без этого.

Фрау Раабе погромела цепочками, открыла дверь, и Адабаш услышал, как в переднюю торопливо ввалилось несколько человек — внизу, на первом этаже, сразу стало шумно и людно.

— С кем имею честь? — Фрау Раабе держалась с достоинством.

— В вашем доме нет посторонних? — Вопрос, очевидно, принадлежал офицеру, прозвучал он резко и торопливо.— Мы преследуем русских... Вы слышали ночью стрельбу у дома?

— Да, конечно, это было так страшно! Но русские в доме полковника фон Раабе? — В ответе женщины чувствовалось искреннее негодование.— Вы понимаете, что говорите?

— Они могли ворваться к вам силой, укрыться где-нибудь...— уже менее уверенно проговорил офицер.

— Нет и еще раз нет!

— А это кто? — Офицер, очевидно, заметил Вилли.

— Ефрейтор Биманн,— послышалось четкое.— Ранение на Восточном фронте, вот мои документы,— Вилли стукнул о пол протезом.

— Вижу твою деревяшку,— проворчал офицер.— Почему здесь?

— Вилли жених моей дочери,— с достоинством объяснила фрау Раабе,— в эти трудные для Германии дни он вместе с нами, потому что в доме нет мужчин, мой муж, полковник, сражается за фюрера и нацию.

— Хорошо, хорошо,— прервал ее офицер,— если заметите что-нибудь подозрительное, дайте нам знать.

— Это мой долг,— ответила фрау Раабе и неожиданно выкрикнула: — Хайль Гитлер! .

— Хайль...— прозвучало в ответ равнодушно.

Ирма во время всего этого разговора стояла у окна, бледная, закаменевшая в страхе. Она видела, как раненый неимоверным усилием приподнялся, чуть придвинулся к спинке кровати и сел так, чтобы удобнее было стрелять. Он мог вскрикнуть от боли и выдать этим криком и себя, и всех их. Он мог не выдержать напряжения и швырнуть вниз свой гранаты. Еще солдаты могли затеять обыск, подняться сюда, и тогда... Что будет тогда, она боялась даже подумать.

Еще Ирма видела, что ее раненому очень плохо. Старые бинты сняли, а новые наложить не успели, он сидел, опираясь на спинку кровати, голый по пояс, и из маленького отверстия на плече сочилась тоненькая струйка алой крови, окрашивая красным простыни.

Ирма умоляюще смотрела на Адабаша, стараясь удержать его взглядом от необдуманного поступка, жеста, слова, и очень боялась, что сейчас сама потеряет сознание, упадет и на шум вбегут солдаты. Адабаш увидел это ее состояние.

— Сядь! — очень тихо сказал он, и Ирма, неслышно прошла к креслу, опустилась в него.

Солдаты наконец покинули коттедж. Фрау Раабе поднялась наверх победительницей. Она распорядилась:

— Вилли, закройте, будьте добры, дверь и окна на запоры. Ирма, займись господином офицером, он в плохом состоянии.

Капитан отложил автомат, откинулся на подушку и потерял сознание. И в минуту просветления ему снова увиделись родные Адабаши, школа, вот он входит в класс, ребята встают, он здоровается по-немецки, они не понимают и смеются, а потом сами говорят на немецком, слова звучат с берлинским диалектом, все какие-то странные: «Осторожно, ему больно», «Да не падай ты в обморок, обычная человеческая кровь...»

Временами он слышал все это очень ясно, но бывало и так, что голоса удалялись и понять ничего было нельзя.

«Какой странный у меня урок!» — мелькали и путались мысли, он хотел установить тишину в классе, но почему-то это никак не удавалось. Долетали не только немецкие слова, но и буханье крышками парт, вызывающее и громкое. И только в какой-то миг пришла ясная мысль: это не крышки парт хлопают. Это методично, с равными интервалами бьют дальнобойные орудия... Наши... Все снова закружилось, завертелось в оранжево-блеклом тумане: надо обязательно встать, потому что после артподготовки начнется атака, надо встать — он так мечтал повести своих разведчиков в атаку на Берлин. Комбат не откажет, он на КП, надо срочно пробраться туда, в развалины дома, обратиться по форме:

— Товарищ майор, разрешите...

— Товарищ майор, разрешите?

Этими словами несколько месяцев назад началась первая встреча Алексея со своим непосредственным начальником майором Устияном. Когда был подписан приказ о назначении, Никита Владимирович попросил явиться в 17.00. Он хотел побеседовать не в суматохе рабочего дня, а спокойно, не торопясь, когда напряженный ритм дневных забот начинает идти на убыль.

Алексей услышал шутливое:

— Попробуйте.

Он открыл дверь и остановился.

— Входите же, лейтенант, я вас жду.

Алексей немножко растерянно осмотрелся: где тот лейтенант, которого ждет Устиян, и только через какое-то время сообразил, что майор обращается к нему.

Да, это он, Алексей Черкас,— лейтенант государственной безопасности, и хотя сейчас в штатском, это ничего не меняет. Мама специально к окончанию университета купила ему новый костюм, голубую сорочку и галстук к ней. Парадность одежды смущала Алексея, он чувствовал себя в еще не обмявшемся костюме скованно, словно бы влез в чужие доспехи. В студенческие годы, как известно, особого значения одежкам не придают.

Один из руководителей управления, который беседовал с Алексеем перед тем, как его фамилия появилась в соответствующем приказе, сказал:

— Вы будете работать под руководством Никиты Владимировича Устияна. Это один из наших опытнейших сотрудников — у него есть чему поучиться. И к тому же — боевой офицер.

Ничего «боевого» в облике Устияна не было. За столом сидел плотный седой человек с добрыми глазами, под которыми время уже оставило свои следы — морщинки. Он доброжелательно поглядывал на Алексея.

Это был очень штатский человек, и на столе у него находились сугубо «штатские» вещи — остро отточенные карандаши, серые канцелярские папки, свежие газеты, скрепки и прочая канцелярская мелочь. В этом кабинете, как и в других, где за эти дни успел побывать Алексей, на стене был портрет Дзержинского.

— Прежде чем уточним круг ваших новых обязанностей,— предложил майор Устиян,— расскажите немного о себе. Только не так, как вы заполняли бы анкету, а просто, по-человечески. Располагайтесь поудобнее,— майор указал на кресло у стола.

Алексей начал говорить суховато, сдержанно, но постепенно перестал следить за каждым словом, освоился. Майор слушал его, время от времени одобрительно кивал, глаза у него по-прежнему улыбались.

— Каким образом вы попали на работу к нам? — спросил он, когда Алексей закончил свою краткую «исповедь».

— Представления не имею,— искренне ответил Алексей.— После государственных экзаменов...

— Диплом с отличием?

— Да. После экзаменов со мною беседовали... На предложение я ответил согласием. Обрадовался, когда мне сказали, что вернусь в родной город. Здесь, в Таврийске, живет моя мама.

— Понятно. Но я хотел бы знать, насколько это соответствовало вашим личным планам и представлениям о будущем?

— Предложение было для меня неожиданным. И планы пришлось пересмотреть. Но ответил согласием.

— Почему?

— Я юрист и надеюсь, мои знания на новой работе будут полезными. И потом — просто интересно,— откровенно сказал он.

— Приключения, погони, преследования? — Майор перестал улыбаться и теперь изучающе осматривал Алексея, с явным интересом ожидал его ответа.

— Да нет... Я не настолько наивен, чтобы именно так видеть вашу работу.

— Нашу работу. Теперь она и ваша тоже. Кстати, и преследования в ней могут иметь место,— неопределенно проговорил Никита Владимирович. После паузы спросил: — Вы обратили внимание в вестибюле нашего здания на мемориальную доску?

— Да.

Алексей тогда, когда его впервые пригласили в управление для беседы, остановился перед доской из белого мрамора, окаймленного черной полосой. На невысоком подиуме стояли цветы. Мягкий свет скрытого прожектора выделял, словно бы рельефнее оттенял и белизну мрамора, и золото выбитых на нем букв. Двадцать три фамилии были обозначены на мраморе.

— Пятнадцать наших товарищей погибли на фронтах Великой Отечественной войны, восемь — в мирное время. Конечно, основная тяжесть потерь после Победы пришлась на первые послевоенные годы, однако недаром же чекистам и сегодня партия доверяет право иметь оружие, — сказал майор Устиан.

Алексей кивнул: да, он это понимает.

— Вам, не сомневаюсь, знакомо слово «розыск».

— Конечно.

— Именно розыском мы с вами и будем заниматься. Розыском уцелевших, забившихся в разные щели военных преступников, лиц, изменивших Родине, предавших ее.

Алексей молчал, он ожидал, что майор более подробно расскажет об этом.

— Разочарованы? — по-своему истолковал его молчание Устиан.

— Думаю, — кратко ответил Алексей.

— О чем, если не секрет? Поделитесь своими мыслями.

— В моей семье тоже есть печальная страница — карательный отряд, которым командовал какой-то Коршун.

— Коршун?

Майор изредка, но не грубо, а тактично, подчеркивая этим свое внимание, перебивал собеседника, уточняя заинтересовавшую его информацию.

— Такая у него была кличка — Коршун. Его карательный отряд полностью уничтожил весь наш род и село Адабаши. В отряде были гитлеровцы и предатели-полицейские. Но я почти не сомневаюсь, что никого из них уже нет в живых. Прошло сорок лет...

— Почти не сомневаетесь?

— Вы понимаете, почему я так сказал.

— Вот видите, вы не можете убрать из своего печального рассказа маленькое словечко «почти»... Наверное, слышали о судебных процессах, которые прошли в последние годы над предателями и изменниками

Родины? Читали? А как они заматали следы, маскировались! И все равно пришлось платить за все.

— Единичные случаи,— не очень уверенно сказал Алексей.— И боль эта — вчерашняя. Нет-нет,— поправил он себя.— Я прекрасно понимаю, как важно найти и покарать убийц, даже если они в очень далеком прошлом творили свои злодеяния. Но вот вчера я узнал, что ворье обчистило квартиру моего товарища... Был случай, вы о нем, конечно, знаете, все тогда говорили об этом, хулиганы забили насмерть случайно встреченного прохожего. Так, от нечего делать. Или становится известно о взятках и взяточниках, мелких и крупных казнокрадах... Не целесообразнее ли сосредоточить внимание именно на том, что болит сегодня?

Никита Владимирович согласно кивнул:

— Да, у нас еще много непорядка. К сожалению, встречается и то, о чем вы говорите. Больно становится, когда узнаешь, что совершено преступление или что человек, которому многое было доверено, запятнал свою совесть и честь мздоимством, попойками... С такими будем бороться. Знаете, как сказал Феликс Эдмундович в своей последней речи: «Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них». Этот завет Дзержинского для нас незыблем и сегодня, хотя, конечно, и время у нас другое, и недостатки иные, совсем не те, против которых сражался Феликс Эдмундович... Однако между прошлым и настоящим есть своя связь... Впрочем,— сам себя остановил Устиян,— давайте условимся так: на ваш вопрос я отвечу, когда вы у нас немного проработаете. А может, вы и сами на него найдете ответ.

Майор, не вдаваясь в подробности, рассказал Алексею о той работе по розыску военных преступников, которую чекисты провели, что называется, по «горячим следам», сразу после войны. Были составлены максимально полные списки лиц, на совести которых оказались тяжкие преступления. Подавляющее большинство их предстало перед судом, однако кое-кому удалось ускользнуть, скрыться на Западе... Хотя и прошло уже много лет с той лихой военной поры, однако и сейчас нет-нет да и обнаруживались новые подробности кровавых злодеяний гитлеровцев и их приспешников, становились известными новые имена.

Алексею это было понятно — вот ведь «летает» где-

то Коршун, ушел от правосудия Черный ангел. Устиян неожиданно встал, предложил:

— Пойдемте со мной.

Они прошли по коридору в небольшую комнату, где хозяйками были две пожилые женщины. Они встали, когда вошли майор Устиян и Алексей.

Майор показал Алексею списки.

— Эти... все еще находятся в розыске. Против каждой фамилии кратко изложено, почему именно мы разыскиваем человека.

Алексей бегло просмотрел несколько страничек: против каждой из фамилий было с жестким лаконизмом записано: «участвовал в ликвидации гетто»... «лично истязал военнопленных».

— Зоя Александровна, — обратился майор к одной из женщин, — покажите, пожалуйста, нашему новому товарищу один из «отработанных» списков. «Отработанные», — объяснил он Алексею, — значит, внесенные в них лица, подозревавшиеся в преступной деятельности, разысканы, вина их доказана, они предстали перед судом и понесли наказание.

Алексей впервые в жизни видел документы такого рода и читал их с чувством, обозначение которому было бы трудно подобрать, настолько сложным оно оказалось.

«Гнидюк Степан Игнатьевич (Вашук), год рождения, предположительно, 1921-й, место рождения неизвестно. Кличка Гнида, обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 56 и статьей 64 Уголовного кодекса Украинской ССР с применением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 года «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступления» и Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1965 года, разъясняющего применение этого Указа».

Далее шли некоторые сведения по этому самому Гнидюку-Гниде. Алексей, конечно, не разбирался еще в специальных отметках. Немногое ему сказали и ссылки на статьи и Указы... Однако уже одно это — обвиняется! — и суровое название Указа — произвели на него большое впечатление.

— Уголовное дело на преступника составило 17 томов, — объяснил майор Устиян. — Я запросил специаль-

но к нашей беседе заключительный, так сказать, том. Пройдемте ко мне в кабинет...

Они по пустынному уже коридору пошли к Устияну. Он протянул Алексею довольно пухлую папку с вшитыми в нее крепкой черной нитью материалами.

— Полистайте.

И увиделась Алексею за строками документов подлая жизнь Гнидюка, 1921 года рождения.

Он изменил Родине в конце 1941 года, добровольно сдался в плен гитлеровцам, в лагере выдал коммунистов и комсомольцев, участвовал в пытках и расстреле преданных им людей. Был вознагражден фашистами, окончил курсы «резервной полиции», принял присягу «на верность фашистской Германии», получал продовольственное и денежное содержание, имел на вооружении винтовку, револьвер и боеприпасы к ним.

Что творила эта Гнида?

Он вывел из хаты комсомольца Стасюка Петра, в саду поставил на колени и, стреляя из пистолета над головой, допрашивал, где партизаны. Когда Стасюк вскочил и бросился бежать, Гнидюк застрелил его выстрелом в спину.

Вскоре Гнидюк вступил в банду так называемой Украинской повстанческой армии (УПА). Немцы не только знали о бесчинствах бандитов из УПА, но и поощряли их.

Гнидюк вместе с другими бандитами 12 июля 1943 года в день религиозного праздника Петра и Павла ворвался в сельский костел, в котором шло богослужение. Они в течение получаса из автоматов, ручных пулеметов и винтовок стреляли в женщин, стариков и детей. Было убито свыше 300 советских граждан польской национальности. В тот же день Гнидюк вместе с бандитами из УПА расстрелял еще около 200 советских граждан польской национальности.

Он уже на следующий день пришел в дом своего соседа Котюка Ивана и убил его выстрелом из пистолета в коридоре. Затем вошел в их квартиру, застрелил жену Котюка Софию Котюк, их сына Павла и мать Котюка Пелагею Степановну...

Гнидюк после убийства одного из своих односельчан взял себе его костюм и часы и носил их...

Он истязал советского красноармейца, бежавшего из плена и схваченного полицейскими. Красноармеец не назвал свою фамилию, он говорил на русском языке.

Гнидюк прижигал ему раны зажигалкой, наносил ножевые удары, бил сапогами, затем у придорожной канавы выстрелом из винтовки в голову убил его.

Гнидюк увел к глиняному карьеру советскую гражданку еврейской национальности Нойер Фрейду, изнасиловал и убил ее.

Он и другие полицейские убили 25 июля 1943 года после истязаний Ганну Присяжнюк (60 лет), Марию Присяжнюк (26 лет), Анну Присяжнюк (6 лет), Василия Присяжнюка (1 год) — семью милиционера Присяжнюка И. П., расстрелянного ранее в лесу. Всего в этот день в селе было убито 54 человека советских граждан украинской национальности, в основном это были семьи советских активистов и передовых колхозников.

Гнидюк и бандиты из УПА ночью ворвались в семью агронома Щербакова И. Г. и убили выстрелами из пистолета агронома и жену его Раису Федоровну, сидящую на кровати. Гнидюк после этого застрелил в кроватке их малолетнего сына.

Украинцы, русские, евреи, поляки — люди разных национальностей становились жертвами бандитов.

Десятилетиями они жили дружно в этом краю, по-братски делили счастье и невзгоды. Главным всегда было здесь одно — что ты за человек, как работаешь, честно ли относишься к жизни. И с началом войны мужчины села ушли на фронт защищать свой общий дом. Потом сюда ворвались гитлеровцы, установили свой «новый порядок», и при них, словно из преисподней, вырвались всякие гниды. Убийцы похвалялись друг перед другом изощренностью в пытках, вели «личные счета» убитых — Гнидюк лишь после убийства очередной «десятки» — так он говорил — делал зарубку на прикладе: боялся, что не хватит места для «полного счета».

Список преступлений Гнидюка казался бесконечным. После изгнания гитлеровцев он какое-то время еще разбойничал вместе с бандой. Банда была разгромлена чекистами; Гнидюка ни среди убитых, ни среди сдавшихся в плен «боевиков» не оказалось. Он исчез на многие годы.

— Да-да,— сказал Устиян.— Банда была разгромлена в 1947 году. Первый след Гнидюка обнаружился в 1978-м. Неясный такой, тоненький, слабенький след, который уводил в прошлое, но ничего не говорил о настоящем. Уголовное дело было начато 15 декабря то-

го же года, завершено 21 октября 1980-го... В декабре состоялся открытый судебный процесс.

— Каким был приговор? — спросил с волнением Алексей.

— Исключительная мера, — ответил Устиян. — Но сколько же труда, сколько усилий было затрачено на то, чтобы отыскать преступника и полностью доказать его вину! Он, конечно, надеялся, что все похоронено под пластами времени, что никто не опознает в скромном бухгалтере одного из сибирских леспромхозов убийцу Гнидюка. Тщетные надежды! В суд были вызваны 73 свидетеля, которых удалось отыскать. А еще провели сотни экспертиз, очных ставок и сделали многое, многое другое, необходимое для того, чтобы уличить изворачивающегося, лгущего, пытающегося уйти от возмездия бандита.

Да, теперь Алексей представлял, как сложно было отыскать Гнидюка.

— Вы обратили внимание на фамилию в скобках — Ващук? — спросил его майор.

— Да.

— В сорок седьмом Гнидюк взял документы у убитого бандой молодого специалиста, направленного после окончания института в наши края. Через пять лет пустил их в ход, а до этого пользовался документами других людей. Расчет был простым — несколько раз сменил документы, имена, фамилии — поди найди, кто ты есть на самом деле.

— И все-таки разыскали!

— И вытащили негодяя на ясное солнышко, показали его всем, какой он есть на самом деле. В леспромхозе не могли поверить, что их бухгалтер — в прошлом садист и убийца. А дети его...

— У него были дети?

— Когда Гнидюк окончательно почувствовал себя в безопасности, он женился на славной такой женщине. Сын его стал инженером, дочь — учительницей, им и в самом дурном сне не могло привидеться, что творил их отец. Долго ничему не верили, считали — клевета, навет. Потом познакомились с документами, с показаниями свидетелей... И отреклись от своего отца, во время следствия ни разу не посетили его.

Алексей подумал о том, какое горе свалилось на этих неизвестных ему парня и девушку: жили спокойно, учились. Советская власть дала им образование,

профессии, открыла перед ними широкие дороги, и вдруг они узнают, что именно на эту, любимую ими власть когда-то давно пошел с ножом и автоматом их отец, и что он совсем не тихий, спокойный и родной им человек, а головорез и палач, предатель Родины. Подлое прошлое мстит за себя порою неожиданно, и предвидеть, где оно нанесет свой удар, невозможно. Помнили бы об этом те, кто сворачивает на кривые дорожки.

— Вот теперь вам ясно, в чем состоит смысл нашей работы? — прервал вопросом его затянувшиеся размышления Устиян. — Я хотел вместо длинного рассказа, который неминуемо носил бы несколько абстрактный, отвлеченный характер, на одном примере показать вам, чем мы занимаемся и каково значение нашего труда для общества.

— И много их, Гнидюков, еще на свободе?

— Придет время, все узнаете. Пока у нас лишь, как говорят, вводная к вашему ближайшему будущему. Но не надейтесь, что останетесь без забот, — улыбнулся майор, — пока, к сожалению, их хватает. Самых разных... Вот представьте себе, что сигнал, по которому мы выходим на след человека, подозреваемого в преступлениях, оказывается ложным, клеветническим. И так ведь случается. Сосед написал на соседа, оскорбившись по мелочи, по пустяку... Или кому-то показалось, что он в случайно встреченном человеке опознал бывшего полицейского, который арестовывал его отца-подпольщика... Сколько надо такта и умения, чтобы все проверить, не нарушив спокойствия людей, не бросив тень на их репутацию, бережно отделить правду от выдумки.

Майор Устиян о своей работе говорил с подчеркнутым уважением, этого Алексей не мог не отметить: особый характер ее предполагал и особое к ней отношение.

— У меня тоже есть к вам вопрос, Алексей, — вдруг сказал Устиян.

— Пожалуйста.

— У нас, фронтовиков, свое отношение к предателям, к пособникам гитлеровцев, к военным преступникам. Мы видели то, что не дай бог когда-нибудь увидеть вам, молодым... Но наше поколение розыскников постепенно уходит — жизнь течет по своим законам. А работа недоделана, еще не весь мусор войны выметен из нашего дома. И вот я в последнее время часто думаю: сможете ли вы, молодые, завершить то, что мы считаем своим священным долгом перед погибшими и живыми?

Это был, судя по тону, для майора далеко не риторический вопрос.

— Не отвечайте мне сейчас,— сказал майор,— просто не забудьте наш разговор.

Уже давно закончился рабочий день, в гулких коридорах установилась тишина, одно за другим гасли окна, а они все разговаривали. Алексей неожиданно даже для себя рассказал Устиану о письмах Ирмы Раабе, о своем дяде Егоре Адабаше, который погиб, когда его еще не было на свете.

— Советский офицер не мог тогда жениться на немецкой девушке,— рассудительно сказал майор.

— Я знаю,— горячо воскликнул Алексей.— И не сомневаюсь: и Ирма знала это, и уж тем более Егор Иванович! Но какая светлая любовь! Хотелось бы увидеть эту Ирму!

— Да, в приказы жизнь не уложишь...— Майор сказал это так, что Алексей вдруг подумал: только много переживший человек может среди многих слов отыскать такую простую и емкую формулу.

— Кстати,— перевел разговор на другую тему Никита Владимирович,— я знал вашу маму.

— Вот это да! — удивился Алексей.

— То есть я ее никогда не видел. Просто к нам в штаб партизанских отрядов разведдонесения часто доставлял разведчик по кличке Тополек. Приходил, отдыхал и уходил снова. Его берегли — никаких лишних глаз, на связи с ним были один-два наших сотрудника. Мы все думали, что Тополек — это парень, может быть, даже мальчишка. Мальчишки проходили там, где никто не мог... Только много лет спустя, изучая некоторые материалы той поры, я вдруг узнал, что бесстрашный Тополек — пятнадцатилетняя девчонка.

Алексею, конечно, было известно, что мама в годы оккупации была партизанской разведчицей. Но, сколько ни пытался, представить ее в этой роли не мог.

И вдруг мелькнула озорная мысль: интересно, как бы они повели себя, если бы встретились в сорок пятом, партизанская разведчица по кличке Тополек и берлинская мэдхен Ирма? Но он, Алексей, даже не знает, как эта Ирма вошла в жизнь Егора Адабаша.

Как она вошла в его жизнь? Вместе с болью.

Адабаш медленно приходил в себя, его привела в сознание боль, которая жгла плечо и ноги. «Раз болит, значит, жив», — подумал он. Капитан пытался восстановить в памяти, что с ним произошло, но не хватало каких-то деталей, они ускользали, расплывались, теряли очертания — все обрывалось на тех минутах, когда к нему подошла какая-то девушка. Что было потом? Адабаш неожиданно отчетливо услышал разговор. Говорили трое, на немецком.

— Как ты думаешь, Вилли, он не умрет?

— Не хватало только мертвого русского в моем доме, — проскрипела женщина.

— Не волнуйтесь, он потерял много крови, но очухается.

Капитан лежал неподвижно с закрытыми глазами, он пытался по голосам определить, грозит ли ему опасность. Слух его обострился до предела, он слышал легкие шаги, позвякивание каких-то склянок, почувствовал, что над ним склонились, всматриваются в него: чужой взгляд был легким, успокаивающим. И голоса звучали озабоченно, без той истеричности, которая предшествует непредсказуемым событиям.

Мелькнуло и исчезло видение: ночь, уходит Орлик, земля очень сырая, бьет озноб, он разговаривает на немецком с девушкой — почему на немецком? — ах да, он в Берлине, раздается сухой стук, словно орехи колют, точно-точно, это парень стучит деревянной ногой по ступенькам лестницы. Вот как оно было — его втащили в коттедж двое: парень и девушка, парень волок на себе по лестнице, девушка шла следом. Это ее голос он сейчас слышит:

— Вилли, как ему помочь?

А теперь отвечает тот парень, у которого деревянная нога:

— Смочи край полотенца водой и протри губы, у него жар.

Да, потом еще был какой-то разговор пожилой женщины с солдатами где-то там, внизу. Или почудилось? Нет, солдаты были, и пожилая немка выкрикнула:

— Хайль Гитлер!

Они ушли? Да, они ушли... Значит, эти, что сейчас в комнате, его укрыли, не выдали? Адабаш, превозмогая острую боль, открыл глаза и сразу же снова смежил веки — слишком много света.

— Лучше сейчас его оставить в покое, пусть отлежится, скорее придет в себя,— распорядился парень.

Они ушли, стараясь не шуметь, и тогда капитан, уже не торопясь, экономя силы, снова открыл глаза, с трудом поворачивая голову, осмотрелся.

Был солнечный день — сквозь плотно задвинутые шторы пробивались яркие лучики солнца. Они лежались на натертый до блеска воском пол, на крахмальные простыни, мохнатый коврик. Гимнастерка висела на спинке стула, она была выстирана и отутюжена, разрез, сделанный сержантом Орликом, аккуратно зашит. На этом же стуле капитан увидел свой автомат, гранаты, ремень с пистолетом. Оружие они не унесли... Начищенные до матовой светлости сапоги стояли недалеко от кровати. Дверь комнаты была открыта, снизу, с первого этажа, доносились приглушенные голоса. Адабаш прислушался с тревогой: не собираются ли они побежать за солдатами?

— Если гестапо узнает, что у нас в доме русский офицер, этот варвар...— резко, громко произнесла пожилая женщина.

— Какой он варвар, мама! Совсем молодой, и крови много потерял, синева под глазами,— ответила ей дочь.

Они, судя по всему, не предполагали, что раненый пришел в себя и слышит их.

— Хорошо, что напомнила, Ирма,— вмешался в женский разговор мужчина.— Возьми лопату и метлу, тщательно подмети то место, где он лежал. Давно надо было это сделать. Ночью солдаты не заметили кровь, но сейчас даже случайно забредший сюда гестаповец ее сразу увидит.

— Сделаю, Вилли.

Наверное, подумал Адабаш, в этой комнате, где он сейчас лежит, живет Ирма. И это она на многочисленных фотографиях, которые смотрят сейчас на него со

стен: красивая, улыбчивая девушка на прогулке в горах с группой довольных жизнью молодых людей с альпенштоками, вот она на берегу какой-то реки, вот в бальном платье, наверное, первом в жизни, а на большом по размеру фото — в форме Союза немецких девушек. Фотографии расположились на стенах точными прямоугольниками. А рядом — снимок эсэсовского офицера: черный мундир, надменное лицо, холодные равнодушные глаза, прямой нос навис над тонкими, сжатыми в узкую полоску губами, фуражка с высокой тульей, рыцарский крест, в петлицах — руны, их кончики-молнии нацелились на лежащего неподвижно Адабаша. Капитану вдруг почудился скрип ремня под тяжестью кобуры с пистолетом и лающая команда: «Фойер!»

Штандартенфюрер СС... Наверное, хозяин этого дома, отец той девчонки, которая нашла его...

«А почему же пожилая женщина именovala себя «супругой полковника Раабе»? Ах да, звание штандартенфюрера СС приравнивается к званию полковника вермахта. Убить бы гада! Угораздило в таком состоянии, беспомощным, влететь в логово эсэсовца», — вяло подумал Адабаш. Но постепенно мысли его приняли другой ход. Конечно, местечко не из лучших, но здесь ему оказали помощь, можно сказать, спасли. Да-да, именно спасли, иначе лежал бы сейчас тухлым мешком на солнышке под аккуратной немецкой оградкой у садика с розочками. А сколько же он провалялся здесь, на этих пуховиках?

Раабе... В дословном переводе — Ворон. А какая кличка была у того хищника, который терзал Адабаши? Ах да, Коршун... Как переводится? Гайер... Значит, не он. А то не хватало еще оказаться в доме того, кто уничтожил весь его род! Впрочем, Раабе или Гайер — какая разница, все равно из одной эсэсовской стаи. Убивали и грабили, грабили и убивали... Наверняка и у этого Раабе-Ворона на совести много такого, за что требуется спросить без пощады.

Вилли, ефрейтор на деревянной ноге, прямо об этом сказал, испугав супругу эсэсовского полковника до полусмерти. Однако же ловки эти фрау, четко ориентируются.

Адабаш рассматривал комнатку с интересом. Не первый день и даже месяц шел он с боями по Германии, но, пожалуй, впервые оказался в таком вот отгороженном от войны стенами коттедже, в девичьей обители, в которой было много кружевных салфеток, все сверкало не-

вероятной чистотой, на этажерке-вертушке ровно стояли книги, на подоконнике — горшочки с геранью, а на маленьком креслице важно восседала кукла в пышной юбке — воспоминание о детстве.

Он услышал легкие шаги по лестнице, в комнату вошла девушка.

— Меня зовут Ирма. Вам лучше, господин капитан? — спросила она Адабаша.

— Мне гораздо лучше, — ответил он, и это была правда, потому что силы хотя и не возвратились к нему, но боль утихла, и он воспринимал окружающее ясно и четко.

— Мама приготовила вам обед. Не обессудьте, сейчас с едой плохо.

Он знал, что эсэсовцы свезли запасы продовольствия в фундаментально построенные очаги обороны, оставив население без хлеба, без самого необходимого.

— Мне ничего не надо. Вот если бы чай...

— Чаю мама немного нашла. Еще она сварила бульон из чего-то ужасного, — Ирма скорчила грустную гримаску: мол, что поделаешь, такие сейчас времена. — Если хотите побыстрее встать, вам надо это съесть. — Она помолчала, потом заговорила снова, голос у нее был низкий, красивый: — Когда я вас перевязывала, раны осмотрел Вилли. Он был на фронте и понимает в этом толк. Вилли сказал, что вам невероятно повезло — все кости целы.

— Вилли... Это тот парень, который втащил меня в дом?

— Он.

Под окном послышался грохот кованых сапог, прошли солдаты. Не меньше взвода, определил на слух Адабаш.

— Мне надо выбираться отсюда, — проговорил он и попытался сесть на кровати. Но из этого ничего не вышло, и он обессиленно откинулся на подушку.

— Вы не сможете подняться. Кроме того, кругом солдаты.

— Если меня найдут здесь, вас повесят. Я видел ночью много повешенных на деревьях.

— Я очень боюсь, — словно в ознобе обхватила плечи Ирма, и Адабаш видел, что она действительно боится: облавы, войны, солдатских шагов под окнами, бомбежек и артналетов, завтрашнего дня.

— Я всегда была невероятной трусихой. Но от судьбы, видно, не скрыться.

В ее искренности не приходилось сомневаться. Она сейчас походила на маленькую старушку, рассуждающую о том, что за все грехи воздастся сполна. Капитан отметил, что девушка красива. Тоненькая, хрупкая, с большими голубыми глазами и льняными локонами, она стояла у кровати, зябко кутаясь в шаль, и Адабаш видел, что она хочет и не решается задать какой-то очень важный для нее вопрос. Он спросил сам:

— Где сейчас... наши? Что там происходит? — Капитан указал в пространство за окном.

— Не знаю... Все утро туда, — Ирма кивнула в сторону, в которой погромыхивала канонада, — шли солдаты. Нет, солдат было мало, шли старики и мальчишки из фольксштурма. Но я не разбираюсь в этом, вот придет Вилли, он лучше меня понимает, где сейчас... ваши, красные. Впрочем, не надо быть солдатом, чтобы догадаться, что они уже близко: их еще не видно, но уже слышно. — И решилась, спросила: — Что с нами будет, господин капитан?

«Ну что ответить этой девушке?» — подумал Адабаш. Пожелать, чтобы на ее уютный коттедж не упали бомба или снаряд? Чтобы миновали шальные пули. И обошли ее стороной все те многочисленные случайности войны, которые кончаются смертью женщин, детей, стариков?

— Тебе сколько лет? — спросил он.

— Семнадцать. А вам?

— Двадцать четыре.

— И уже капитан? — изумилась Ирма.

Как же в них въелось, вросло почитание чинов и званий! Адабаш в который раз подивился этой черте характера, так тщательно культивируемой фашистским режимом.

— Я давно воюю. Что же касается будущего... Мы молоды и будем надеяться, что проживем еще долго.

Он ошибался в своих надеждах, хотя и не мог знать этого. Девушка, которая стояла сейчас перед ним, беспомощным и отяжелевшим от трех сквозных пулевых ранений, проживет еще несколько трудных лет, а у него счет жизни шел уже на месяцы. Но он не мог ничего знать о том, что произойдет, сейчас для него было важнее всего на свете одно: где наши и добрался ли к ним с картой сержант Орлик.

— А мама говорит, — вдруг улыбнулась Ирма, — что пока Красная Армия возьмет Берлин, мы уже захватили в плен русского капитана.

Улыбка красила девушку, она не казалась такой испуганной.

— Ты давно видела своего отца? — неожиданно спросил Адабаш. А вдруг этот эсэсовец тоже где-то здесь?

Ирма недолго колебалась.

— Сказать тебе правду?

Выяснив, что капитан не намного старше ее, она незаметно для себя тоже перешла на «ты».

— Конечно.

— Но об этом не знает даже Вилли...

— Если ты не считаешь нужным, не отвечай мне. Ты здесь хозяйка.

— Хозяйка здесь мама, — уточнила деловито Ирма. — Совсем недавно, ночью, папа приходил домой. Переоделся в штатский костюм, забрал остатки консервов и ушел.

«Драпанул эсэсман на запад, навстречу американцам, — подумал Адабаш, — многие из них бегут сейчас туда, на что-то рассчитывают». Он решил уточнить немаловажный для себя вопрос:

— Тебе ничего не говорит название русского города Таврийск?

Ирма, недолго поразмышляв, отрицательно покачала головой.

— Помню, мы писали отцу в Киев, Полтаву, Винницу. А Таврийск... Первый раз слышу.

Поразбойничал же ее папенька на нашей земле, с внезапно нахлынувшей ненавистью подумал капитан. Он взял себя в руки, проговорил почти спокойно.

— Это хорошо, что ты ничего не слышала о Таврийске.

— Почему? — удивилась Ирма.

— Под этим городом находилась моя родная деревня Адабаши. Ее сжег какой-то эсэсовец Гайер.

Ирма вспыхнула румянцем, в глазах ее мелькнул испуг:

— Фамилия моего отца — Раабе! Понимаете, Раабе! — Она произнесла это как заклинание. — И я никогда ничего не слышала о вашем Таврийске!

— Что же, тем лучше. У тебя отец — полковник, а Гайер был майором — совпадение исключается.

И все-таки сомнения не покидали Адабаша, хотя ему и хотелось побыстрее закончить этот разговор. Он все-таки уточнил, указав на фотографию эсэсовца:

— Давно он фотографировался?

Девушка быстро ответила:

— Да. По-моему, еще в сорок третьем.

— Тогда тем более это не он. А того, Гайера, я все равно найду!

Адабаш этими словами закончил тяжелый разговор.

Вошла фрау Раабе с подносом, на котором дымилась чашка бульона и лежал тоненький ломтик серого, вязкого, словно глина, хлеба.

— Неразумная девочка совсем вас заговорила, — фрау Раабе вполне освоилась с ролью спасительницы русского офицера. — Но ее можно понять и простить — вы первый русский, с которым она встретилась в жизни. И при таких драматических обстоятельствах! А сейчас — обедать!

Фрау умела командовать в своем доме.

Вскоре пришел Вилли.

— Господин капитан... — начал он.

— Меня зовут Егором, — перебил Адабаш.

— Господин капитан, — не принял поправку Вилли, — я посоветовал женщинам вывесить на балкончике флаг со свастикой. Пусть эсэсовцы видят, что в доме живут люди, преданные фюреру до конца. — Он произнес это с явной иронией.

Вилли, разговаривая с Адабашем, стоял так, как перед командиром взвода на плацу.

— Слушай, Вилли, перестань тянуться, возьми стул, присядь.

— Хорошо, — подчинился Вилли.

— Эту тряпку уже вывесили? — Адабаша обеспокоило сообщение парня.

— Мотается на свежем ветерке.

— А ты не подумал, что наши солдаты, увидев ее, разнесут домишко вдребезги?

— Черт возьми! — воскликнул Вилли. — Именно так и будет!

— Твоя «охранная грамота» действительна только для одной стороны, — пошутил Адабаш.

— Когда стемнеет, мы ее снимем, — вмешалась фрау Раабе. — Я уже приготовила белую простыню.

Фрау оказалась предусмотрительной. Адабаш заметил ироническую ухмылку Вилли.

— А как же с призывом доктора Геббельса умереть за фюрера? — спросил он.

Фрау Раабе ответила рассудительным тоном:

— Мы не знаем, где сейчас фюрер и что с ним. Это освобождает нас от обязательств. Может, он уже мертв. ...Гитлер покончит с собой через несколько дней...

— Как ты думаешь, — с надеждой спросил Адабаш, — я смог бы выбраться отсюда?

Вилли решительно сказал:

— Исключено. И нет в этом смысла. Ваши сейчас притихли, но временно, ненадолго. Я не офицер, но понимаю, что это затишье перед решающим штурмом. На месте немецкого командования я бы капитулировал, чтобы избежать бессмысленных жертв. А они...

— Что они? — спросил Адабаш.

— Затопили метро.

— Но там же люди! — в ужасе воскликнула Ирма. — Там тысячи людей! Женщины, дети, старики! И еще масса раненых, мы... нас посылали их перевязывать!

«Так вот откуда у тебя такая сноровка в обращении с бинтами», — отметил Адабаш.

— Метро приказал затопить фюрер, — бесстрастно продолжал Вилли.

— Майн готт! — фрау Раабе всплеснула руками. — Этот бывший фельдфебель плохо кончит, так всегда говорил мой отец, генерал Лемперт, так говорю и я!

— Я тоже бывший фельдфебель, но остался человеком, — почему-то обиделся Вилли. — А что касается Адольфа, то сегодня его судьбу несложно предсказать.

«Вот и отец фрау — генерал... Нет, ты явно не туда попал, капитан», — Адабаш попытался с иронией отнестись к этой новой семейной информации.

— Вилли, как ты думаешь, когда это... кончится?

— Старики и подростки, которых они погнали против ваших танков, не продержатся и часа. Думаю, завтра утром русские будут уже здесь.

— Почему завтра, а не сегодня?

— Бои, судя по канонаде, идут левее от нас. Мы не на главном направлении удара. Ваши пробиваются к рейхстагу и к рейхсканцелярии.

Да, так оно и есть, Адабаш знал о таких планах командования, а Вилли, фронтовик, по своим приметам, исходя из опыта, догадался о них. Вот оно как получилось: всю войну мечтал добраться до Берлина, и ведь

вошел в него одним из первых, а теперь лежит в котедже эсэсовца и беседует с его домочадцами.

Вилли с гневом произнес:

— Бегут... Все золоченые фазаны бегут... И еще вешают... На чем попало и кто попадется — вешают. Словно хотят унести с собою на тот свет как можно больше человеческих жизней. Меня спасает деревяшка, — он показал на протез, — человек на кленовой ноге не может быть дезертиром.

— Господин капитан, — вмешалась фрау Раабе, — советую вам не разговаривать так много, это противопоказано при вашем состоянии, поверьте мне, я недавно была сестрой милосердия, и у меня есть опыт еще той, первой войны.

«Что она еще сообщит о себе?» — с любопытством подумал Адабаш.

— Да-да, я знаю, что главное для раненого — покой, — убежденно заявила хозяйка дома, бывшая сестра милосердия, дочь генерала и жена эсэсовского полковника.

— Еще один вопрос, Вилли, точнее, два вопроса... Может, я все-таки сумею выбраться отсюда к своим? Насколько я понимаю, кругом хаос и неразбериха.

— Выбросьте это из головы. Вам не пройти линию обороны, она сжата, как пружина. А потом, у вас просто не хватит сил выползти даже за порог этого дома. Бессмысленная гибель, только и всего. Самое разумное — дожидаться, когда ваши придут сюда. Это произойдет очень скоро.

— Тогда второй вопрос: с какой стати ты помогаешь мне, ведь ты воевал против нас, был ранен. Я понимаю, хозяйки дома заботятся о своем завтрашнем дне...

Ирма покраснела и хотела что-то возразить, но ее опередила фрау Раабе:

— Господин капитан прав, и с нашей стороны было бы глупо это скрывать.

Девушка опустила голову: что уж тут скрывать.

— Ну а ты, Вилли?

— Фрау Раабе сообщила вам, господин капитан, что я сын красного... Да, сегодня я уже могу сказать открыто: мой отец был коммунистом еще до захвата власти Гитлером. Он погиб в стычке со штурмовиками, которую фашисты выдали за уличную драку. Это было в 32-м. Может, это и спасло мою мать и меня от концлагеря — отца не было в живых, когда начался фашистский тер-

пор. Я мог бы вам сказать сейчас, что радуюсь концу «третьего рейха» и считаю, что любая новая жизнь будет лучше той, которая у нас была и пока еще есть.

Фрау Раабе пожала плечами и возмущенно отвернулась от капитана и Вилли. Ирма слушала очень внимательно, чувствовалось, она доверяет Вилли и ценит его мнение.

— Но есть и еще одно обстоятельство, менее глобальное, что ли, крайне незначительное на фоне того, что происходит в мире, но для меня чрезвычайно важное: я возвращаю русским свой долг.

— Объясни. Я не очень тебя понимаю.

— Хорошо. Ирма тоже не знает этой истории, ее никто не знает, иначе я давно бы сгнил в подвалах гестапо. Это случилось в сорок втором, на Донце. Помните, в какую западню попали ваши части? Бои там шли жестокие, за каждый клочок земли, некоторые деревни по несколько раз переходили из рук в руки.

...Солдата Вилли Биманна ранило на самом берегу Донца, на окраине маленького селения — всего несколько сожженных хат. Они отбивали атаку русских, когда в ногу впился кусок стали. Его оттащили в землянку, перевязали.

— Отлеживайся, Вилли, — сказал санитар, — когда кончится этот бедлам, мы придем за тобой. Считаю, тебе повезло, здесь больше шансов уцелеть.

Вилли тоже так думал и радовался ранению как случайной удаче. Санитар ушел, и Вилли остался один. По стихавшей или вдруг начинавшейся с новой силой стрельбе он догадывался, что русские идут в одну атаку за другой. И вдруг разом бой угас. Тянуло пороховым дымом, тишина была звенящей. Вилли страстно захотелось разорвать ее криком, выстрелом — как угодно, только бы прогнать ее, эту могильную тишь, в которой улавливался лишь змеиный шорох засыпающей его земли. Вилли долго ждал санитаров, они не шли, а поползти из землянки не было сил.

И вдруг в дверном проеме показался красноармеец, еще один, раздалась русская речь.

— Хальт! — крикнул красноармеец. Вилли попытался встать, но не смог, застонал, опрокидываясь на спину.

Красноармеец повел стволом винтовки, и тогда Вилли показал ему перебинтованную ногу. Он воевал с июня сорок первого, кое-что понимал по-русски, какие-то слова, отдельные фразы.

— Скапутился, гад?— с любопытством сказал красноармеец. Выглядел он, хотя и разгоряченный боем, вполне добродушно. Что такое «скапутился» Вилли не знал, но догадаться было несложно.

— Товарищ лейтенант, здесь раненый фриц,— позвал красноармеец своего командира.

В землянку вошли лейтенант и еще какие-то солдаты.

— Добить надо сволочь,— с ненавистью сказал один из них и поднял автомат.

— Отставить, Саенко,— приказал лейтенант.

Вилли на всю жизнь запомнил эту фамилию: Саенко.

— Отставить, Саенко, пленных мы не уничтожаем.

Снова началась перестрелка, и русские выскочили из землянки. Вилли все еще видел прямо перед собой зрачок ствола автомата, но не верил, что еще живет, слышит, как стреляют, мелькнула даже дикая мысль: и на том свете, видимо, тоже идет война. Прошло несколько минут, и перестрелка стихла, бой откатился к берегу Донца.

— Жив, Вилли?— услышал он голос санитаря, приволокшего его в эту землянку. И вдруг санитар, он был из нацистов, с подозрением спросил: — Как это они тебя не пристрелили?

— Не заметили,— с трудом выдавил из себя Вилли.

— Считай, что второй раз родился! У Иванов разговор короткий — очередь в брюхо, и ты уже в раю.

Санитар недолго потоптался возле Вилли и ушел за подмогой. Он явно ему завидовал: ранение означало жизнь, это был «пропуск» в тыл, подальше отсюда, где стреляют и убивают.

Когда Вилли уложили на носилки и понесли в медсанбат, в одной из траншей он увидел и добродушного красноармейца, нашедшего его, и лейтенанта, и Саенко. Они лежали на глинистом бруствере, так и не выпустив из рук оружия. У лейтенанта взрыв гранаты снес полголовы, Саенко прошила автоматная очередь.

— Потом был госпиталь, «железка» на грудь за храбрость, звание ефрейтора, ампутация и... война для меня кончилась лучше, чем для многих других,— закончил свой рассказ Вилли.

— А ведь вполне могли добить,— задумчиво протянул Адабаш,— в бою остановиться трудно бывает.

— Могли, а не стали,— взволнованно сказал Вилли.

Адабаш понимал его: немецкий ефрейтор снова видел перед собой песчаный берег русской реки, бой, в

котором нет никому пощады, черный зрачок автомата — сейчас выплеснет он огонь, но ефрейтор его не увидит, когда стреляют в упор, смерть приходит мгновенно.

— И ты все это пережил, Вилли? — воскликнула Ирма.

— Ваш рассказ вселяет надежды, — сделала неожиданный вывод фрау Раабе, — русским, оказывается, свойственно милосердие. Хотя доктор Геббельс утверждал, что эти варвары будут насиловать всех немок и убивать младенцев.

— Мама! — всплеснула руками Ирма. — Не забывайте, господин капитан — русский!

— Это же говорила не я! — удивилась ее возмущению фрау Раабе. — Это утверждал доктор Геббельс.

— Провались он в преисподнюю, — гневно сказал Вилли. — Теперь видите, до чего эта бешеная свора довела Германию?

За окнами полыхали пожары. Глухо обрушивались на землю обгоревшие стены зданий. Даже сюда, в комнату, доносился горький запах гари. Какой-то офицер командовал истеричным голосом: «Вперед, сволочи!» Он, наверное, гнал на передовую очередную партию обреченных на смерть.

Наступал вечер. Адабаш прикидывал, что же делать дальше, как поступить. А что, если ночью устроят повальную облаву? Погибнет он, погибнут и эти люди, с которыми его свела война, точнее, последние ее дни, когда так хочется жить и смерть кажется вопиющей нелицепотностью. «А Берлин возьмут без меня», — и это тоже казалось величайшей несправедливостью. Очень долго и тяжело шел он к этим дням и вот — без него.

Немцы обязательно устроят обыски, прочешут все эти аккуратные коттеджи, улицы, заглянут и в развалины поблизости — они ведь тоже догадываются, что завтра все решится, и потому постараются расчистить от нежелательных лиц ту черту, за которой лежит передовая.

— Что будем делать, господин капитан?

Вилли, очевидно, думал о том же.

— В доме есть подвал? — спросил Адабаш.

Фрау Раабе энергично кивнула: у нее в доме есть все, что требуется для добропорядочной семьи.

— О, господин капитан, наш дом построен отлично! Мой муж...

— Мама... — остановила ее Ирма.

Она тоже понимала, что капитану надо принять какое-то решение.

— Я прошу вас, фрау Раабе, и тебя, Ирма, укрыться в подвале и надежно закрыть вход в него. Возможен артиллерийский обстрел, облава, все что хотите.

— Нет! — отрезала фрау Раабе. — Супруга полковника фон Раабе в своем доме хозяйка и...

Вилли бесцеремонно ее перебил:

— Гестапо вздернет вас, меня и Ирму на первом же фонаре, даже не поинтересовавшись, чья вы супруга, а только обнаружив здесь советского капитана.

— Майн готт! — Фрау Раабе начала понимать весь трагизм ситуации: русских здесь еще нет, а гестапо свирепствует, и Вилли прав — они даже не спросят, как и что, просто накинута петлю и потянут за конец веревки.

— Ты, Вилли, закрой их в подвале, а сам уходи к себе... Только попробуй передвинуть мою кровать так, чтобы у меня под прицелом были и дверь и окно.

Вилли кивнул, он задумался, подошел к окну, чуть отодвинул край шторы.

— Пусто, — сообщил он, — они увели всех своих людей туда, на передний край. Это в нескольких километрах отсюда. Но скоро они подтянут сюда резервные части: надо быть идиотом, чтобы оставить без присмотра такую зону. Отсюда — дорога к центру.

Адабаш знал, где проходит линия обороны врага, он ведь прополз здесь все метр за метром, тенью проскользнул среди руин. Это было вчера ночью, всего лишь меньше суток назад, а кажется — очень давно. Выбрался ли к нашим сержант?

— На что вы надеетесь, господин капитан? — Вилли спросил это почти безразлично и только чуть дрогнувший голос выдал его волнение.

— На свое счастье, — ответил Адабаш. — И еще на Орлика. Так зовут моего товарища, сержанта, — объяснил он, заметив недоумение на лице Вилли.

— С женщинами вы решили правильно, — одобрил фельдфебель. Он резко сказал фрау Раабе и Ирме: — Идите.

— Но... — запротестовала фрау Раабе.

— Извините меня, — стараясь произносить слова твердо и отчетливо, сказал Адабаш. — Но я не могу сейчас уйти отсюда, просто физически не в состоянии этого сделать. Поэтому Вилли закроет вас в подвале. Если

придут эсэсовцы, заявите, что я загнал вас туда, угрожая убить. Плачьте, рыдайте, истерику закатите...

— Господин капитан,— пролепетала Ирма,— пожалуйста, скажите, что я могу для вас сделать? — Она едва не плакала.— Ведь вас убьют.

Она бесцельно ходила по комнате из угла в угол, и концы шали развеивались, словно поникшие крылья уставшей птицы.

— Меня тысячу раз уже убивали, и, как видишь, я все еще жив...

Он не нашел нужные немецкие слова, и Ирма услышала не совсем то, что ему хотелось сказать: «Меня тысячу раз убивали, ничего, если убьют еще раз».

— Идемте,— отрывисто повторил Вилли, он хорошо знал, что властный тон на добропорядочных немецких женщин действует безотказно.

— Прощайте, господин капитан,— тихо произнесла Ирма.

Адабаша обозлило, что она прощается с ним, будто с покойником, ишь ты, сколько безропотной покорности судьбе в голосе этой девицы. А ведь совсем недавно, наверное, вместе с другими, такими же, как и она, неистовствовала: «Зиг хайль!»

— Не хорони меня, Ирма,— преодолевая раздражение, сказал Адабаш.— Рано еще. Пройдет все и тогда... Да и тебе рано умирать. Минует все это,— он показал куда-то в пространство,— и начнется другая жизнь.

— Семья фон Раабе умеет быть благодарной,— мать Ирмы изрекла это с тем обещающим достоинством, в котором слышалась готовность выполнить любые пожелания господина капитана, когда он окончательно станет победителем.— Наша Ирма будет при вас внимательной и заботливой сиделкой.

— Не надо, мама,— Ирма вспыхнула неярким румянцем, поспешно бросилась собирать вещи для переселения в подвал.

Прошло какое-то время, и Вилли возвратился. О том, что по лестнице поднимается именно он, Адабаш догадался по сухому стуку протеза.

— Я останусь с вами,— сказал Вилли.— Кое-что я тоже умею,— он покосился на оружие капитана.— К тому же выпадает удобный случай сделать то, что я обязан был сделать гораздо раньше — отомстить за отца.

— Оставайся, Вилли, возьми мой пистолет,— Адабаш внешне равнодушно воспринял решение этого

фельдфебеля-инвалида, но в душе порадовался. Капитан попросил его: — Пойди, пожалуйста, вниз и отпри входные двери. Не надо, чтобы Орлик выбивал запоры.

— Вы так уверены, что сержант придет?— удивился Вилли.

— Конечно, иначе чего бы мы стояли, если бы бросали друзей в беде. Орлик придет.

Вилли снова спустился вниз, погромел запорами. Потом они стали ждать. Время близилось к полуночи, когда Адабашу показалось, что тихо скрипнула входная дверь. И опять установилась тишина. Капитан знал, что Орлик может часами стоять неподвижно, выжидая, пока враг первым сделает опрометчивый шаг, выдаст себя. Наверное, он вошел в дом, чтобы выяснить судьбу Адабаша. На месте Орлика он поступил бы именно так: раненый оставался во дворике коттеджа, значит, жители могли видеть, как его добивали или уносили. И вторая возможность не исключалась: раненый, почувствовав себя лучше, мог сам проникнуть в дом.

Адабаш и Вилли вслушивались в неустоявшуюся тишину, пытаясь по неясным звукам определить, что происходит там, вокруг коттеджа. Временами раздавались громкие шаги под окнами — это проходили солдаты. Совсем близко прозвучали выстрелы и послышался вскрик, наполненный болью. Снова тихо скрипнула дверь. Орлик? Или отец Ирмы, эсэсовец, у которого тоже были причины избегать встречи с солдатами? А может, дезертир забрел, мародер: одни в эти дни умирали, другие грабили...

Умирали совсем рядом — снова слышались выстрелы, команды, крики... Часы пробили полночь. Вдруг Вилли сжал руку капитана, давая знать, что в доме кто-то есть. Адабаш взял автомат. Вилли бесшумно встал у двери, он теперь был бы за спиной у тех, кто мог войти.

Раз или два мелькнул лучик фонарика — обследовали комнаты первого этажа. Наконец в тишине, разрываемой редкими взрывами снарядов, слышались тихие шаги по лестнице. Адабаш выжидал, давая возможность неизвестному подняться выше.

— Сержант! — вполголоса позвал он, надеясь и не веря, что это пришел Орлик.

— Здесь, капитан! — слышалось в ответ.

Уже не таясь, но и не особенно поднимая шум, в комнату вошел Орлик. Вслед за ним ввалились человек пять разведчиков. Сразу стало тесно, запахло ночной сыростью и дымом.

— Здравствуй, Орлик, — голос Адабаша дрогнул.

— Свет зажечь? — спросил сержант, выловивший в темноте лучиком своего фонарика кровать и капитана на ней.

— Шторы надежно задернуты, Вилли? — по-немецки спросил Адабаш.

— Так точно, господин капитан.

Вилли с пистолетом в руке занимал позицию против входа.

В комнате мгновенно установилась тишина, Адабаш ясно ощутил напряжение, которое возникло после его слов. Оно было как токи высокой частоты: неосторожное движение и...

— Не стрелять! — приказал он на всякий случай.

— Это еще что за фокусы? — спросил Орлик без видимого удивления. — Кто такой?

— Немец. Фельдфебель. Надежный человек, не беспокойся.

Ну как ему объяснить, кто такой Вилли, если этого Адабаш и сам не знал? Может, действительно из тех немцев, которые ненавидели фашизм и ждали своего часа, а может, и маскируется, использует стечение обстоятельств для собственного спасения?

— Это он пусть беспокоится,— проворчал Орлик,— скажите ему, пусть включит свет, раз он местный.

— Ты что, сержант? — удивился Адабаш.— Какой свет, если весь Берлин без энергии? Вилли, зажги свечу, пожалуйста.

Вилли пощелкал зажигалкой, поднял высоко свечу — поискал, куда бы пристроить. Поставил ее на камин, и колеблющийся огонек неярко осветил комнату.

— Положи оружие! — приказал ему Орлик.

Вилли шагнул к кровати, на которой лежал Адабаш, протянул ему пистолет.

— Оставь его, сержант, мы уже сколько часов с ним здесь на пару в прятки со смертью играем,— Адабаш сказал это таким счастливым голосом, что Орлик, отбросив настороженность, попытался обнять его, но, вспомнив о ране, лишь прижал его голову к своей груди. И капитану на мгновение показалось, что это дед его, патриарх рода Адабашей, ласково привлек его к себе, провожая в партизаны. Как давно это было...

Пламя свечи выхватывало из темноты лица разведчиков, ребят из батальона Адабаша, каждого из них капитан хорошо знал, не раз выручал в бою, и вот теперь они пришли на помощь ему. Через линию огня, патрули, засады, под пулями и снарядами, сквозь огонь — пришли к нему, Адабашу, потому что таковы законы боевого товарищества. Если бы что-то случилось с ними, он, капитан Адабаш, тоже пошел бы к ним на помощь и спасал бы их даже ценою собственной жизни.

— Кто еще в доме? — Орлик в любых ситуациях помнил о своих обязанностях.

— Хозяйка и ее дочь, они в подвале, внизу,— объяснил Адабаш. И, чтобы успокоить сержанта, добавил: — Дочь меня нашла, а Вилли помог сюда перетаскать. В общем, был один шанс из тысячи, что так повезет.

— Выходит, и среди них не перевелись порядоч-

ные,—неопределенно пробормотал сержант,—не всех Гитлер успел выбить.

— Все сложнее, сержант,—ответил Адабаш.— Посмотри на фотографию, вон на той стене... Это — хозяин дома.

Орлик выхватил цепким взглядом фото полковника фон Раабе в узорчатой раме — эсэсовец, казалось, холодно наблюдает за тем, что происходило в комнате его дочери. Может быть, колеблющееся пламя свечи было в том виновато, но Адабашу почудилось, что во взгляде у фон Раабе мерцали живые искорки.

Сержант тихо присвистнул.

— Дела...

— Вот так, сержант.— Адабаш хорошо понимал его изумление.— Здесь еще долго будет такая карусель: сразу не поймешь, с кем встретился.

— Ладно, разберемся,—Орлик и в самом деле не сомневался, что «разберемся».— Командуй, капитан, что делать.

— На рассвете? — спросил Адабаш.

— Так точно.

Значит, штурм начнется, когда будет уползать сквозь огонь пожарниц в руины ночь. Один из разведчиков был с пулеметом, капитан заметил это сразу.

— Свечу погасить,—приказал он.— Пулемет на чердак, там должно быть слуховое окно, три человека вниз, двое здесь — к окнам. Огонь открывать по команде сержанта!

Он вспомнил об Ирме и фрау Раабе.

— Вилли, иди вниз, успокой женщин, мы здесь справимся без тебя. Услышат стрельбу, пусть не паникуют, все идет нормально. Да,—вспомнил он,—сорви ту фашистскую тряпку, но и белую не выкидывай за окно, сдаваться мы не намерены.

— Будет сделано, господин капитан.

Вилли замаялся, он хотел что-то сказать, однако присутствие русских связывало его, обстановка изменилась, теперь в комнате находился не просто раненый, а офицер со своими солдатами.

— Иди, Вилли,—мягко повторил Адабаш.— Ты и так сделал очень много для меня. Он пошутил: — Передай Ирме, что, как только встану на ноги, приглашу ее на вальс. Ревновать не будешь, надеюсь.— Подумал и добавил: — И скажи фрау Раабе, что кто-то из нас

обязательно уцелеет и сообщит о ее помощи командованию.

Он знал, что такие слова больше всего обрадуют супругу полковника фон Раабе. Но ведь и в самом деле помогла! Чем руководствовалась, с какими чувствами приносила чашку бульона, помогла перевязать его, наконец, не выдала, не донесла — другой вопрос. А ведь могла выдать и донести...

— Не забудь, Вилли,— повторил Адабаш,— сказать Ирме, что, когда я встану на ноги, обязательно приглашу ее на вальс.

— Слушайте, мальчики, приглашаю вас на чашку чая,— с энтузиазмом произнесла Гера.

Они вышли из здания аэропорта «Шереметьево», позади был перелет Париж — Москва.

— Согласен,— ответил, не задумываясь, Олег Мороз. Наконец-то они прилетели в Москву, а ведь раньше и не подозревали, как это хорошо — возвращаться на Родину.

Туристскую группу встретили в аэропорту представители «Спутника». Автобус с его эмблемой на борту ожидал на стоянке, места были забронированы в гостинице «Юность», словом, все шло нормально.

— Как только в гостинице приведем себя в порядок — милости прошу,— не унималась Гера,— после всего, что с нами случилось, мы теперь как бы породнились.

В этом она, пожалуй, права, подумалось Алексею. Он с удовольствием шел по московской земле, мама всегда любила повторять: в гостях хорошо, а дома лучше. Как там она, волнуется, наверное, надо обязательно позвонить ей сегодня, сказать, что прилетели и все нормально, и что он ее очень любит, скучал без нее.

— Хорошо, Гера,— согласился Алексей,— устроим сегодня чай по-домашнему.

Не успели они разместиться в своих номерах, как Гера стала названивать: приходите. Вечер получился хороший. После стремительного ритма туристской поездки, сборов домой, говоря официальным языком, отбытия из Парижа и прилета в Москву, они впервые могли сесть спокойно, никуда не торопиться, как сказал Олег, оглянуться в беге... Гера постаралась, она успела сбегать в буфет, закупить пирожных, конфет, печенья и прочих сладостей. Горничная выдала им самовар, и они расположились вокруг него со всеми удобствами.

Гера хозяйничала с большим рвением, ради такого случая она надела блузку, которую долго выбирала в Париже.

— Для тебя старается,— подмигнул Олег Алексею. Олег недавно женился, каждый день слал из Парижа своей Тае открытки. Гера об этом знала.

— Вот и нет!— ответила она Олегу.— Конечно, приятно выглядеть... приятной,— девушка жизнерадостно заулыбалась.— Но главное, мальчики, в том, что мы дома. Дома!

Она закружилась по комнате, мурлыкая какой-то мотивчик, который подхватила там, в чужом и прекрасном городе Париже, и привезла с собой.

Да, дома быть хорошо, эта истина и Алексею пришла по вкусу, он даже несколько раз повторил про себя: дома быть хорошо.

— А помнишь тех, коричневых? — спросил Олег о том, о чем они все эти дни не могли забыть, несколько раз обсуждая подробности стычки на узкой парижской улочке, так и эдак прикидывая, пытаюсь понять, какие причины побудили группу юнцов без всякого повода затеять шумный скандал.

То, что случилось там, в Париже, не укладывалось в представления о принципах, которых должны придерживаться нормальные люди. Алексей будто вновь увидел поблекшие от ярости голубые глаза Ирмы, ее долговязого «оруженосца», в руке у которого тускло отсвечивала узкая полоска стали. Горазды же типы такого сорта чуть что хвататься за нож.

И до, и после этой стычки были интересные встречи с молодыми рабочими на заводе «Рено», они побывали в Сорбонне, студенты пригласили советских гостей в общежитие — весь вечер до хрипоты спорили, а расставаясь — обнимались, хлопали друг друга по плечам, никак не могли разойтись.

— Ты хочешь сказать, у вас свобода, да? — тербила Алексея весьма экспансивная рыжая девица, особенно активничавшая в дискуссии.

— Конечно,— не ожидая подвоха, ответил Алексей.

— Тогда останься у меня ночевать! Побоишься ведь? — под хохот и французов, и советских ребят предложила рыжеволосая.

Все смеялись, а Алексей растерянно оглядывался — аргумент был для него неожиданным. Гера, которой переводчица изложила, о чем идет речь, пришла на по-

мощь. Она, дурашливо изобразив испуг перед соперницей, схватила Алексея за руку:

— Не отдам. Этот парень мой!

— Оставляй его себе,— милостиво согласилась французенка, которую Алексей про себя назвал рыжей бестией, уж очень игривое выражение было выписано у нее на лице.

— А эти французские пареньки хороши,— заулыбался Олег.— Помните, как долговязый от них драпанул?

Они на следующий день все рассказали сотруднику посольства, как и с чего заварилась эта каша и чем закончилась. Их успокоили, подтвердили, что они действовали правильно, такие скандалы никому не на пользу, и хорошо, что они ушли при первой возможности, не дали втянуть себя в драку, это не трусость, а благо-разумие, ибо стычка вполне могла вылиться в серьезную провокацию.

В аэропорту Орли группу провожал сотрудник посольства, который беседовал накануне с ними.

— Возьмите на память,— протянул он Алексею вырезку из газеты.

Газета, одна из тех, которые именуются бульварными, сообщала в небольшой заметке, что два молодых поклонника ле Пэна* и их западногерманские друзья подверглись хулиганскому нападению, когда случайно попали в кварталы, где ютятся деклассированные элементы. Поводом послужило вызывающее поведение туристов из СССР. Один из них нагло оскорбил Ирму Раабе из Мюнхена, за нее вступились французские друзья... Туристы из СССР поспешно ретировались. О «поклонниках» ле Пэна и их французских «друзьях» газетенка писала с явной симпатией. Попутно выражалось сожаление по поводу того, что полиция оказалась не в состоянии защитить достоинство молодых людей, не скрывающих своих симпатий к определенным идеям, которые тоже имеют право на существование. «У нас демократия,— писал безымянный автор,— или это нам только кажется?»

Заметка была напичкана намеками, происшествие расписывалось так, что неосведомленный читатель приходил к выводу: наглый и, очевидно, нетрезвый русский приставал к молодой девушке из Мюнхена, за нее всту-

* Ле Пэн — лидер крайне правых экстремистских группировок во Франции.

пились благородные друзья, но хулиганствующие юнцы затеяли драку. Ирма Раабе, к счастью, не пострадала, а оба юных адепта ле Пэна попали в больницу с ушибами и переломами. «Какое попрание норм гостеприимства!» — восклицал автор заметки в заключение.

Сотрудник посольства, заметив, как помрачнел Алексей, прочитав заметку, улыбнулся:

— Пустое! Вот такие шутики и именуют здесь дохлыми утками.

— Но как они могут...

— Ваше счастье, рядом оказались неплохие парни из рабочих, вообще тот район, где все это произошло, преимущественно рабочий, так вот, ваше счастье, что ребята быстро поняли, что к чему, иначе те основательно покалечили бы вас ради потехи, чтобы побахвалиться потом перед своими — отделали русских.

Имя молодой немки, названное в заметке, показалось странно знакомым Алексею. Сначала он не придал этому особого значения и только сейчас, за столом в московской гостинице, Алексей вдруг неожиданно для себя произнес вполголоса: «Ирма Раабе». Он вспомнил! И тут же усомнился: невероятно, чепуха какая-то, так не бывает, Ирме Раабе должно было бы быть под шестьдесят.

— Немочка привиделась? — насмешливо сказала Гера, подсовывая Алексею пирожные. — Кошмар и катастрофа...

— Катастрофы, к счастью, не получилось, — Алексей плеснул чай в стакан, поуютнее устроился в кресле. — А вот что кошмар — так это правда...

— Ничего, все кошмары рассеиваются, — солидно пробасил Олег. И то ли в шутку, то ли всерьез предложил: — Погрустим, ребята? Прилетим домой, разбежимся в разные стороны, неизвестно, когда снова свидимся...

— Я с Алексеем не собираюсь расставаться, — поспешно сказала Гера.

— Понял, Алеша? — расхохотался Олег. — Если такая девушка, как наша Гера, берет тебя на мушку, лучше сразу поднимать руки.

Гера вспыхнула:

— Не дерзи, парнишка! У Алексея живет мама в нашем Таврийске, он будет к ней приезжать, надеюсь, нас не забудет — позвонит, проведает.

Алексей хотел было сказать, что он тоже теперь будет жить в Таврийске, но не знал, имеет ли право на такую откровенность, тем более что говорили с ним в одном серьезном учреждении строго предварительно — еще ничего не решено.

— У тебя куда будет назначение? Известно уже?

— В эти дни вопрос решается. Пока все неопределенно, — Алексей сказал правду, дела обстояли именно таким образом.

— Но ты ведь мне позвонишь? — настойчиво спрашивала Гера.

— Обязательно, Герочка! — пообещал Алексей.

— Вот видишь! — торжествовала девушка, слова Алексея ее явно обрадовали.

— Желаю счастья молодым! — насмешливо воскликнул Олег. И, совсем как Гера, изрек: кошмар и катастрофа...

Все рассмеялись.

Они вспоминали поездку, мелкие подробности, смешные истории. Маленьких приключений случилось много, они были словно приправа к интересным дням, которые подарила жизнь. Потом, конечно же, разговор перекинулся на проблемы ближайшего будущего. Гера вздыхала, что в ее «конторе» тоска зеленая, отсиживает из-за стажа для поступления в институт. «Поступала в МГУ — провалилась, мама после этого решила: накрути стаж, чтобы со второй попытки — наверняка, без недоразумений». Олег сообщил, что как раз перед поездкой он получил новые материалы по НЛО, теперь вот ждет не дождется, когда можно будет засесть за их изучение.

— Ты действительно веришь, что НЛО существует? — Алексей не принимал всерьез рассказы Олега о том, что «неопознанные объекты» видели летчики на такой-то (она называлась «точно») трассе, или что жители затерянного хутора были в десятке метров от «тарелки», когда та медленно «растаяла».

Олег по памяти называл множество имен, дат, взволнованно излагал гипотезы и легенды, ссылаясь на опубликованные и не публиковавшиеся работы «известных» ученых и новоявленных исследователей НЛО.

— Псих, — выразительно комментировала его страстные речи Гера. И для убедительности вертела пальчиком у виска.

Но Алексею нравилась такая одержимость, и он от-

носился с уважением к стремлению Олега во что бы то ни стало докопаться до истины. Скорее всего он никогда не найдет свои «объекты», однако уже сейчас обладает большими знаниями в космонавтике, астрономии, авиации, оптике и многих других областях науки. Это все ступеньки к познанию мира, к выбору цели жизни. А ему, Алексею, только предстоит выяснить, по душе ли придется то дело, которым предложили заняться. Вдобавок ко всему, предложение было неожиданным.

Весной перед государственными экзаменами выпускники юридического факультета проходили собеседования в связи с предстоящим распределением. Алексея деканат намерен был рекомендовать на учебу в аспирантуру. Это однокурсников не удивляло — комсомольский активист, все пять лет отличник, опубликовал в сборнике студенческих научных работ большую статью «Международное право об ответственности за преступления против человечности».

Неожиданно Алексея пригласили на беседу еще раз. В кабинете декана сидел незнакомый человек, который представился:

— Полковник Бацанов.

Алексей удивился — почему полковник? — ведь пожавший ему руку молодой мужчина был в штатском костюме, и ничего военного в нем не замечалось.

— Что же, беседуйте, а мне пора на лекцию, — декан тактично оставил их вдвоем.

Разговор был долгий, неторопливый, собеседник до тошноты расспрашивал Алексея о родных, о том, чем увлекается, что читает, как и почему выбрал именно такую тему для своей статьи и дипломной работы.

Алексей отвечал охотно, откровенно, Бацанов понравился ему открытым, ненавязчивым дружелюбием.

И когда разговор уже близился к концу, Бацанов предложил ему подумать над тем, нет ли у него желания работать в органах государственной безопасности. Алексей не смог скрыть изумления:

— Кем?

— Это уже следующий вопрос, — уклонился от ответа Бацанов. — Пока мы говорим в принципе, прикидываем, подходите ли вы нам, а мы — вам... Вы ведь родом из Таврийска? Там, кажется, и сейчас живет ваша мама?

Бацанов, судя по всему, хорошо знал биографию

Алексея и подробности его активной общественной работы.

— Да,— подтвердил Алексей.

— А у вас не возникало намерения после учебы возвратиться в родные края?

Это было для Алексея второй неожиданностью. В Таврийске он окончил среднюю школу, после этого бывал там редко. Два краткосрочных отпуска во время службы в армии, короткий период подготовки к вступительным экзаменам в университет, поездки к маме на студенческие каникулы... Но город этот он любил нежно, и первые годы отчаянно скучал по нему.

И еще было завещание Егора Ивановича Адабаша, дяди. Надо выполнять его, но как? И вот — этот разговор с полковником Бацановым... Кажется, он состоялся очень вовремя.

Полковник посоветовал на прощание:

— Не торопитесь с решением, время есть. У вас ведь, кажется, намечается туристская поездка во Францию после экзаменов? Обязательно воспользуйтесь такой возможностью, Париж прекрасный город...

— Ты когда планируешь побывать в Таврийске? — спросила Алексея Гера.

— Дай предварительно телеграмму о своем прибытии, тебя встретит прелестная девушка с букетом роз,— съязвил Олег.

— И с любовью,— подтвердила не смущаясь Гера. И вдруг расхохоталась:— А помните, как я вас потрясла?

Потрясла — это уж точно. Кошмар и катастрофа, как сама бы изрекла. Группа улетала из Орли, прошли уже таможенный досмотр, паспортный контроль, и здесь хватились, что нет Геры. Руководитель группы побелел от волнения.

Гера примчалась, когда заканчивалась посадка: оказывается, уже в аэропорту она вспомнила, что осталось несколько франков, не везти же обратно. Побежала купить какие-нибудь сувениры в киосках и запуталась в лабиринтах огромного здания. Руководителя отпаивали валокордином, а Гера плюхнулась в кресло самолета и мгновенно задремала. А вообще-то, пришел к выводу Алексей, девчонка она неплохая, к жизненным проблемам относится весьма просто, и это ее отношение странным образом сказывается на всех, кто общается с нею,— многое тоже начинает восприниматься

спокойнее, без надрыва. Вот только иногда она вроде бы беспричинно вспыхивала, становилась резкой, даже несколько высокомерной. Еще Алексей заметил, что девушка не любила говорить о своих родных.

В Лувре Алексей подвел ее к одной из картин: «Смотри, это ты». Богиня Гера была изображена среди других богов Олимпа, она восседала на троне рядом с мужем своим Зевсом.

— Кстати,— сказал Алексей,— Зевс был не прочь приударить за другими богинями, но когда появлялась Гера, супруга его, всегда вставал.

— Лучше бы сидел, но не приударял,— Гера внимательно всматривалась в Геру с Олимпа, в ее спокойно-величавое лицо.

— Не похожа...

Кажется, она была разочарована своей божественной тезкой. Алексей заметил, как Гера украдкой посмотрелась в зеркальце — сравнивала, и улыбнулся.

Но, если серьезно, Гера была очень привлекательной девушкой. Высокая, немножко полноватая, она сразу бросалась в глаза своими каштановыми косами, которые не срезала, несмотря ни на какие моды. Парижане оборачивались ей вслед. Один экспансивный паренек засмотрелся на нее, Гера заметила это и... покрутилась на каблучке, чтобы он смог ее получше разглядеть. «О-ля-ля!» — восторженно воскликнул француз. «Вот так-то! — победоносно воскликнула Гера. — А то: «Какие девушки в Париже, черт возьми...» Да, подать себя она умела — одевалась со вкусом. Алексей, кстати, ни разу не видел ее в джинсах.

— А тебе бы брючата пошли,— сказал.

— Зачем? — ответила Гера. — Надо наоборот...

— То есть?

— Когда все носят джинсы и вельветы, надо щеголять в скромной юбочке. Затеряться очень легко, а выделиться, не раздражая, сложнее.

В этом была своя логика.

— Скажи,— спросила неожиданно Гера Алексея,— а если бы там, в Париже, дело дошло до мордобоя, ты и в самом деле не...

Она не смогла сразу подобрать нужное слово, чтобы не оскорбить товарища.

— И в самом деле,— подтвердил Алексей. — Видишь ли, когда-то, давно, в схожей ситуации, только в Таврийске, как мне казалось, я проявил благоразумие, и за

него мне было бесконечно стыдно, потому что просто струсил.

Поздним вечером его и одноклассника, когда они возвращались из кино, остановили трое крепко выпивших парней. «Сами снимете тикалки или помочь?» — спросили.

— Катись! — ответил одноклассник и через мгновение лежал на мостовой, пытаясь закрыть голову руками. Его лежащего били ногами, били лениво, но сильно, не торопясь, не обращая внимание на Алексея. А он протянул часы, мысль, что его сейчас тоже свалят на асфальт, словно бы парализовала волю.

Следы побоев у товарища прошли, но он долго не подавал Алексею руки.

Алексей не стал все это рассказывать Гере, вспоминать такое было больно и стыдно. Именно тогда он по-мальчишески истово дал себе клятву никогда не избегать драк. Кто мог предположить, что потасовка может случиться в Париже.

Бывают совпадения, но не такие же...

Тогда ему было лет пятнадцать, он как-то быстро, на глазах вырос, вытянулся, заговорил ломким баском. Он пережил большое потрясение: внезапно ушел из семьи отец. Мама его не осуждала, просто долго не могла понять, а значит, и объяснить сыну, как и почему это произошло. В разрыве винила только себя — с головой ушла в работу, забыла, что есть семья. Отец уходил трудно, но он был человеком решительным и ушел навсегда. Теперь Алексей и мама остались вдвоем, поддерживали друг друга, подолгу и очень откровенно, доверительно говорили о самых разных житейских проблемах. Только впоследствии Алексей понял, как много ему дали эти беседы.

А тогда он часто размышлял о себе, о том, кем ему быть, куда пойти учиться после школы. Он привык во всем советоваться с мамой, и то объявлял ей, что станет летчиком, то приносил из школьной библиотеки стопу философских книг, читал их ночи напролет. Потом увлекся археологией и уже почти окончательно решил, что станет историком. Но и это со временем прошло, как и многое другое, свойственное времени напряженных поисков себя. Мама не вмешивалась, не навязывала свое мнение. Она была врачом и, конечно же, считала свою профессию лучшей в мире. Но пусть ее сын выбирает сам.

Однажды, когда они весь день были вместе и возникла та атмосфера взаимного доверия и понимания, которые только и возможны между очень близкими людьми, мама открыла темную, массивную шкатулку из тяжелого выморенного временем дерева, достала письма — голубая ленточка связывала их в ровную стопку. Отдельно от нее хранилось еще одно письмо: полевая почта, печальные слова.

— Прочитай, это имеет отношение к тому, над чем ты сейчас раздумываешь.

Алексей открыл один из конвертов, развернул листок тонкой голубоватой бумаги, присмотрелся.

— Но это же на немецком! — воскликнул он. — В школе мы учим французский. Впрочем, у тебя, наверное, есть перевод?

— Есть, — подтвердила мама. — И я тебе его, конечно, дам. Но такие письма лучше читать в оригинале. А язык... Еще в прошлом веке образованные люди считали, что надо владеть минимум двумя иностранными языками.

Вначале Алексей прочитал письма в переводе. Но потом пришло время, когда он смог, вначале со словарем, а потом и бегло, свободно читать их на языке оригинала — строка за строкой, пытаюсь понять глубинный смысл, то, что слова обозначают, но чувствует лишь сердце.

Это были весточки из прошлого. Простые, бесхитростные, они трогали больше всего своей чистотой, казалось, они и через столько лет живы великой любовью, которая оборвалась внезапно, словно сбита влет быстрой крылатой птицей.

Алексей каждое из писем помнил почти наизусть. Они предназначались не ему, но он имел на них моральное право, ведь это была частичка великого наследия войны. Прошлое — не почтовая связь в одном направлении, письма из него порою уходят в будущее, связывая пласты времени. И горе тому, кто забывает минувшее или пренебрегает им.

— Ты пробовала ее разыскать? — спросил Алексей маму, хотя и не сомневался в ответе.

— Конечно. Обрати внимание: ее письма шли в два адреса. Вначале в госпиталь, где лежал Егор. Потом, после выписки из госпиталя, письма стали приходить на мой адрес: брат, очевидно, не имел права сообщать немецкой девушке свою новую «полевую почту», раз-

гром японских милитаристов готовился в строжайшем секрете. Письма, полученные в госпитале, Егор с собой на Дальний Восток не взял — он переслал их тоже мне. Надеялся вскоре возвратиться...

Так и собралась вся эта корреспонденция у меня. Когда я немного пришла в себя после похоронки, написала в Берлин. Но мое письмо возвратилось обратно — за ненахождением адресата. С Дальнего Востока, судя по всему, он ей писал, но девушка эти письма не получила. И тем не менее, продолжала писать.

— А потом совсем исчезла?

— Да. А мне очень хотелось ее разыскать, убедиться, что она не придумана — есть, живет, дышит. Я хотела понять, что связывает Егора с этой немецкой девушкой. Ведь он же знал, что это ее соотечественники уложили в одну огромную песчаную могилу наш род. Из двух сотен Адабашей в живых тогда остались только я и твой дядя Егор... Я вышла замуж и сменила фамилию... А Егор... Ты знаешь, что с ним случилось.. И вот Адабашей больше нет. Только я и ты. Ты можешь себе представить — весь род — в одну могилу!

Весь род — в одну могилу. Алексей не мог себе такое представить. Но было именно так. Захлебывались, давились злобой овчарки, остервенело орали полицейские, раздраженно выкрикивали команды офицеры, шли последней своей дорогой жители Адабашей. Все.

Полицейские были не местные, в селе не нашлось ни одного предателя, никто не променял совесть на белую нарукавную повязку, оккупационные марки и пайку хлеба. Для полицейских это была «командировка». Гитлеровцы часто собирали для массовых расстрелов палачей из других мест: учитывали, что в незнакомых стрелять легче. Впрочем, о жалости или снисхождении речь даже не шла, эти, без сомнения, убили бы и родных своих, последуй такой приказ оккупантов.

Командовал полицейскими молодой чернявый парень в немецкой офицерской форме, без знаков различия. На груди у него болталась медаль из тех, которыми оккупанты отмечали кровавые заслуги своих прислужников. Полицейские, прибегая к нему для рапортов, нелепо козыряли и титуловали «господин начальник команды». Он брезгливо морщился, глядя на своих вояк, опухших от пьянства.

«Начальник команды» закатал рукава мундира, черную пилотку сунул под погон. Усики у него подстрижены под фюрера, густая прядь волос падала на левую сторону, из-под нее злобно светился темный глаз. Он был, наверное, очень аккуратным: когда на голенища начищенных до блеска сапог попала грязь, один из полицейских сукомной протер их, угодливо заглянув в глаза «начальнику команды». Тот стоял, картинно положив руку на расстегнутую кобурю пистолета.

Полицейские приехали в Адабаши на заре, раньше немецких солдат, и сразу же окружили село кольцом, перекрыв из него выходы. Они уже крепко хлебнули самогонки, орали, били людей прикладами и плетьюми.

Чернявый сам не бил — он показывал пальцем, кого, по его мнению, требовалось «вразумить».

Даже два немецких офицера, командовавших солдатами, сторонились чернявого. Они не то чтобы гнали его от себя, просто старались не общаться с ним, отдавая распоряжения жестами. Чернявый на лету схватывал приказы и тут же выкрикивал слова команды, всем своим видом демонстрируя исполнительность и служебное рвение.

Люди, согнанные, сбитые в тесную, напряженно дышавшую толпу, долго стояли на площади. У одного из солдат был фотоаппарат, он все щелкал и щелкал его затвором, выбирая кадры поэффектнее: старика — патриарха рода, молодую женщину в праздничной, вышитой крестиком блузке и с ребенком на руках, троих полицейских, здесь же разливших самогонку в граненые стаканы — нарезанное ломтями сало для закуски они разложили на листе фанеры с немецким написанием названия села: «Adabaschi». Полицейские восприняли фотографирование как большую честь, вскочили, повесили автоматы на грудь, одинаково положили на них жилистые руки. Солдату-фотографу это не понравилось, он заставил их снова сесть на землю, взять по стакану и куску сала.

Немцы и полицейские явно кого-то ждали. Наконец в село въехала легковая машина. Офицер, командовавший карательной акцией, подскочил к ней, выбросил руку в фашистском приветствии. Из машины легко выбрался эсэсовец в черном мундире. Он скользнул взглядом по безмолвной толпе, равнодушно выслушал рапорт, взмахнул стеком. «Начальник команды» тоже доложил о себе, щелкнув, как и немцы, каблуками. Эсэсовец удостоил его легким кивком головы и, подняв стек, показал на толпу людей: продолжайте, мол, а я посмотрю.

«Коршун прилетел», — зашептались полицейские. Они забегали, засуетились, прикладами и плетью заставили людей построиться в длинную колонну. Впереди были старшие Адабаши, детей затолкали в середину колонны, может быть, надеялись, что о них забудут, или просто срабатывала веками выработанная привычка прикрывать собою малых и слабых.

Тронулись в путь...

— Не горюйте, люди, — проговорил самый старый Адабаш, шедший, опираясь на суковатую толстую пал-

ку, впереди всех.— Не горюйте, люди, на родной земле смерть принимаем.

Когда проходили по мосту через речку, кто-то из мужчин перепрыгнул через низенькие деревянные перила и бросился в воду. Полицейские подождали, когда он вынырнул и голова его показалась метрах в двадцати. Потом треснул выстрел, второй, вода сомкнулась, по ней пошли красные круги. Стрелял чернявый. Он всмотрелся в воду, убедился, что убитый пошел ко дну, и сплюнул. Полицейские даже не перекинулись словом, это была их работа, и они не то чтобы привыкли, а вполне наполнили ее заученно и без суеты.

Так же спокойно и безразлично отнеслись к происшествию и немецкие солдаты. Лишь один из них, проходя мимо чернявого, пристрелившего беглеца, похлопал его одобрительно по плечу. «Прощай, внучек», — громко сказал седой старик и перекрестил воду, еще долго красневшую от крови.

— Юрка убили,— пронеслось по толпе, и надрывно закричала жена Юрка, не попавшего на фронт по инвалидности. А теперь вот кровь его смешалась с водой речки его детства, на берегах которой он вырос, куда приходил совсем молодым, с этой вот женщиной, тогда еще юной и пригожей девчушкой.

Они прошли мост, который когда-то построили сообща. Вышли на дорогу через луг.

— Может, переселяют? — спросил кто-то. Надеются люди до самого последнего своего вздоха. Но старики, бывшие в толпе, уже точно знали, куда их ведут,— сами ведь, всей деревней тот ров копали.

— Господи, за какие грехи наслал ты на нашу землю иродов? — горестно запричитала пожилая женщина. За ее юбку тонкими пальчиками цеплялась внучка. Старик патриарх, девяти десятков лет от роду, до самого конца шел первым, опираясь на свой посох. Идти ему было тяжело, и не бремя лет сковывало его ноги. Невыносимой была думка, что кончается его большая семья и, может быть, наступает конец света, конец жизни, потому что впереди и справа и слева видел он зарево — то горели окрестные деревни, и вся земля, насколько схватывал ее глаз, уже была в пламени — запылали и Адабаши. Горело все небо, и солнце плыло в дыму, в копоти, оно вдруг стало серым, словно посыпали его пеплом.

Не было в той колонне только десятерых из всего

славного крестьянского рода Адабашей. Восемь из них ушли на войну. Все они в разные месяцы и на разных фронтах сложили свои головы — кто раньше, кто позже.

Еще один Адабаш — Егор, учитель местной школы, партизанил. Преподавал Егор Иванович после пединститута немецкий язык — в школах накануне войны стали учить немецкий.

Из младших Адабашей не было еще в колонне, идущей на смерть, Ганночки — вместе с братом своим Егором тоже партизанила, была связной и в этот день находилась далеко отсюда, пробираясь к линии фронта. Только ей и суждено остаться среди живых...

Жили люди на земле прадедов своих, растили хлеб, сады, детей и теперь шли по ней к своей смертной минуте...

Адабашей пригнали к противотанковому рву. Неподалеку разрезали землю еще два таких же рва, насыпи успели уже прорасти травой. Как трудно было их, такие глубокие, копать вручную, лопатами! Но вышло в те дни все село, надеялись — остановят здесь немца.

Приехал грузовик с немецкими солдатами, потом машина Коршуна. Офицеры посовещались недолго, равнодушно посматривая на толпу обреченных. Эсэсовец снова взмахнул стеком, и, повинувшись этому взмаху, полицейские суетливо выстроились в шеренгу метров за десять от крутого провала, солдаты на флангах установили два пулемета, чтобы добивать каждого, кто попытается бежать, прорваться сквозь кольцо карателей туда, где зеленели лес и поля.

Два эсэсовца поставили на пригорке раскладной стульчик, и Коршун смотрел на все, словно из ложи театра. Может, чувствовал он себя в те минуты властелином, сверхчеловеком, который может взмахом руки отправлять в небытие пока еще живых, но уже отмеченных печатью смерти людей? Однако чернявый, уже многократно участвовавший вместе с эсэсовцем в таких вот акциях, видел, что тому просто-напросто скучно, хотя он и доволен «нормальным» течением событий. А то ведь бывало, что в такой вот толпе оказывались мужчины с припрятанными наганями и ножами или случайно попавшие в облаву окруженцы. И бросались они на солдат в отчаянных попытках прихватить с собою на тот свет еще одного врага. Коршун не любил, когда что-либо нарушало тщательно разработанный план акции.

Здесь же были только женщины, дети, немощные старики.

— Я пойду первым,— сказал старый Адабаш и шагнул к краю рва вместе с женой своей Марией, бабушкой Марусей, как звали ее младшие Адабаши.

Расстреливали людей десятками. Отсчитают десять человек, подведут к краю рва — и короткий залп, потом мгновенная тишина, глухой стук падающих на дно, стоны расстрелянных, но еще живых, цепляющихся последним усилием за жизнь.

Плач и боль стелились под открытым небом, охваченным с разных сторон языками близких и дальних пожаров. Каратели решили одним махом уничтожить весь этот район, дававший приют партизанам.

Те, кто стоял в ожидании смерти, закрыли собою хлопчика, который что-то торопливо писал огрызком карандаша на листке из блокнота. Он вложил исписанный листочек в комсомольский билет, оторвал от белой сорочки полосу ткани, прибинтовал билет к руке. Убийцы могут снять с убитого пиджачок, но никому и в голову не придет срывать бинт.

Команда «работала» без особого напряжения, этот расстрел был не первым, каждый знал свое место, все отработано до мелочей, рассчитано по минутам. Лишь раз произошла заминка. Одна из женщин попыталась незаметно столкнуть в ров свою маленькую дочку — может, уцелеет под телами расстрелянных родичей своих?

Чернявый заметил это и бросился ко рву. Он начал стрелять на бегу, длинными очередями сбивая людей, словно игрушечные фигурки, свинцом в яму. И когда упали в огромную братскую могилу все десять, чернявый подскочил к ее краю, отыскал бешеным взглядом девочку и, начав с нее, повел очередью по всему этому кровавому месиву из тел, крови, осыпавшейся глинистой земли.

Израсходовав весь магазин, чернявый повернулся к Коршуну: заметили ли его усердие, его старание?

Тот равнодушно, свысока, наблюдавший за расстрелом, встал, и чернявый тут же подскочил к нему, ожидая приказаний. Эсэсовец отмахнулся от чернявого как от прилипчивой мухи. Ординарец уже нес ему винтовку.

Солдат с фотоаппаратом засуетился, выбирая точку, удобную для съемки. Каратели отобрали в толпе обреченных несколько мальчишек, отвели в сторону. По тому, как они без особых распоряжений и объяснений,

без суеты и спешки, деловито и привычно сортировали людей, выстроили ребят на одной линии, понятно было, что уже наловчились это делать, хорошо знают, что от них требуется.

Мальчишки стояли босоногие, в холщовых рубашках, полными ужаса глазами пытались найти в толпе своих близких. К ним подошел переводчик, на ломаном языке стал объяснять:

— У каждого из вас есть один шанс на жизнь... Вы будете быстро бежать, а господин офицер — стрелять как на охоте. Вы кролики, он — охотник, — переводчик засмеялся, — убежит кто — его счастье, так обещал господин офицер.

Он возвратился к группе карателей, что-то сказал им, все расхохотались.

— Стрельба по движущимся целям — одно из самых полезных упражнений в боевой подготовке солдат. Рекомендую... — свысока проговорил Коршун. Он с треском, не глядя, вогнал обойму в магазин винтовки.

— Пошел!

Мальчишки кинулись врассыпную, они бежали, падали, спотыкаясь о кочки, вскакивали и снова бежали. С разбега влетали в кусты, рассыпанные здесь и там по лугу, пытались укрыться в них, но кустарник был жиденьким, редким, и маленькие беглецы, пробежав его, оказывались на открытом пространстве. Выстрелы шелкали один за другим, равномерно, словно отбивая последние секунды для этих испуганных, загнанных, отчаянно цепляющихся за жизнь сельских ребятишек.

Один... два... три... пять... десять...

Люди с яростью смотрели на то, как на их глазах хладнокровно расстреливают детей. Матери мальчишек даже кричать не могли — их сковал ужас. А в тишине методично шелкали выстрелы...

Одна из живых «мишеней» пока еще не была поражена. Этот паренек был постарше других, он бежал зигзагами, и ему удалось уйти довольно далеко, пока эсэсовец убивал девять его товарищей. Оберштурмбаннфюрер старательно поймал его в прорезь прицела, плавно, словно на учебных стрельбах, нажал на крючок, ударил выстрел, офицеры вокруг него захлопали в ладоши.

Дело шло к концу, уже приехал грузовик с гашеной известью и лопатами, а штабной чин разложил на столике ведомость и стопки денег. Полицейские бросали

в его сторону цепкие жадные взгляды. Но неожиданно чин снова собрал деньги и бумаги в чемоданчик, унес его в машину.

Порядок, который ввел Коршун, был предельно рациональным: сразу же после акции полицейские расписывались в ведомости и получали «вознаграждение». Но иногда, проигравшись в карты, эсэсовец изменял этот порядок: он разрешал полицейским выбрать себе лучшие из вещей расстрелянных, а «вознаграждение» в марках забирал себе.

Полицейские заметили, что «бухгалтер», как они называли немца с чемоданчиком, уходит, и недовольно переглядывались: они ведь видели, что здесь пожить нечем, уйдут с «акции» с пустыми руками. Другое дело, если приходилось ликвидировать гетто. Там у расстреливаемых были кое-какие ценности, колечки, брошки, иногда даже золотые червонцы. Все это считалось собственностью рейха, но рейх не обеднеет, если все делить на три части: для рейха, для господина оберштурмбаннфюрера и остальное — себе...

Эсэсовец заметил, что полицейские недовольны, подозвал чернявого и что-то сказал. Тот огрел плетью нескольких полицейских. Немец одобрительно кивнул. Нет, он не собирался делить добычу с этим сбродом. Тем более что дикари, ставшие трупами, ничего не копили и не ценили золото, их женщины носили вместо украшений примитивные бусы. Потому и решил Коршун марки не выдавать, пусть покопаются полицейские в вещичках, для посылок в фатерлянд здесь ничего стоящего не отыщешь.

Полицейские бродили по краю рва, присматривались к трупам, изредка стреляли. Ветерок с реки относил в сторону пороховые облачка. Солдаты собрались по несколько человек, гоготали, наверное, рассказывали сальные истории. Они свою часть работы сделали, все остальное довершат полицейские. Эти-то в первую очередь заинтересованы, чтобы никто не выполз отсюда живым, не стал свидетелем в будущем, которое никогда нельзя предугадать.

Невозможно, конечно, было точно предугадать, что в будущем, отдаленном от гибели рода Адабашей четырьмя десятилетиями, в том будущем, которое стало для Алексея и его ровесников настоящим, эти трагические дни не забудутся. Они, полицейские и гитлеровцы, думали тогда, что все предусмотрели: после расстрела еще раз обшарили бывшее село и все вокруг него, завалили глиной ров и сровняли его с землей. То же произошло и с другими окрестными селениями — Коршун, ответственный за всю акцию, объехал их на своем «опеле».

И в донесениях об успешном проведении карательной экспедиции, поступивших в соответствующие штабы, не приводились названия сел — только кодовое название операции: «Свинцовая роса». Те, кому надлежало знать, знали, какие деревни, поля, леса были убиты «свинцовой росой».

— Ты знаешь, где их расстреляли? — спросил после долгого молчания Алексей, когда мама все это ему рассказала.

— Нет,— покачала головой Ганна Ивановна.— Мне было тогда чуть больше пятнадцати, командир партизанского отряда «Мститель» приказал любой ценой пробраться через линию фронта и доставить очень важные сведения.

— Неужели партизаны не пытались выяснить, где расстреляли Адабашей?

— Конечно, пытались. Сразу же удалось схватить даже одного из участников акции — полицейского. Допрос вел командир отряда, предатель рассказал, что ему было известно, даже на карте показал место расстрела. Был партизанский суд, полицейского повесили. Однако так случилось, что командир отряда вскоре погиб — неожиданно, нелепо. Планшет с картой, который был

тогда при нем, исчез. Но это все было без меня, потому и не знаю почти ничего.

— Разве тебя не было в отряде?

— Я снова была на задании.

Ганночка не раз и не два ходила из отряда в близлежащие городки, в соседние партизанские отряды. А тогда командир приказал любой ценой перебраться через линию фронта и доставить командованию очень важные сведения. Ее снарядили в этот рейс очень основательно, сообщили имена надежных людей, которых она могла в крайних случаях разыскать. Выполнять задание надо было в одиночку, и надеяться приходилось только на свою удачу. Она шла под видом беженки, разыскивающей своих родных. Из отряда ее вывел брат Егор, он прошел с нею по лесам до той точки, когда она должна была выйти на дорогу и передвигаться почти открыто, рассчитывая только на себя, свои силы и смекалку. Егор благополучно провел ее по лесам, но отряд свой на старой базе не нашел, под натиском карателей партизаны ушли в новую зону. Потребовалось много дней, чтобы Егор их разыскал.

— Нет,— задумчиво протянул Алексей.— Невозможно...

— Что невозможно? — немного удивилась мама.

— Наверное, невозможно представить в полной мере все те невзгоды, которые вы одолели, трудности, через которые вы шли.

— Как бы тебе лучше объяснить... Не думали мы об этом... Измерения трудностей были совсем иными. А тогда мне повезло, удачно к своим вышла, только уже в самом конце пуля поцарапала немного, меня оставили подлечиться и отдохнуть, а в отряд сбросили радистку, как и просил командир. Вскоре наши перешли в наступление, вот, оказывается, почему так нужны были сведения о фашистах, которые я доставила. После лечения меня послали учиться, на фронт отказались направить, малолеткой посчитали. Словом, в родных местах мне удалось побывать только после войны. Постояла на пожарище, поплакала и уехала.

— А дядя Егор? Он знал о том, что произошло в Адабашах? — настойчиво допытывался Алексей.

Мама рассказала, что оккупанты в те дни бросили крупные силы против партизан. Отряд «Мститель» вынужден был уйти в глубь лесов. Так случилось, что за

Адабаши не то что отомстить некому было, а хотя бы место расстрела установить, какой-нибудь знак оставить...

Конечно, Егор Иванович пытался разыскать палачей, но на войне ведь как: родное село видишь издали, надеешься, что хоть на несколько минуточек в него заскочишь, но приказ на наступление — ушел дальше, так и не узнав, кто жив остался, кого уже нет...

Егор разыскал свою сестричку Ганну только тогда, когда уже вышел из партизанских лесов, закончил краткосрочное училище и снова стал воевать. Тогда и пришло от него первое письмо.

Ганна Ивановна отыскала среди семейных документов старенькие, пожелтевшие листочки, бережно разгладила их.

— Вот послушай, что писал мне Егор. «Ганночка, дорогая моя сестричка, советую тебе по-житейски, как старший брат: выходи скорее замуж и рожай сыновей, как положено женщине, чтоб не прервался наш род. Я ведь на фронте, а здесь можно в атаку подняться, три шага сделать и навеки обнять сырую землю».

И прошу тебя: если не вернусь, накажи сыновьям своим, чтобы нашли хоть на краю света тех палачей, чтоб ничего они не забыли и не простили. Сколько бы лет ни прошло...

Целую тебя, сестра моя дорогая, и заклинаю — береги себя. А до Берлина я все равно дойду.

С фронтовым приветом, твой брат Егор».

У них в доме, сколько себя помнил Алексей, всегда на стене висела большая фотография Егора Ивановича. Снимался он перед самой войной, после окончания педагогического института: мягко и улыбочиво смотрел с фотографии на мир паренек в косоворотке, на «парадном» пиджачке — значки, которых теперь уже никто не носит. Мама как-то пошутила: «Раньше парни гордились осовиахимовскими значками, а сейчас адидасовскими нашлепками». Алексей знал, что это она так сказала не в осуждение нынешних молодых, а чтобы подчеркнуть, как время бежит — меняется.

Но ведь это, выходит, ему дядя завещал: найти хоть на краю света тех палачей. Он подивился мурости мамы, которая, вроде бы ни на чем не настаивая, приохотила его к изучению немецкого языка. Но мысль о том, что надо искать тех, из прошлого, долго казалась ему странной. Надо ли гоняться за призраками?

— Ты все еще думаешь о мести, мама? — тихо спросил Алексей. Он с волнением ждал ответ, это было то самое главное, что могла сказать ему мама и что определит его дальнейшую жизнь.

— Не о мести — о справедливости думаю я, мой сын.

Столько лет прошло, размышлял Алексей, все на земле изменилось, выросли новые города, образовались новые страны. А эта рано состарившаяся женщина, его мать, ничего не забыла, все случившееся с нею очень давно помнит острой и тревожной памятью. И если люди старшего поколения не в силах избавиться от боли и печали прошлого, то, может, это следует сделать молодым, тем, кто поднялся к жизни в новые времена, не в грозу, а под солнцем?

Ганна Ивановна догадалась, о чем думает ее сын. Разве и она не размышляла часто о том же? Забыть — слово, венчающее утихшую боль, растаявшее горе. Как убедить сына, что есть в нашей жизни вещи, которые не подлежат забвению, что прошлое связано не только с настоящим, но и с будущим?

— То, о чем я расскажу, случилось очень давно. Я была совсем еще маленькой. Шла коллективизация, и Адабаши дружно вступили в колхоз. Кулачье — хуторяне свирепствовали в округе, стреляли по ночам, запугивали. Был у нас хороший сад, редкие сорта яблонь, только Адабаши и умели выращивать такие. Сад мы передали колхозу. Так вот однажды ночью злые люди вырубили сад под корень. Ты бы видел, какой плач стоял! Сам наш прадед пришел осмотреть порубку. Он и посоветовал: «Не трогайте ничего, не корчуйте, у срубленных яблонь есть молодые побеги, сад еще поднимется. Но второго такого палачества он не перенесет».

Алексей понял, что хотела этой притчей сказать ему мама. Вырубили род Адабашей один раз, но побеги остались, может, поднимется род, снова распрямит свои ветви. Ну а если опять ударят по нему топором?

Еще он знал, сожженные Адабаши после войны вновь отстроились, поднялись к жизни. И новые жители села пригласили маму на открытие памятника погибшим. На митинге председательствующий представил ее:

— Бывшая партизанская связная Ганна Ивановна Адабаш-Черкас. Можно сказать, единственная оставшаяся в живых представительница славного рода Адабашей.

— Нет, люди,— сказала Ганна Ивановна.— Не единственная я теперь... Растет у меня сын Алексей. Жизнь, дорогие мои земляки, убить нельзя.

По-доброму, очень хорошо приняли ее тогда в Адабашах. Но поклониться своим родным, поплакать на их могиле она не смогла. С исчезновением карты командира отряда затерялся след. Ведь каратели все окрестные села тогда пожгли, побили всех людей подряд. Неясные слухи были в то время, что Адабашей расстреливали в противотанковом рву каком-то. Их несколько выкопали в начале войны, предполагалось, что наши войска останутся здесь, закрепятся. Но по-другому все случилось, бои были хотя и жестокие, но недолгие. В эти места наши возвратились только через два года. За это время сровнялась могила Адабашей с землей, поросла травой. А в первую послевоенную весну вообще все рвы и траншеи, все окопы и воронки от бомб заровняли, посеяли там пшеницу, посадили лесополосы...

— А что там сейчас, мама?

— Хлеба от края и до края... Лесочки молодые... Хорошо там, приволье, луг весной весь в цветах, как будто землю ковром укрыли.

Этот разговор оказался очень важным для Алексея. Мать вручала ему по праву наследства то великое и тяжкое, что не смог завершить брат ее, дядя Егор, боевой капитан, дошедший до Берлина и сложивший голову, когда, казалось, все уже позади. Алексей твердо решил стать юристом.

Маму это его решение порадовало.

— Для нашей семьи,— сказала она,— как и для многих других, ответственность оккупантов за преступления — очень личное дело...

Алексей только позже, через несколько лет понял, как умело и тактично помогала ему мама выбрать будущую профессию.

Однажды в порыве откровенности он сам рассказал ей о том стыдном для себя случае, когда отступил перед вымогателями, бросил в беде товарища. Он хотел было добавить, что забыть об этом никак не может, в самые неожиданные минуты вдруг вспоминается.

«Дорогой мой капитан! Где ты, откликнись! Пишу и не знаю, найдет ли тебя мое письмо. Но верю, что ты его получишь, потому что не может быть, чтобы жизнь

была устроена так несправедливо: если два человека любят друг друга, их нельзя разлучать надолго. Я живу только надеждой на встречу с тобой. Я тебя взяла в плен, и ты принадлежишь только мне. Это, конечно, шутка, но мне хотелось бы надеяться, что твои чувства ко мне остались прежними.

А мои испытывать не надо — я в них уверена так же крепко, как и в том, что за окнами нашего дома — Берлин, и руины его уже не дымятся. Вместе с другими берлинцами вчера ходила разбирать развалины, было холодно, камни попадались с острыми краями, но твоя Ирма старалась изо всех сил.

Мама ворчит: к чему этот энтузиазм. И еще вчера сказала с недоумением: странные эти русские, вначале все разрушили, а теперь помогают восстанавливать. Ваши солдаты работали на разборке развалин вместе с нами. Потом приехала кухня, и всех кормили бесплатным супом.

Я глотала этот суп, и было мне и радостно, и стыдно. Жизнь возвращается в мой бедный город, и этому можно только радоваться. Но как вспомню все, что ты рассказывал о зверствах на вашей земле, становится очень больно. Потому я и сказала маме: вот Гитлер столкнул наш народ в бездну, а русские помогают нам выбраться. Мама не стала по своему обыкновению спорить, кажется, она тоже что-то начинает понимать. Но она мне сказала странные слова: «Ирма, забудь капитана. Достаточно и того, что мы спасли его, а он — нас». Нет, я никогда тебя не забуду, даже если это будет на горе мне.

Мой любимый, прошло уже два месяца, как мы растались. Я считаю каждый день, хотя и понимаю — все напрасно, надеяться мне не на что. Кто я такая? Дочь эсэсовца, немка, принадлежу к народу, который принес столько горя другим народам, особенно вашему.

Я ни на что не рассчитываю, сейчас хочу только жить, встать на ноги и хотя бы знать, что ты жив и с тобой ничего не случилось.

На днях приходил сержант Орлик, он нас не забывает. Принес консервы и еще кое-какую еду. Мама очень радовалась, с продуктами плохо. Она поила сержанта чаем и называла «господином унтер-офицером». Я спросила Орлика, почему ты мне не пишешь. Он ответил, что ты человек надежный, с тобою в любом бою не страшно. Какое это имеет отношение к тому, что ты

молчишь, исчез, будто и не было никогда тебя? А может, тебя и не было, и я придумала тебя?

Нет, ты был и есть! Тогда откликнись, даже если и не любишь, все равно напиши всего два слова: «Я жив!» Всего два этих слова — их мне будет достаточно для счастья.

Навсегда твоя Ирма.

Вспоминаешь ли ты, как я первый раз пришла к тебе в госпиталь? Меня не хотели пускать, но я показала письмо твоего командования, и женщина-врач сказала: «А, это та, которая спасла нашего капитана? Пропустите ее». Она и сама не знала, что выписала для меня пропуск в любовь и новую жизнь...»

И НАСТУПИЛА ТИШИНА

— А, это та, которая спасла нашего капитана? Выпишите ей пропуск.

Врач отдала приказ так, словно каждый день к раненым офицерам приходили хорошенькие немецкие девушки. Она очень устала, война окончилась, но здесь еще каждый день умирали — те, кого посеколо сталью и свинцом в последние дни.

Ирма стояла перед нею испуганная, бледная. В глазах у нее читалась решимость преодолеть все препятствия и увидеть «своего» капитана. Она долго готовилась к этому визиту, прикидывала, как одеться. Ирма похудела за последние месяцы, но, к счастью, все сидело на ней отлично. И она долго рассматривала себя в массивном, во весь рост, трюмо, пока не убедилась, что все в порядке.

Фрау Раабе смотрела на сборы с понимающей улыбкой: молодые быстрее приспосабливаются к новым обстоятельствам. А может, она видела себя семнадцатилетней?

— Раненым положено носить передачи — соки и фрукты, — вспоминая свою молодость, произнесла фрау Раабе. — Но у нас ничего этого нет.

— Надеюсь, капитан мне простит, что я не смогла приобрести для него апельсины из Африки, — грустно откликнулась Ирма.

Фрау Раабе, как ей думалось, иронично и тонко пошутила:

— Впрочем, победители всегда предпочитали другие призы.

Она окинула быстрым взглядом дочь. Что же, вполне... Девочке не откажешь в понимании обстановки: одета скромно, с достоинством, похожа на взрослеющую школьницу, собирающуюся в гости к строгим родственникам. Кажется, за дочь можно не волноваться.

— Мама! — Ирма поняла намек и отвернулась, чтобы фрау Раабе не заметила ее смущение.

Она уже несколько дней убеждала себя в том, что это очень невежливо — не проведать раненого капитана после всего, что им довелось пережить вместе. Соков действительно во всем Берлине нет. Но у них в садике — прекрасные розы, а господин капитан в мирное время был учителем, он рассказывал о себе, интеллигентный человек, цветы ему будут приятны.

Ирма с мамой и Вилли были в подвале, когда началось наступление русских. Поднялась артиллерийская стрельба, казалось, еще немного — и вся земля рухнет в бездну. И каждый снаряд летел в их дом, это просто чудо, что они уцелели. Правда, мама весьма здраво рассудила:

— Русские, наверное, знают, что в нашем доме находится раненый капитан и стараются в него не попасть.

Вилли иронически хмыкнул, а Ирма была убеждена, что так и есть, не будут же они стрелять по своему офицеру, особенно учитывая, сколько у него наград.

На удивление, мама спокойно отнеслась к налету, даже вдруг ударилась в воспоминания: — Это напоминает первую мировую войну, когда я служила сестрой милосердия. Правда, тогда было полегче.

Снаряды били землю, как показалось Ирме, очень долго. И Вилли сказал:

— После такой артподготовки они могут в атаку идти во весь рост.

Он выругался.

— Ты чего?

— Извини, Ирма. Нас еще в сорок втором убеждали, что русские выдохлись, их живая сила, техника и промышленность полностью уничтожены.

— Невозможно поверить, — русские в Берлине! Что-то с нами будет? — Фрау Раабе с печалью уставилась в пространство, взгляд у нее был отрешенный, словно всматривалась в недалекое прошлое, может быть, даже в тот день, когда отец благословил ее на брак с молодым нацистом, сказав при этом: «Завтра хозяевами жизни будут они...» Старый генерал вскоре умер, почти ничего не оставив дочери, кроме возможности при случае сказать: «Мой отец — генерал Лемперт...» Со временем она стала произносить более «современное»: «Мой муж, фон Раабе, вы знаете, конечно, — из СС»... Собеседники, узнав, кто ее муж, делали многозначительные лица — как же, любимец рейхсфюрера. Отец быстрое движение зятя от звания к званию про себя комменти-

ровал весьма выразительно: шулера, случается, крупно выигрывают, но кончают одинаково.

Мрачной темной птицей сидела фрау Раабе в кресле, которое Вилли приволок для нее в подвал. Сердце болело при мысли, что ее дом, семейное гнездо сгорит, рухнет, превратится в пепел. Еще она думала о том, что вот и наступил конец света. Берлин будет уничтожен, а красные перебьют всех его жителей,— так предрекал доктор Геббельс, выступая недавно по радио. Еще там, наверху, она хотела спросить раненого капитана, которого приволокли Ирма и колченогий Вилли, арестуют ли ее русские за то, что она жена полковника СС, но не решилась.

Артиллерийский налет закончился внезапно, словно кто-то властно, одним взмахом руки, резко, на самой высокой ноте, оборвал этот грохот.

— Сейчас пойдут в атаку,— пробормотал Вилли. Он все слушал и слушал грозную музыку боя, пытаясь определить, что же там происходит, на земле, от которой были они отделены метровым настилом подвала. Шли последние часы фашистского Берлина, это он понимал, и если такой ураган обрушился на дальний пригород, что же творится там, в центре, у рейхстага и рейхсканцелярии? Что будет с городом, что будет со страной, когда окончательно рухнут последние фашистские бастионы?

Вспомнился Донец, блиндаж, он, раненый и неподвижный... Вошел лейтенант, приказал солдатам: «Отставить! Мы пленных не убиваем». Найдется ли кто-то, достаточно могущественный, чтобы приказать не убивать Германию?

Вилли был совсем мальчишкой, когда захватили власть Гитлер и его коричневая свора. Он помнил все: и парады штурмовиков, и кровавые расправы над коммунистами, и облавы на евреев, и костры из книг. Он помнил, как товарищи принесли домой забитого насмерть сапогами штурмовиков отца.

А потом были истошные вопли фюрера о жизненном пространстве, вой его псарни о сильной, великой Германии: «Один народ, одна страна, один фюрер». И медь оркестра, когда отправляли его на Восток отвоевывать «жизненное пространство». Где бы он ни был в России — везде видел одно: огромное, без конца и края, пепелище.

Вдруг коттедж затрясло от пулеметных и автомат-

ных очередей. Стреляли с первого этажа, и со второго, и с чердака. Совсем рядом раздались взрывы ручных гранат. Очереди были длинными — так бьют по скоплению солдат, с близкого расстояния. Вилли представил, что там происходит: гитлеровские солдаты, не выдержав удара атакующих, побежали, и их встретил огнем Адабаш со своими разведчиками. Не приведи господи напориться на такую засаду.

— Какой ужас! — простонала фрау Раабе. — Мы все погибнем в этом аду!

— Ад сейчас там! — Вилли указал пальцем на потолок.

Бой был короткий, он волной перекатился за коттедж в улочки, чтобы унести дальше, туда, где решался исход всего гигантского сражения. Послышался гул мощных моторов, мелко дрогнула земля.

— Танки, — сказал Вилли женщинам. — Их танки. Сейчас все кончится.

— Господи! — страстно выговорила Ирма. — Пощади нашего капитана, он ранен и еще так молод!

Пулеметные очереди вновь потрясли коттедж, чуть глуше стучали автоматы, — все сливалось в единый, немолчный шум боя. Вилли, вслушиваясь, отличил и торопливый, захлебывающийся лай немецких автоматов. Очевидно, на дом обрушилась вторая волна отступающих немецких солдат. Его маленький гарнизон во главе с раненым капитаном сражался яростно и, насколько мог судить бывший фельдфебель, весьма умело.

— Да, покосят они бегущих, — мрачно сказал он. И, чтобы успокоить немного Ирму, прикрикнул: — Перестань дрожать! Этот капитан — старый фронтовик, с такими в бою лучше не встречаться, их огонь не берет. Дойдет твоя молитва до господа бога.

Когда наступила тишина, они не поверили ей. Сидели долго молча, не решаясь даже словом, шепотом ее нарушить. Глухо стукнул засов, открылся люк, и в его проеме показался сержант Орлик.

— Целы, граждане? — деловито спросил он.

Ирма бросилась к нему, схватила за руку:

— Выпустите меня отсюда, я больше не могу!

Сержант не понял, но догадался: девушка просит, чтобы ей позволили выйти из этого темного склепа.

— Фельдфебель! — позвал Орлик.

— Я здесь! — четко ответил Вилли.

— Выводите женщин!

Когда они вышли из подвала, фрау Раабе тихо ахнула и без сил опустилась на ступеньки лестницы: все в доме было переколочено автоматными очередями, окна выбиты, стены выщерблены осколками и пулями, мебель, ее дорогая мебель, которую она с таким вкусом подбирала для своего гнездышка, превратилась в груду щепок.

— Бог мой,— только и произнесла она.

— Мама...— тронула ее за локоть Ирма,— посмотри...

Из коттеджа на шинелях выносили двоих из тех, что пришли вместе с сержантом. Автоматы их нес солдат — тем, что неподвижно лежали на шинелях, они были больше не нужны.

— Погибли хлопцы,— глухо произнес Орлик.— Дошли до Берлина и погибли. Понятно вам это, граждане немцы?

Сержант снял пилотку и стоял с непокрытой головой, пока не унесли его товарищей.

— А капитан? — дрогнувшим голосом спросила Ирма.— Капитан?

Орлик догадался, о ком она тревожится, ответил:

— Жив капитан.

Ирма бросилась на второй этаж, торопливо взлетела по лесенке. Адабаш был у самого окна, разведчики поставили его кровать так, что перед ним открывался хороший сектор обзора. Автомат лежал на подоконнике, на полу еще источали тепло стреляные гильзы.

— Извини,— слабо улыбнулся он Ирме,— кажется, мы кое-что сломали в твоей комнате.

— Какое счастье, что ты жив! — вырвалось у девушки. Она выглянула в окно: по всей улице лежали ничком, запрокинув руки, лицом в асфальт или глазами в небо, согнутые невыносимой последней болью убитые. Это были те солдаты, которые пытались пройти здесь или взять приступом ее дом.

— Вот такая штука паршивая война, девочка,— болезненная гримаса исказила лицо капитана.

Ирма опустилась на пол у кровати Адабаша и расплакалась. Капитан гладил ее по голове, быстро произносил какие-то слова, мешая русский с немецким, она совсем-совсем его не понимала, но от его мягкого голоса, от ласковых прикосновений ладоней ей стало легче. Ничего теперь не хотелось говорить, сидеть бы так долго-долго, не думая ни о прошлом, ни о будущем, лишь верить, что война ушла отсюда навсегда.

Но вот с шумом ввалились Орлик и санитары, все сразу кончилось. Хрустело битое стекло под сапогами солдат, мама жалобно смотрела на окровавленные простыни и пуховики, на выбитые окна, изломанную мебель. Пуля попала в портрет фон Раабе, продырявила его и сшибла на пол.

Адабаша уносили, Ирма шла рядом с носилками, санитары, усталые, видевшие сегодня столько смертей, недобро косились на нее. Капитан был очень бледным, потерял много крови, она пропитала бинты — свежая, алая. Орлик положил гимнастерку Адабаша на одеяло, автомат взял один из санитаров.

— Спасибо, фельдфебель, за помощь, — сказал Адабаш Вилли. — Давай руку, парень. Найди меня в медсанбате, поговорим. Свой долг ты, кажется, отдал.

К удивлению санитаров, он пожал руку немцу, попрощался с фрау Раабе, коротко бросил Ирме:

— Приходи проведать, Орлик скажет, куда меня определяют. Сержант... Наведите здесь... порядок, — попросил капитан.

На следующий день Орлик пришел со своими разведчиками.

— Хозяйка, — позвал он фрау Раабе, — покажи, что надо сделать.

Фрау Раабе не поняла его, испуганно и жалко улыбнулась, ей подумалось, что русские пришли свести счеты за ее мужа-эсэсовца.

— А-а, — махнул рукой Орлик, — что с нее сейчас спрашивать, немчура, одним словом...

Он снял гимнастерку, аккуратно сложил ее, другие солдаты тоже с явным удовольствием разделись до пояса. В кладовке Орлик отыскал метлу. Ирма первая поняла, что они намерены делать, и жестами показала, где хранятся лопаты, носилки и другой инвентарь, которым они поддерживали порядок во дворе.

Пришел Вилли, он лучше женщин знал, что надо солдатам и Орлику, извлек из кладовки стекло, инструменты, и сержант очень ловко застеклил окна.

Фрау Раабе молча наблюдала, как солдаты приводят в порядок ее дом, и вдруг опустилась в кресло, совсем по-старушечьи сложила руки на коленях, расплакалась. Странно и непонятно было то, что русские солдаты, которых доктор Геббельс называл зверями, варварами, людоедами, насильниками, пришли в ее дом, чтобы не грабить и жечь, а убрать все то, что нагородила в

нем война. Вот и Ирма... Суетится вместе с русскими, смеется и, кажется, чувствует себя среди них очень хорошо.

Вилли предупредил фрау Раабе, чтобы не вздумала давать марки — русские обидятся, и посоветовал: — Приготовьте им чай.

Ирма накрыла на стол, пригласила Орлика и солдат, сержант жестом показал — садитесь с нами. Чай пили совсем по-домашнему, солдаты оживленно что-то обсуждали свое.

— О чем они говорят, Вилли? — Фрау Раабе теребила бывшего фельдфебеля. — Ведь вы же были в России, хоть какие-то слова запомнили?

— Они говорят о том, что скоро демобилизуются, поедут домой, войну называют проклятой.

Вилли внезапно помрачнел.

— Что такое, Вилли?

— Вон тот, молодой, говорит, что ему некуда ехать, немцы, то есть мы, сожгли все его село, а всех родных расстреляли.

— Бог мой... — растерялась фрау Раабе. — Что же нам делать?

— Ничего уже не поправишь, — печально ответил ей Вилли.

Ирма хозяйничала на этом чаепитии. Она старалась изо всех сил, ей очень хотелось быть доброй и приветливой не только потому, что солдаты пришли помочь им, женщинам, и оказались сейчас, когда не гремел бой, добродушными людьми. Она видела в них частицу того мира, к которому принадлежал молодой, отчаянный капитан, так внезапно, со свинцом и кровью, ворвавшийся в ее жизнь. В старые времена часто говорили: породнились кровью... Геббельс тоже много кричал о крови предков, но эти фразы не трогали душу, они были непонятными и пугающими. А теперь она увидела, что это значит: человек исходит кровью, и кровь все вокруг окрашивает в цвет смерти, хотя струится алым тоненькими ручейками.

— Капитан... Где капитан? — робко спросила Ирма Орлика.

Он понял.

— В госпитале Адабаш.

— А-да-баш? — удивилась Ирма.

— Это фамилия такая у господина капитана, — объяснил Вилли.

— Как мне его найти? — спросила Ирма. И, увидев, что Орлик не понимает ее, она все повторяла и повторяла, взволнованно и возбужденно, эти слова, пока сержант не догадался, о чем его спрашивают. Он взял листок бумаги, карандаш, нарисовал простенькую схему улиц, в одном углу ее изобразил домик, в другом — большое здание с крестом, наподобие тех, что рисуют на машинах «скорой помощи». Домик и здание сержант соединил пунктирной линией.

Ирма радостно схватила листок, присела перед сержантом в низком книксене, чем немало его смутила.

...И вот теперь военный врач, строгая женщина в погонах и с орденами, распорядилась:

— Пропустите ее.

Ирма стояла перед нею, низко опустив голову, она боялась, что ее прогонят отсюда, ей и так пришлось объясняться с патрулями, которые часто останавливали ее, когда шла, точно следуя пунктирной линии, нарисованной для нее сержантом Орликом. На счастье ей встретился офицер, хорошо говоривший по-немецки, она ему объяснила, кто она такая и куда идет, офицер все понял и приказал одному из солдат сопровождать ее. Так она и пришла к госпиталю — с букетом роз и почти под конвоем.

Подошла медсестра, грубовато проговорила:

— Идем, немка.

В ее словах, в жестах, во всем облике явно чувствовалась неприязнь. Впрочем, медсестра и не пыталась ее скрывать.

Госпиталь разместили в уцелевшем особняке, принадлежавшем одному из магнатов нацистской военной промышленности.

Ирма стояла перед широкой лестницей, ведущей к парадному входу. Потом она поднялась на первую ступеньку... на вторую... Каждый шаг давался ей трудно, словно она пыталась взойти на высокую-высокую гору, где обитала неизвестность.

«Мой капитан! Спешу поделиться с тобой большой радостью — по нашим улицам прошел первый трамвай. Это было удивительное зрелище — все жители приветствовали его аплодисментами. Город будто снова встает из пепла, хотя вокруг, стоит отойти от нашей тихой улочки, — мрачно чернеют руины, и пепел на камнях

ещё теплый. Иногда мне кажется, что я попала на другую планету, поверженную в прах и небытие. И вижу марсианские пейзажи, мрачные, в багряном тумане. Поздними вечерами сижу у окна и придумываю: было здесь королевство злых колдунов, вот там стоял замок главного колдуна, руины пониже — дворцы его сановников, вот то обугленное здание из гранита — место пыток... Потом налетел ураган, разверзлись небеса, громы и молнии испепелили мрачное, злобное королевство. А может, это совсем не сказка?

У нас большое событие. Приехал на «джипе» советский офицер, велел мне и маме быстро собраться. Мама решила, что нас отправляют в тюрьму или какой-нибудь лагерь, бросилась что-то заталкивать в чемодан для дороги. «Не волнуйтесь, фрау,— вежливо сказал офицер.— Вас приглашают на прием к генералу». Он назвал какую-то фамилию, я не запомнила. Нас привезли в здание, где разместилось ваше командование. Там уже был Вилли. Очень вежливо попросили подождать в большой красивой комнате. Потом из боковой двери вышел ваш генерал, пожилой такой и совсем не грозный. Ты б видел, как вскочил и вытянулся перед ним Вилли! С генералом были другие офицеры, переводчик и несколько немцев в штатском. Генерал произнес речь. Он благодарил меня, маму и Вилли за то, что мы помогли раненому советскому офицеру, выполнили свой человеческий долг и долг перед будущим Германии. Он так и сказал: «перед будущим Германии».

Маму все это ошеломило, ты же, наверное, заметил, что звания и чины внушают ей священный трепет. А тут ее благодарил лично генерал! Она немедленно придумала целую легенду о том, что этот генерал — из старинной аристократической семьи, которая в давние времена была связана родством со знатными немецкими семьями. Я не стала ее разубеждать: пусть в ее памяти рядом с воспоминаниями о зле и ненависти нашего недавнего прошлого будут и светлые тона.

Нам вручили благодарственное письмо вашего командования. Вилли то ли в шутку, то ли всерьез сказал, что этот лист бумаги сейчас — ценнее любой охранной грамоты. С ним долго беседовал один из немцев в штатском, которые были на этой встрече. На Вилли этот разговор произвел большое впечатление. Он теперь очень изменился. Почти каждый вечер приходит на чай, обычно сидит тихий и ушедший в свои мысли, иногда

произносит вслух: «Пришло время решений...», «надо выбирать...» Я понимаю, о чем он думает, и сказала ему: «Тебе проще, чем мне. Твой отец одобрил бы твое решение».

Вилли, этот насмешник, по своему обыкновению, ответил мне грубостью: «Немецких девушек всегда отличал практицизм и отсутствие сомнений».

Он не прав, мой дорогой капитан, сомнения измучили меня, они со мною теперь постоянно. Встреча с тобой — случайность, она могла не случиться, мы оба могли тогда десять, сто раз погибнуть, более того, сейчас, когда все прошло, я понимаю, что какой-нибудь бешеный эсэсовец мог повесить нас на одном дереве.

Но есть еще прошлое. Как уйти от него, забыть, вырвать эти страницы из книги памяти? И только тебе, моему странствующему рыцарю, я могу открыться. В эти дни вокруг меня иные охотно и громогласно отрекаются от того, что прославляли совсем недавно, убеждают себя и других, что всегда ненавидели фашистов и не верили им. Но ведь это ложь! Героев было немного, их загнали в лагеря, убивали и душили газами. А многие... Ты думаешь, я не верила? Увы, и верила, и сама кричала: «Зиг хайль». Что же случилось теперь со мной?

Сегодня рано утром я нашла на двери нашего коттеджа записку, припиленную обломком эсэсовского кинжала (знаешь эти мясницкие ножи со словами «С нами бог?»). Еще не прочитав ее, я уже догадалась, что в ней написано. Дело в том, что совсем недавно я на улице столкнулась с одним человеком, который показался мне знакомым. Он очень походил на ординарца моего отца. Я его даже окликнула: «Фриц, это вы?» Но он резко повернулся и зашагал прочь. Я подумала, что обозналась: Фрица я видела в солдатской форме, а этот тип был в каком-то заношенном пальто и мятой шляпе.

Теперь же уверена — это был ординарец полковника (видишь, я не хочу писать — отца), и он вертелся вокруг нашего дома.

Я сняла записку. В ней было написано вот что: «Германия не прощает измены». Мне очень страшно, мой капитан.

Твоя Ирма.

«Германия не прощает измены», — они начали угрожать Ирме сразу же, как только им стало известно о том, что она укрыла в своем доме советского капитана.

Позже, когда поиск Алексея уже близился к завершению и ему удалось установить многие факты и подробности, он узнал, как это произошло: о благородном поступке Ирмы фон Раабе и бывшего фельдфебеля вермахта Вилли Биманна рассказали газеты, которые стали выходить в Берлине сразу же после изгнания фашистов. Сложное было время, и конечно же, в те дни еще не вся гитлеровская нечисть была выметена из щелей и закоулков, в которые забились, укрылась, надеясь: вдруг начнется конфликт между союзниками по антигитлеровской коалиции.

Алексей перечитал письмо Ирмы Раабе, бережно положил его в стопку других писем. Он представил разрушенный Берлин, уцелевшие среди руин аккуратные домики, у окна одного из них белокурая девушка пишет письмо, не зная, найдет ли оно адресата. Не только Берлин — половина мира лежала тогда в развалинах, еще не исчезли и долго еще не исчезнут отсветы вражды, непримиримо разделившей страны, народы и миллионы людей.

И еще не был поставлен памятник в честь славного рода Адабашей, расстрелянного карателями. Как не поднялись еще обелиски на тысячах и тысячах братских могил в разных странах Европы. И ненависть еще не растворилась в новых заботах, она жила не в воспоминаниях много перенесших людей, а словно бы шла вместе с ними из войны в мирную жизнь.

А эта немецкая девушка пишет о любви. Может быть, она одной из самых первых сделала шаг через пропасть, разделившую миллионы на два враждебных лагеря? Почему именно она? В жизни много необъяснимого, и человек часто оказывается в ситуациях, которые трудно предвидеть.

Вот и у него с Герой... Окончательно завершив все дела в университете, Алексей перед выездом в Таврииск послал Гере телеграмму: приезжаю... поезд номер... вагон номер... Думал, она обрадуется, а Гера даже не пришла встретить. Он потом ей позвонил, разговор был суховатым и коротким: «Приехал? Будешь теперь постоянно в нашем милом городке? Очень рада, позвони как-нибудь...»

— Может, все-таки встретимся? — спросил Алексей.

— Когда мне плохо, я предпочитаю одиночество, — резко ответила Гера. — Позвони как-нибудь, — повторила она.

Алексей долго не звонил ей. И обиделся, и дни шли напряженные, надо было знакомиться со своими служебными обязанностями, с сослуживцами, словом, делать то, что майор Устиян определял кратко: «подняться на крыло».

Был у него и такой вечер, когда пришла неожиданная в потоке событий этого года мысль: а за свое ли дело взялся? Он весь день листал тома одного из уже закрытых дел: показания свидетелей, протоколы допросов, акты экспертиз. И вставала страшная картина бездны, в которую скатился тот, кто именовал себя человеком, а оказался палачом. Алексея захлестнула волна ненависти, он не в состоянии был дальше читать, как убивали и истязали: «Вспоминаю, как однажды, это было летом, мы застрелили беременную женщину. Случай этот запомнился потому, что женщина закрывала руками живот и эсэсовцы хохотали...»

Алексей долго бродил в тот вечер по улицам города и решил, что утром попросит — пусть его уволят из органов.

Майор Устиян выслушал его с сочувствием, сказал:

— Это хорошо, что сомневаетесь. А то иные, приткие, и не ведают, что это такое — сомнения в себе. — И неожиданно жестко проговорил: — Вы свободны, лейтенант. Можете идти...

Алексей не понял, что означает это «вы свободны», то ли его отпустил майор из своего кабинета, то ли удовлетворил его просьбу об увольнении. Он возвратился к себе, снова открыл Дело, читал его все с той же тяжелой ненавистью к палачам. На последнем листе он прочитал, что палач осужден к исключительной мере наказания, приговор приведен в исполнение.

Вот так и шли у Алексея эти изначальные в его ра-

боте дни — в сомнениях и раздумьях. В первый же свободный вечер он забежал к Олегу Морозу. У того в делах был порядок, он по-прежнему собирал материалы по НЛО и на работе преуспевал — получил патент на какое-то изобретение. Алексей познакомился с его женой, вполне симпатичной девушкой. Олег сообщил последнюю информацию о любимых своих неопознанных объектах, которую, как он сказал, чуть доверительно понизив голос, получил из первых рук. Что это за «руки», уточнять не стал.

О своей работе Алексей сказал ему кратко:

— Буду заниматься розыском бывших военных преступников.

— Неужели таковые сохранились? — изумился Олег. — Я думал, их давным-давно вывели под корень.

— К сожалению, нет.

— Но ведь столько лет прошло! Кому они сейчас нужны, эти гнилые пни? Сами перемрут...

«Ну вот,— подумал Алексей,— у Олега такие же настроения, как, к сожалению, у многих: мол, зачем тратить силы и энергию на экс-палачей, сами втихомолку передохнут в своих берлогах, они ведь как одряхлевшие змеи, еще шевелятся, но ужалить уже не могут. А то, что зло, такое страшное и опасное, не может оставаться безнаказанным — это, мол, уже из области теории, благих пожеланий».

— Слушай,— неожиданно для себя рассердился Алексей, его очень задело какое-то несерьезное представление Олега о том, чему он посвящает если не жизнь, то, во всяком случае, ближайшие годы. — Слушай, я проведу сейчас очень жестокую параллель, ты не обижайся, ладно?

— Валяй,— добродушно согласился Олег. Его жена Тая с интересом прислушивалась к разговору.

— Представь себе, у тебя и Таи родится сын..

— А чего представлять? — заулыбался Олег. — Скоро у нас появится маленький Олежек...

Алексей заметил уже, что Тая по квартире ходит хотя и легко, но вразвалочку и все тянется к соленому на столе. Он заколебался, но решил все-таки довести до конца свои параллели.

— Родился у вас сын, вы его растите, любите...

— Ох, как будем любить! — подтвердил Олег.

Алексей закончил свою мысль резко и жестко:

— И вот находится подлец, который лишает его

жизни... Вы бы его простили даже через много-много лет? Забыли бы это? Или жили уверенностью, что закон, общество покарают негодяя?

— Ты что? — опешил Олег.

— Алеша, вы... вы... — Тая как-то сникла, сжалась при одной только мысли, что такое может произойти.

— Что я? — продолжал Алексей. — Конечно же, я от всего сердца желаю, чтобы ничего подобного не произошло ни с вами, ни с кем-либо другим. Но одних пожеланий в таком деле мало.

В комнате долго стояла тишина. Тая, хлопотавшая с чаем, пока говорил Алексей, опустилась на краешек стула да так и осталась сидеть — тихая, погрустневшая. Олег машинально поглаживал переплет сборника работ об НЛО, который перед этим показывал Алексею.

— Я как-то не подумал о твоей работе в таком плане, — проговорил он. — Нет-нет, конечно же, не ставил под сомнение ее необходимость. Однако казалось, что она не касается лично меня, моей семьи, — из другого мира, в котором обитают всякие «бывшие»: военные преступники, эсэсовцы, коричневые идолы и тому подобная нечисть.

— Военные преступники не могут быть «бывшими», — поправил его Алексей. — Я, по аналогии с твоими НЛО, которые ты пытаешься установить, свои «объекты» иногда называю тоже сокращенно — НПО: Неопознанные преступные объекты. И если твои НЛО могут быть, могут не быть, то мои должны устанавливаться с абсолютной точностью.

Они еще недолго поговорили тогда, разговор не очень складывался, главное было сказано.

— Приезжай с Герой, — прощаясь, пригласил Олег.

— Обязательно, — пообещал Алексей. Говорить, что не виделся с Герой, не стал.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Алексей почти избавился от той робости, с которой впервые вошел в старинный особняк на тенистой тихой улице. Но чем бы он ни занимался, какие бы поручения ни выполнял, он не забывал о наказе дяди Егора — хоть на краю света отыскать палачей рода Адабашей. А все его усилия пока ни к чему существенному не привели. Не удавалось нащупать хотя бы ниточку, ухватившись за которую, можно было бы увереннее вести поиск. Да и сложно все оказалось: ни свидетелей, ни каких-либо следов преступления.

Алексей в местном архиве изучил документы о партизанском движении в крае. Он читал воспоминания партизан и подпольщиков, донесения командиров партизанских групп, чудом уцелевший архив отряда «Мститель» — он читал все это, и героические деяния людей открывались ему.

Майор Устиян подсказывал, советовал, на что ему следует обратить внимание в первую очередь. Алексей поражался памяти майора — тот помнил мельчайшие подробности давно миновавших событий.

В одном из сборников документов, изданных областным архивом вскоре после войны, был опубликован Акт Чрезвычайной комиссии по установлению зверств немецко-фашистских оккупантов на территории области. В этом документе назывались населенные пункты, города, районы, и против каждого из них стояли три цифры: сколько всего там было замучено и расстреляно людей, в том числе мирных жителей и военнопленных. С трепетом отыскал он: «Адабаши — 176 человек». Под графой «военнопленные» здесь стояла черточка — прочерк. Да, так оно и было — только женщины, старики, дети легли в противотанковый ров, который вырыли своими руками, чтобы остановить чужеземное нашествие. Захватчики нелегко, но перешагнули через ров, их не остановили на этом рубеже, однако на других таких же рубежах их снова встречали огнем и мужеством. Пришел час, и их погнали обратно.

В воспоминаниях свидетелей зверств оккупантов, написанных сразу после освобождения области, по горячим следам, часто упоминался начальник особой зондеркоманды «Восток» майор Гайер. Однако в трофейных документах Алексей не нашел ни одного упоминания о дислокации на территории области во время оккупации такой зондеркоманды. Не удалось ничего обнаружить и о Гайере — словно бы его и не существовало, призрак да и только. Оставалось только предположить, что каратели сами себя называли командой «Восток», а официально у нее, очевидно, был номер, как и у других таких же «команд».

«Гайер» переводится с немецкого как «Коршун», удобно для клички. Возможно, и уцелевшие жертвы расправ, и бывшие полицейские принимали за фамилию именно кличку? Откуда было им знать фамилию эсэсовца довольно высокого ранга? Были разночтения и в звании палача. Одни его запомнили майором, другие

утверждали, что он — подполковник. Или Гайер-Коршун делал быструю карьеру, или речь шла о разных лицах... В любом случае он тщательно заметал свои следы. Мешали и чисто временные обстоятельства: с тех дней прошло уже четыре десятилетия. Годы отделили прошлое плотной, почти непроницаемой завесой. Временами Алексею казалось, что пройти сквозь нее невозможно.

В беседе с Туршатовым Алексей упомянул о письме Ганса Каплера. Когда к ним в университет приехала студенческая делегация из Мюнхена, Ганс сразу понравился Алексею. Он был своим парнем, его энергия и глубочайшая убежденность, что надо всем лечь на рельсы, чтобы остановить «ядерный экспресс», как он именовал гонку вооружений, вызвали глубокую симпатию. Он много рассказывал об антивоенных маршах молодежи, а на виске у него белел тоненький шрам — след кастета неонациста.

Алексей и Ганс много разговаривали о жизни, о тех проблемах, которые волновали их обоих. Конечно, зашел разговор и о судьбе рода Адабашей, о письмах Ирмы Раабе Егору, о том, что Алексей пытается найти следы карателей. Он рассказывал все это и вдруг прикусил язык: «Ганс — немец, зачем же я ему говорю о том, что, наверное, вызывает раздражение? Он ведь наш гость».

— Ладно, Алекс! — хлопнул его по плечу Ганс. — Не смущайся, выкладывай дальше. Я и не такое слышал о паскудстве этих проклятых наци. Первое время мне было даже стыдно за то, что я немец, но теперь я вспоминаю вашу пословицу: в каждой семье случаются выродки.

— Немного не так.

— Я знаю, как правильно сказать, но мне так больше подходит.

Ганс оказался из тех людей, которые были убеждены, что никакие десятилетия, самые длинные сроки не должны изгладить из памяти человечества преступления фашизма.

— Скажи, Алекс, чем могу тебе помочь? — спросил он после того, как Алексей закончил свой рассказ.

— Понимаешь, у меня две цели, — горячо втолковывал Алексей, — разыскать этих карателей и выяснить судьбу Ирмы Раабе.

— Первую цель я понимаю, — размышлял вслух

Ганс,— я бы тоже такое никогда и никому не простил. Но зачем тебе эта Ирма?

«Как ему это объяснить лучше, попонятнее?»— прикидывал Алексей. Надо обязательно сказать о том, что большая любовь — это факел, искры которого не должны погаснуть, даже если столько лет прошло. Нет, так ему ничего не объяснишь, Ганс — рационалист, ему надо говорить о том, что произрастает на земле, а не о таких «отвлеченных» материях, как любовь.

— В последнем письме моего дяди есть просьба: если с ним что случится, сообщить об этом Ирме Раабе,— Алексей был уверен, что это Ганс поймет. Он тихо добавил:— Дядя Егор написал это письмо как-то странно, не так как всегда. Наверное, чувствовал, что предстоящий бой может быть для него последним. Ведь говорят же, что опытные солдаты многое предугадывают. Мама рассказывала, как однажды в партизанском отряде дядя весь вечер точил финку. Его спросили: «Зачем?» Он ответил: «Не знаю, но так надо». Ночью этот нож спас ему жизнь,— Алексей вдруг вспомнил, кому он это рассказывает, и покраснел. Но тут же заговорил снова:— Так и получилось — тот бой действительно стал для него последним.

Ганс удивился:

— Какой бой? Ведь война к тому времени закончилась, твой дядя уехал из Германии...

— Все так, дорогой Ганс, но дядя Егор попал на новый фронт. Он погиб, когда громили Квантунскую группировку самураев.

— Не повезло парню,— покачал головой Ганс,— такую войну прошагать, дойти до ее конца и сложить голову, когда самое тяжелое оставалось уже позади. А разве твоя мать не написала Ирме Раабе о его смерти? Она должна была это сделать, насколько я понимаю, она отнеслась с уважением к любви Ирмы и Егора, хотя в те годы это было далеко не просто.

Прав Ганс, словами ничего не объяснить... Встреча капитана и Ирмы еще не состоялась, ее нельзя еще было даже предположить, а между ними уже лежала пропасть, перешагнуть через которую, казалось, невозможно ни сразу, ни даже в отдаленном будущем.

...Шли Адабаши по полевой дороге к своей смерти, гнали их прикладами, сухими выстрелами по отставшим, плетями, в которые вшиты были свинцовые пули — удар рассекал тело до костей. И, кажется, никог-

да не закончится скорбный ход большого рода — преодолению они противотанковый ров и пойдут дальше — в будущее, в горячую и неисчерпаемую память человеческую.

Наверное, читал Ганс о чем-нибудь схожем, однако не его деды и прадеды шли навстречу своей смерти, гонимые чужеземными пришельцами.

Алексей погасил вспыхнувшую искоркой неприязнь — при чем здесь Ганс? — и объяснил:

— В сентябре маме пришла похоронка на дядю Егора. Похоронка — это такое официальное извещение из воинской части о смерти. «Ваш брат, майор Адабаш Егор Иванович, пал смертью храбрых в боях за честь, свободу и независимость нашей Родины. Похоронен в братской могиле...» Вскоре однополчанин дяди Егора привез его личные вещи. Мама написала Ирме о гибели своего брата и отправила письмо в Берлин. Но письмо возвратилось обратно.

— Что значит возвратилось? На нем были какие-то пометки?

— Нет, — Алексей ясно помнил это письмо, оно тоже сохранилось. — Его вложили в другой конверт нераскрытым. Адрес мамы был выписан очень четко, печатными буквами, обратный адрес не обозначен. Вообще в этой переписке довольно много странностей.

— Каких? — Ганс с неподдельным интересом слушал Алексея.

— К примеру, Ирма получила от Егора Ивановича всего два письма, оба из госпиталя, в котором он лечился, а сама написала ему два десятка. Не таким человеком был Егор Иванович, чтобы не отвечать девушке, которая спасла ему жизнь. Если бы по каким-то причинам он не желал этой переписки, то, не сомневаюсь, прямо бы об этом ей написал. Но ведь, судя по всему, было иначе! Во втором письме дядя Егор предупреждал, что скоро выпишется из госпиталя, где дальше будет проходить его служба, пока неизвестно, поэтому Ирме придется писать на адрес его сестры Ганны. То есть дядя знал, что ему еще предстоит воевать. Почему Ирма получила всего два письма, хотя сама писала ему часто?

— Вопрос, — протянул Ганс.

— Еще какой! В одном из ее писем есть такие слова: «Я тебе, мой капитан, пишу бесконечно, а ты молчишь. Я уверена, ты получаешь мои письма, иначе они возвратились бы ко мне». Можно, конечно, что-то спи-

сать на сложности первого послевоенного лета, когда многое еще в жизни и быте людей не было налажено, однако письма от Ирмы ведь приходили. Какая-то односторонняя связь получается!

Ганс слушал Алексея очень внимательно, история любви немецкой девушки и советского капитана взволновала его. Впоследствии он рассказал Алексею о том, сколько клеветы, какие горы лжи наворотили последние Геббельса вокруг отношений советских солдат и офицеров с немецким населением в месяцы после Победы. Придумывалась одна история страшнее другой, фабриковались «свидетельства», сочинялись «показания очевидцев» и исповеди «пострадавших»

Все это рассчитано на то, чтобы не дать утихнуть той боли, причиной которой была война. И не только прошлое пытаются забросать грязью — метят в настоящее и будущее.

Кто знает, что на самом деле послужило причиной возникновения «мертвой зоны» в тех отношениях, которые родились под последние залпы войны между Адабашем и Ирмой? Не продолжает ли эта «зона» существовать в каких-то вариантах и сегодня?

Ганс проговорил:

— Рассуждая логично, Алекс, произошло следующее: письма твоего дяди к Ирме кто-то перехватывал и отсылал обратно, словно бы она сама отказывалась их получать. Вот только неясно, как в таком случае два письма могли попасть к этой девушке.

— Это как раз понятно. Она могла сама встретиться с почтальоном или первой открыть почтовый ящик.

— Тоже правильно.

— Вот еще какая деталь. Дядя Егор, очевидно, рассказывал Ирме о трагедии села Адабаши, она в своих письмах несколько раз упоминает об этом. Конечно же, рассказывал... Ирма в одном из писем написала так — цитирую по памяти, но уверен, точно: «Дорогой мой капитан, я, кажется, знаю, кто виновен в гибели твоих родственников. Когда исчезнут последние сомнения, я сообщу тебе...»

— Я бы на твоём месте попытался выяснить все до конца, — заявил Ганс, — Ирма фон Раабе, наверное, сейчас уже в летах. Думаю, у нее теперь другая фамилия. Любовь проходит, жизнь берет свое. Если только...

— Уверен, она жива, — перебил Алексей. — И я не хочу, не могу допустить, чтобы она считала, что дядя

Егор, впрочем, какой он тогда был «дядя», что капитан Адабаш забыл ее и потому перестал писать.

— Я попытаюсь помочь тебе,— решил Ганс.— Дай мне старый адрес Ирмы Раабе, постараюсь разыскать этот коттедж и его обитателей. Если что получится, напишу. А вообще-то, парень, ты мне очень по душе, я тебя приглашаю, приезжай ко мне в Мюнхен.

— Если выдастся случай,— поблагодарил Алексей. Вскоре Ганс уехал.

Вначале Алексей с нетерпением ожидал от него вестей, но дни шли, писем не было, он решил, что Ганс забыл о своем обещании или не смог выполнить его. И когда уже все сроки миновали, Ганс откликнулся. Это случилось в дни, когда Алексей возвратился из туристской поездки. После поцелуев и дотошных распросов, все ли было в порядке, мама с улыбкой сказала:

— Ты у нас, Алешенька, стал деятелем международного масштаба. Летаешь в Париж, получаешь корреспонденцию из Мюнхена...

— Письмо? — обрадовался Алексей.— Где оно?

Ганс просил прощения за долгое молчание и объяснял, почему сразу не смог заняться поисками Ирмы Раабе. Улица Берлина, на которой она жила в 1945-м, находится на территории Германской Демократической Республики. Тем не менее ему повезло — недавно пригласили на слет молодых сторонников мира в ГДР, и он воспользовался случаем... Но улицы этой уже просто не существует. После войны, когда покончили с разборкой и расчисткой руин, наступило время строительства. Коттеджники снесли — там сейчас огромный жилой массив, целый город.

Алексей с грустью подумал, что вот оборвалась еще одна ниточка между настоящим и прошлым. Впрочем, так и должно быть: на месте разрушенного произрастает новое.

Еще Ганс сообщил, что он рассказал о проблемах Алексея своим друзьям из Союза свободной немецкой молодежи. Они обещали помочь. Он рекомендовал выслать копии писем по адресу... Далее следовал адрес и фамилия какой-то девушки. «Это активистка ССНМ,— писал Ганс,— очень обязательный человек. Ее зовут Гертруда, проще — Гера, как и ту твою девушку, с которой ты летал в Париж. Уверен, у тебя с нею сложатся хорошие отношения».

С Герой отношения у Алексея не складывались. Вскоре после переезда в Таврийск он, переборов себя — никак не мог забыть ее холодный тон и вялое равнодушие, с которым она встретила известие о том, что он получил направление на работу в свой родной город, — снова позвонил Гере: Она разговаривала чуть приветливее, но с вежливым безразличием. Куда и подевалась бойкая, разбитная девица, с которой было так легко и хорошо во время турпоездки. Тогда ее манеры, реплики, шуточки казались несколько грубоватыми, однако Алексей быстро понял, что это своеобразная защитная реакция. Такой стиль поведения («Попроше надо жить, бабоньки, попросе») как раз входил в моду у эмансипированных девиц.

Кое-как отношения у них со временем наладились. Они побывали два-три раза в кино, достали билеты на концерт приехавшей в Таврийск на гастроли Софии Ротару. Гера никак не могла выбраться из своего состояния полудремы, временами полностью уходила в себя, замолкала, становилась незнакомой, совсем чужой.

— Что это ты такая... неровная? — осторожно спросил Алексей.

— Заметно? Ничего, пройдет.

— Могу чем-то помочь?

— Можешь: не задавай лишних вопросов.

Ничего не хотела Гера говорить о себе, и, судя по всему, какая-то заноза крепко засела в ее душе. И вдруг, уже весной, звонок от нее, и голосок звучит жизнерадостно, излучает приветливость:

— Пойдем в кино, сыщик. Я приглашаю.

— Сыщик? Как ты узнала, где я работаю? — удивился Алексей.

— Все просто, сыщик. Я случайно встретила знакомую девочку, — рассмеялась Гера, — с которой ты учился в одном классе. Она и пропищала: «А ты знаешь,

наш Алеша...» И глазенки закатили от восторга: надо же, какой у нас оказался одноклассник. Так пойдем в кино?

— А что крутят?

— «Африканец». Кошмар и катастрофа! Он живет в джунглях, она к нему прилетает, чтобы строить туристский отель. Представляешь? Он — весь от природы, она вся от цивилизации. Она любит его, он ее тоже, но он еще больше любит слонов. Злодеи мешают их любви, стрельба, гранаты рвутся, погоня в джунглях, ничего из любви не получается...

Гера весело сыпала словами, но маленькие паузы все-таки делала, чтобы уловить реакцию Алексея на дурашливое изложение французского фильма, который в эти дни собирал толпы зрителей.

— А билеты? Извини, что задаю тебе такой вопрос. Надо было заранее предупредить.

— Эх, сыщик, нет в тебе размаха! Простенький вариант: мы прибываем, ты показываешь удостоверение и...

— Не пойдет,— перебил Алексей.

— Так и знала,— вздохнула Гера.— Скромность украшает человека, но усложняет его жизнь.

Они рассмеялись, ведь Гера прекрасно знала, что Алексей не согласится с ее «простеньким» вариантом.

— Знаешь,— осторожно сказал Алексей,— я бы с удовольствием с тобой увиделся, спасибо за звонок, но сегодня премьеры нового фильма по телевизору, мне хотелось его посмотреть.

Гера обрадовалась:

— Идея! У меня, как у каждой цивилизованной гражданки, телек тоже имеется. Приходи, будем смотреть вместе в комфортабельных условиях,— она приглушенно засмеялась, и Алексей вдруг представил, как лукаво искрятся ее глаза. — Когда начало? — Гера действовала энергично и напористо.

— После программы «Время».

— Значит, к девяти ты у меня. Улица Октябрьская, дом 2/4, квартира 24. Запомнить легко. Именно там проживает гражданка Синеокая.

Не ожидая ответа, Гера повесила трубку.

У нее была необычная фамилия — Синеокая. И не раз, когда ей приходилось с кем-либо знакомиться, в

ответ на «Гера Синеокая», она с удовольствием слышала недоуменное: «Что? Как?»

— Синеокая я,— нараспев повторяла в таких случаях Гера. А глаза у нее были темные, бархатно-коричневые, глубокие.

Алексей прикинул: до девяти еще много времени, успеет поработать. Сегодня майор Устиян передал ему солидную папку документов, посоветовал:

— Начните ознакомление с показаний Танцюры... И имейте в виду, разработкой этой проблемы вам придется заниматься длительное время. По-моему, здесь есть ниточки к тому, что вы ищете, Алексей Васильевич.

Майор Устиян, игнорируя молодой возраст Алексея, обращался к нему по имени-отчеству. Всякие там «Леши», «Миши», «Жени» и прочее панибратство несовместимо с работой — в этом Устиян был убежден.

Алексей придвинул к себе папку, но снова зазвонил телефон.

— Слушай, сыщик, у тебя транспорт есть?

— Какой транспорт? — не понял он Геру.

— Ну, машина... Не «Чайка», конечно, а хотя бы «Запорожец»?

— Откуда? — искренне удивился Алексей.— Да и улица Октябрьская через два квартала.

— Продолжаю интриговать! — деловито сообщила Гера.— Значит, так... К восьми подходи к центральному входу в парк, он рядом с тобой. На час раньше, потому что иначе не успеем к началу твоего фильма, ехать придется далековато. И позвони мамочке, что ты приедешь поздно или вообще будешь только завтра. Срочное задание, кого-толовишь,— веселилась девушка.— Заканчиваю и вешаю трубку.

В трубке действительно заныли короткие гудки. Гера хитрила, она не оставила возможности ни возразить, ни расспросить.

В восемь Алексей стоял у центрального входа в парк. Он не один здесь скучал в ожидании, видно, этот пятачок перед старинной, чугунного литья решеткой был излюбленным местом свиданий. Парни поджидали своих подруг с тюльпанами и нарциссами в руках. «А я без цветов,— сокрушенно подумал Алексей,— серый какой... Еще подумает, что пожалел на букетик». Но тут же мысли его приняли другое направление, цветут первые тюльпаны — весна, а когда приехал в Тав-

рийск — парни радовали своих девчонок осенними астрами. Полгода прошли незаметно, словно один день промелькнул.

— Привет! — Гера подошла с той стороны, откуда он ее не ожидал. Она должна была бы пройти по переходу для пешеходов, а вынырнула откуда-то сбоку.

— Здравствуй. У тебя это обычно — неизвестно откуда появляться? — сдержанно ответил ей Алексей.

— Еще и не то будет, — угрожающе пообещала Гера. — Пошли, сыщик. Да не туда, а вот сюда...

Она повела его к стоянке автомашин, открыла ключом дверцу голубого «жигуленка».

— Не знал, что у тебя есть машина, — удивился Алексей.

— Зимой на приколе, потому и не знал. А сейчас весна! — Гера произнесла это почти мечтательно. — Поехали.

Вела она машину не в пример другим автолюбителям уверенно, на перекрестках не дергалась, на зеленый свет не запаздывала. Алексей удивился, когда увидел, что они оставили в стороне улицу Октябрьскую и выскочили на трассу, ведущую за город.

— Куда ты меня везешь?

— Выкрала ценного работника, — пошутила Гера. — Мамочку предупредил?

Алексей успел позвонить Ганне Ивановне, что будет поздно.

— А что? — рассуждала Гера. — Увезу парнишечку, завтра паника: «Куда подевался лейтенант Черкас?» Ты ведь лейтенант? Две маленькие звездочки на погонах, интересно, как ты выглядишь в форме? Увезла, значит, лейтенанта, все его ищут, а он у меня в подвале спрятан, перед ним — бутылка шампанского и ломтики сыра «Российского», ноги опутаны цепью, дверь в подвал железная, и на двери — замок амбарный.

Гера болтала без умолку, у нее было хорошее настроение, она радовалась и весне, и встрече с Алексеем, и тому, как послушна ей машина. Остался позади город, промелькнула маленькая деревенька, вся в цветущих яблонях. Алексею, горожанину, редко доводилось видеть, как укрываются весенним цветением деревья и становятся совсем как в кинофильмах, в которых любят показывать буйно цветущие сады. Он умилился,

растрогался, перестал расспрашивать Геру, куда они едут.

За деревенькой свернули направо, проехали еще километров десять и оказались в небольшом дачном поселке. Гера притормозила у одного из домов, обнесенного глухим забором, вышла из машины:

— Посиди, я сейчас...— Она открыла ключом ворота и осторожно загнала «Жигули» во двор.

— Родовое имение Синеоких,— объявила.— Не волнуйся, телевизор имеется, фильм увидишь.

Имение ничего себе, отметил Алексей. Двухэтажный особняк стоял в старом саду, здесь тоже цвели яблони, по краям дорожек желтели нарциссы, кустарник ярко зеленел молодой листвой. Гера достала из багажника сумку с продуктами, долго возилась с многочисленными замками и запорами.

— Вечно они боятся, что обворуют,— проворчала недовольно. Кто «они», которые вечно боятся, Алексей не стал уточнять, удивление от такой внезапной поездки еще не прошло, и требовалось время, чтобы определить свое отношение к ней.

— Прощу вас, дорогой мой сыщик! — Гера наконец справилась с замками. Это была совсем не та Гера, которую Алексей знал по туристской поездке и несколькими мимолетным встречам. Эта, новая, чувствовала себя уверенно, даже немножко покровительственно по отношению к Алексею. Словно увидев ее впервые, Алексей вдруг заметил, что она одета во все «фирмовое», причем не в дешевку с ярлыками, у нее красивые, действительно «фирменные» джинсы, вязаный белоснежный свитер, немного укороченные мягкие сапожки, только входившие в моду. И на даче все свидетельствовало не просто о достатке, а о том, что ее оборудовали и обставляли, больше руководствуясь вкусом, чем считая рубли и копейки.

— Проходи в гостиную,— пригласила Гера,— телевизор там. И еще имеется камин, растопи его. Я — на кухню.

Она двигалась на даче бесшумно, все ей здесь было хорошо знакомо.

До начала фильма еще оставалось минут двадцать и Алексей вышел на крылечко, осмотрелся. Дача казалась старой, давней постройки. Местами ее обновили, подремонтировали, на фоне выцветших под солнцем и дождем красок выделялись светлые пятна. Яблони то-

же явно перешагнули пору зрелости, но цвели они пышно, словно бросая вызов молодым деревцам, на которых цвет был редким, сиротливо беспомощным. На просторном участке нашлось место и сирени, и жасмину, и цветникам, недавно освобожденным от зимнего укрытия.

Стояла удивительная тишина, в воздухе пахло легким, пряным дымком, наверное неподалеку, на других дачах, жгли прошлогодние листья.

— Сыщик,— послышался голос Геры,— сейчас начнется твой фильм, хотя я не очень понимаю, чем он привлечет твое благосклонное внимание.

В гостиной весело потрескивал огонь в камине, Гера красиво сервировала столик на колесиках, поставила его так, чтобы удобно было пить чай и смотреть телевизор. Алексею вдруг показалось, что он бывал здесь не раз и с Герой, хлопчущей вокруг столика, знаком сто лет, она его давний друг, и вообще жизнь прекрасна.

Дача производила странное впечатление. Она выглядела так, словно ее собирались покинуть. Громоздились по углам ящики, коробки, бумажные мешки с какими-то вещами. Часть мебели была сдвинута, подготовлена к вывозу. И даже несколько картин сняли со стен и поставили на пол. Расспрашивать, почему дача в таком состоянии, Алексей посчитал неудобным. Захочет Гера — сама скажет. Она заметила его удивленный взгляд и собралась что-то объяснить, но на экране замелькали титры нового документального фильма, и девушка притихла, словно бы растворилась в глубине комнаты. Алексей заметил у нее способность: как-то внезапно, безошибочно улавливая эти минуты чутьем, уходить на задний план — она есть и ее нет... Он не знал еще, что этим бесценным даром владеют только очень умные и чуткие женщины, понимающие настроение близкого им человека.

«Тогда, в 1945-м» — этот фильм был о Берлине и Германии сорок пятого, о советских людях в дни Победы и о немцах в часы и месяцы краха фашистской Германии. Аннотацию ленты Алексей прочитал в программе передач и обязательно решил посмотреть. Ведь только вот так, на экране или из книг, мог он узнать, увидеть время Егора Адабаша и Ирмы Раабе. Прошло уже с той поры две его жизни... Он не раз пытался представить капитана Адабаша на берлинских улицах, ему казалось, что он хорошо видит на тех же улицах и Ирму... Однако в картинах, которые он мысленно ри-

совал, было много от фантазии, беллетристики, от отрывочных сведений, почерпнутых из разных источников. Теперь же объективы кинодокументалистов и воспоминания очевидцев как бы воссоздавали ушедшее время в его целостности, жгучей, торжествующей и горькой реальности.

Не отрываясь, уйдя в себя, смотрел Алексей на экран.

Вот советские солдаты рвутся к рейхстагу — среди атакующих нет капитана Адабаша, он ранен, лежит в госпитале... Вот солдаты в серой форме с поднятыми руками выходят из развалин навстречу солнцу и жизни — сдаются в плен. В письмах Ирмы все время упоминается какой-то Вилли, бывший фельдфебель...

А вот цепочка женщин, передающих из рук в руки кирпичи... Длинная очередь с ведрами и кастрюлями к солдатской походной кухне — повара в пилотках черпаками наливают суп. Может быть, среди этих женщин, протягивающих повару в солдатской форме с медалями свои кастрюльки, и Ирма Раабе?

Ирма Раабе медленно шла домой. Ее в госпитале уже знали и врачи, и сестры, и раненые. Когда она приходила, а старалась бывать в госпитале каждый день, кто-нибудь обязательно здоровался с нею, помогал получить пропуск. Сестры немножко ревновали ее к молодому, красивому капитану, но, в общем, относились с пониманием. Если бы Ирма знала русский язык, она, возможно, краснела бы от некоторых реплик, которые бросали острые на язык фронтовые сестрички.... Но обязательно находилась какая-нибудь рассудительная сестра, которая брала Ирму под защиту:

— Не надо, девочки... Может, у нее такое первый раз в жизни...

Этот аргумент убеждал самых бойких любительниц позлословить, перемыть кости молоденькой девчонке, которая как на работу каждый день приходила в госпиталь с букетом роз, скромно, но тщательно одетая, с хорошо уложенной прической — белокурый локон спадал на лоб, — останавливалась у входа и терпеливо ждала, пока кто-нибудь не заметит ее и не разрешит:

— Проходи.

Тогда она мчалась, спотыкаясь, чуть не падая, теряя розы, в палату, где лежал ее капитан. Адабашу не становилось лучше. А ей страстно хотелось, чтобы Адабаш встал на ноги и она смогла бы пригласить к себе домой — пусть все видят, она не боится никого из тех бывших, прошлого больше нет, есть только сегодняшний день, завтра будь что будет, но сегодня она счастлива, потому что у нее есть любимый человек и никому не удастся отнять его у нее, разве только смерти, но и тогда она будет просить не забыть ее, помнить светлой и легкой памятью, а скорее всего, уйдет в то последнее путешествие вместе с ним.

Если Адабашу становилось плохо, она молча сидела у кровати, чутко ловила его взгляд, а однажды, когда

он потерял сознание, она сразу это заметила, бросилась искать сестру, нашла ее, ничего не объясняя, только бесконечно повторяя «битте, битте», вцепилась в халат, потащила к кровати капитана. Дальше все завертелось, закружилось, забегали врачи, нахмурились раненые.

И, если бы Ирма понимала русский, она бы услышала, как сосед Адабаша, когда все миновало, сказал капитану:

— Это, выходит, она тебя снова спасала. Моталась тут, будто сама собралась помирать.

Ирма шла по берлинской улице и пыталась увидеть ее глазами Адабаша, он ведь все время спрашивает: «Как там, в Берлине?» И еще сокрушается: мечтал дойти до Берлина, дошел, а пока его и не видел.

На тротуарах стояли танки, орудия у них были зачехлены, возле танков сидели и стояли группками советские солдаты, на красивую Ирму внимание обращали, но никто не приставал, не хватал за плечи.

Из окон уцелевших домов свисали вялые и безжизненные белые флаги. Сколько на них берлинцы извели простыней! Белые квадратики и прямоугольнички на палочках были не просто символом капитуляции, они воспринимались как мольба о пощаде. Встретилась семья: седой старик, женщина средних лет, трехлетний мальчишка. Все трое в черном, словно в трауре, на рукавах белые повязки. И у мальчишки белая повязка — тоже сдался в «плен». Аккуратность и порядок должны быть во всем.

На стене одного из разрушенных снарядами зданий Ирма прочла: «Чтобы уничтожить немецкий народ, Гитлеру понадобилось 12 лет». Ей вдруг послышался грохот сапог по мостовой — и по этой улице маршировали солдаты, и здесь орали «хайль!», а вот у той афишной тумбы стояла она, маленькая девочка Ирма, и вместе со всеми восторженно приветствовала тех, кто силой оружия утверждает господство Германии над всем миром. Что там сейчас, на этой тумбе? Приказы советского коменданта: что отныне можно и чего нельзя берлинцам... Приказ № 1: выдать продовольственный паек на пять суток вперед, обеспечить электроэнергией больницы. Генерал Берзарин был комендантом Берлина, и его подпись стояла под всеми приказами.

Ирма пошла дальше, и вдруг словно споткнулась,

остановилась, пораженная тем, что увидела. На тротуаре возвышался маленький холмик, весь в венках и цветах, увитых черными лентами. На фанерной дощечке было что-то написано по-русски. Ирма сообразила, что это фамилии погибших. Больно отозвались в сердце даты рождения и смерти: похороненным здесь было по девятнадцать лет.

В руках у Ирмы был пакет. Каждый раз, когда она уходила из госпиталя, товарищи капитана по палате совали ей сахар, хлеб, шоколад, сухари. Вначале она отказывалась, но капитан сказал: «Не стесняйся. Не стесняйся, Ирма, в этом нет ничего плохого, всем сегодня живется несытно». Если бы еще совсем недавно кто-нибудь сказал, что она будет ходить в советский госпиталь, часами сидеть у кровати раненого русского офицера, что другие русские будут отдавать ей часть своей еды, она бы ни за что не поверила, а может быть, и возмутилась — такого быть не может, потому что не может быть! Она — немка, с русскими сражается ее отец, Германия — ее родина...

Она приносила эти драгоценные продукты домой, и фрау Раабе, не одобрявшая ежедневных посещений госпиталя дочерью (не надо так явно проявлять симпатии к русским), смягчалась, хотя и не понимала, как можно дарить, отдавать просто так сокровища, цены которым в нынешнее голодное время нет, о чем откровенно сказала Ирме. На «черном рынке» в развалинах бравым американским парням за банку мясных консервов давали золотые часы, а за плитку шоколада молодые немки... дальше фрау Раабе не продолжала, бог миловал их от таких унижений. Русских на этом рынке она не встречала ни разу, зато американцы там крутились постоянно, и фрау Раабе не раз строго наказывала дочери не отзываться на их заигрывания.

В скверике, где Ирме надо было сворачивать в свою тихую улочку, она увидела гору немецких солдатских касок и противогазов. Несколько стариков перебирали каски одну за другой, что-то рассматривали на их донышках. Ирма сообразила: солдаты обычно надписывали свои каски, и по таким вот меткам отцы разыскивали своих сыновей.

На остовах разрушенных зданий белело множество листочков бумаги: бывшие жители этих домов сообщали потерявшимся родственникам, где они и что с ними. Это были послания живым и мертвым, ибо тех, кому

они адресовались, могло уже давно не быть среди уцелевших в пламени гигантской битвы.

Она медленно шла по улицам, усыпанным битым щебнем, кирпичами, стреляными гильзами, обрывками газет и листовок, она шла по улицам, по которым совсем недавно прокатилась война...

Когда она рассказывала Адабашу о том, что видела, точно, пунктуально, как учили в гимназии писать сочинение,— капитан переводил ее слова другим раненым. Они слушали жадно, задавали разные вопросы, и Ирма старалась отвечать на них как можно лучше, ничего не пропустить и не придумать — говорила только о том, что видела.

— Сколько дают хлеба в день?

— Шестьсот граммов.

Раненные комментировали: ничего, нормально, на такую пайку жить можно.

— Возвращаются жители в город?

— Да,— ответила она,— по всем дорогам идут берлинцы, которых выгнали из города перед его штурмом.

Однажды они так увлеклись вопросами-ответами, что не заметили, как в палату вошел майор, тихо присел на кровать у входа, долго слушал.

— Что это за политинформатор у нас объявился?— спросил он, когда наконец раненные выяснили все, что хотели.

Ему объяснили. Ирма видела, что это большой начальник, и с замиранием сердца ждала: вот сейчас скажет — уходите отсюда и больше не появляйтесь. Майор сказал другое:

— Девушка правильно и честно обрисовывает вам нынешнюю обстановку в городе. Советское командование делает очень много для того, чтобы вытащить Берлин и его жителей из той бездны, в которой они оказались по вине гитлеровцев.

И он стал рассказывать, что предпринимается для установления нормальной жизни в огромном городе, парализованном войной. Теперь уже раненные обращались со своими вопросами к нему, и Адабаш, довольный таким исходом, показал Ирме большой палец. Она уже знала, что значит у русских этот жест.

Адабаш не раз спрашивал ее о Вилли. Своего соседа она видела теперь редко, он пропадал на митингах и собраниях, организовывал расчистку руин, писал листовки-обращения к немцам.

Мама все ждала, вдруг объявится полковник фон Раабе, хотя и не представляла, как это может быть. Нацистов и эсэсовцев русские не щадили, они немедленно их арестовывали, чтобы предать суду.

— Ты хоть вспоминаешь о своем отце? — иногда начинала настойчиво спрашивать у Ирмы мать.

Девушка отмалчивалась. Она не хотела огорчать маму. Конечно, отца она помнила, хотя в годы войны, когда становилась взрослой, видела его всего несколько раз, когда он приезжал в отпуск. И еще ночью видела, накануне штурма, — он был в грязном, порванном мундире, зарос густой щетиной, с воспаленными глазами и злобным, загнанным взглядом.

— Мама, ты его любила? — решила она однажды спросить.

— Что значит любила? — с достоинством удивилась фрау Раабе. — Однажды меня пригласил в кабинет к себе твой дедушка — генерал, в кресле сидел незнакомый молодой человек, он поднялся, когда я вошла. «Ирма, вот твой жених», — представил мне его отец, и этим все было решено. Мне наедине отец сказал, что у моего жениха есть перспективы — он из тех, кто будет вскоре править Германией.

Фрау Раабе колебалась — стоит ли такое говорить дочери, но решила на откровенность:

— Правда, твой отец не вступился за тестя, когда у него начались служебные неприятности. Вскоре папа умер...

Она по привычке поднесла платочек к сухим глазам. Нет, все не так просто, об этом Ирма догадывалась, она, тасуя в памяти картинки недавней своей жизни, почему-то особенно четко видела одну: приходит посылка с Восточного фронта, и мама с радостным волнением вскрывает ее: «Боже мой, горжетка из чернобурки!» Многие жены офицеров доблестного вермахта тогда щеголяли в русских мехах, нанизывали на пальцы русское золото.

Такое долго не забудется...

«Мой капитан! Спасибо тебе за письмо, я получила его тогда, когда перестала ждать. Да и кто я тебе? Глупая немецкая курица, запутавшаяся в жизни, утонувшая в море сомнений и колебаний. Ты спросишь,

откуда они у меня? Боюсь, что не смогу объяснить, как необъяснимо все, что происходит вокруг меня.

У меня такое чувство, будто я попала в эпицентр урагана, все вокруг меня рушится, буря сдвинула скалы, гонит по земле мириады песчинок-людей. Я одна из них...

Вилли советует подыскивать работу, но ведь я ничего не умею делать!

Иногда поздними вечерами я сижу у окна в своей комнатке, совсем одна. Улица быстро пустеет, с наступлением сумерек берлинцы предпочитают запираяться в квартирах. Я смотрю на облака. Они плывут на восток, легкие, невесомые, чуть подкрашенные лучами только что ушедшего солнца. И завидую им — может быть, они проплывут по чистому небу тысячи километров и увидят со своей высоты тебя... Ты улыбаешься — сентиментальная девица. Наверное, это так и есть, способность умиляться в нашем национальном характере. Сжигали узников в крематориях Бухенвальда и любовались цветущими липами Веймара.

Мне сегодня почему-то очень тяжело и беспокойно. И единственное, о чем я прошу сейчас в своей молитве: не забывай меня, пожалуйста; мой капитан. Не забывай даже тогда, когда наше время станет прошлым, придут новые дни и все в мире будет совсем иным, чем сейчас.

Твоя Ирма».

Они пришли, эти новые дни, все в мире стало иным, и то, что было для Ирмы и Адабаша реальностью бытия, теперь можно было увидеть только на экране. Когда фильм окончился, мелькнули финальные кадры и после паузы зазвучала эстрадная музыка, Алексей щелкнул выключателем и долго еще сидел молча, а Гера не мешала ему и не приставала с вопросами, почему он так хотел увидеть давным-давно минувшее.

Она бесшумно встала, подошла к Алексею.

— Поднимемся наверх, я покажу тебе свою комнату.

Они поднялись на второй этаж, Гера извлекла из кармашка ключик, щелкнула замком на одной из дверей. Объяснила:

— Я никому не позволяю сюда входить.

Она ввела Алексея в просторную комнату, отделанную сосновыми досками, так называемой вагонкой, и он с удивлением осмотрелся. Комната производила странное впечатление. Она была обставлена скромно, даже аскетично. Ничего лишнего — только самое необходимое.

На стене — самодельные книжные стеллажи, на которых сейчас книг не было, полки выглядели уныло, скучно. Лишь на одной из них Алексей заметил старые альбомы с фотографиями.

Еще здесь висела старая трехлинейка — она, наверное, долго пролежала в земле, но была очищена от ржавчины, изъевшей металл, приклад отреставрировали, снова покрыли темным лаком. Рядом со старой винтовкой были бинокль, офицерская полевая сумка и шашка с красным бантом. В углу на круглой вешалке-вертушке Алексей увидел потрепанную солдатскую плащ-палатку, шинель с генеральскими погонами и генеральскую фуражку.

Бросились в глаза портрет Сталина и рядом давний плакат: гневно и призывно вскинула руку пожилая се-

дая женщина, ее прикрывали и защищали стальные трехгранные штыки. Такой плакат Алексей видел в учебниках истории.

В углу были деревянная кровать и маленький трельяж с парфюмерией. Они выпадали из обстановки этой комнаты, казались лишними, появившимися здесь позже, когда у комнаты сменился хозяин.

Алексей вопросительно посмотрел на Геру. Она разгадала его взгляд, кивнула. Он снял с полки альбомы и открыл их. Фотографий было много, они запечатлели жизнь человека, призванием которого была военная служба. Вот он — молоденький рабочий, которого друзья провожают в Красную Армию. Вот безусый красноармеец из всех сил старается казаться строгим и мужественным... Командир с ромбиками в петлицах, пилотка лихо сдвинута, новенькие ремни, наверное, поскрипывали при каждом движении. Взвод на учебном марше — он впереди... А вот эта фотография сделана в штабе — офицеры, уже в погонах, склонились над картой.

А вот снимок сделан у Бранденбургских ворот: группа советских генералов и офицеров сфотографировалась для памяти. Алексей сразу узнал среди них того, кто давным-давно был молоденьким красноармейцем — хотя и стал он массивнее, шире в плечах, годы явно взяли свое. Все сфотографировавшиеся были в парадной форме, при наградах и знаках отличия.

— Кто он?

— Генерал Синеокий Валентин Степанович. Мой дед.

— Здесь он жил в свои последние годы?

— Да, — кивнула Гера. — А всю свою большую библиотеку и реликвии военных лет завещал местной школе. Моя мамаша, правда, попыталась не выполнить волю деда — он устно распорядился, незадолго до смерти. Но я все на свои места поставила, воспользовавшись своими, — она на этом слове сделала ударение, — правыми.

— Какими? — удивился Алексей.

— Это длинная история, — уклонилась от ответа Гера, — на ходу ее не расскажешь. Пойдем лучше вниз, приготовим кофе.

Они сидели у камина, полешки высушило солнце, и огонь бегал по ним весело и жадно. Гера зажгла свечи, погасила люстру.

— Только не думай, что я создаю интимную обста-

новку, чтобы соблазнить тебя. Это были бы кошмар и катастрофа, товарищ сыщик, и в мои планы не входит.

По своему обыкновению, она подшучивала и над собой, и над ним.

— Что с тобой происходит? — спросил Алексей.

Гера снова была другой, не такой, как раньше, и, иной, чем совсем недавно.

— Какие женщины в Париже, черт возьми! — насмешливо ответила Гера словами поэта. — Учти, сыщик, женщины живут не только в Париже... И одна из них принимает сегодня важное решение, может быть, самое важное за всю свою недлинную жизнь.

— Так уж...

— Не сомневайся.

— Значит, я тебе понадобился как... зритель или свидетель поиска истины?

— Свидетель — какое-то инертное, вялое слово. Это тот, кто стоит и смотрит, как другие мучаются, страдают, может быть, даже умирают? Наблюдает, чтобы потом рассказать: произошло — это, — она посмотрела на часы, — в двадцать два тридцать, на уединенной даче, принадлежащей гражданке Синеокой...

— Не всегда так, — возразил Алексей. Он хотел было рассказать ей, как не хватает ему свидетелей в поисках Коршуна и Ангела смерти: наверное нет уже в живых никого, кто видел бы их тогда, когда они творили свои злодеяния. Майор Устиян говорил: ищите, лейтенант, как правило, у смерти всегда бывают «ассистенты». Алексей понял Никиту Владимировича — майор советовал еще раз порыться в старых «делах», покопаться в биографиях бывших полицейских и иных пособников гитлеровцев.

Но он не стал ничего этого говорить — не место для разговоров о служебных делах, да и не положено это. Майор Устиян не раз втолковывал: наша профессия предполагает сдержанность в словах и точность в действиях. Но с чего вдруг заговорила о свидетелях Гера? Алексей, пытаясь за шуткой скрыть внезапно охватившее его беспокойство, сказал:

— Слушай, Гера, я надеюсь, ты не собираешься умирать?

Кто их поймет, на что способны эти взбалмошные девчонки! То веселятся как угорелые, то впадают в стрессовые состояния. Гера опять явно чем-то встревожена, и веселье у нее с самого начала было искусствен-

ное, взвинченное, когда беззаботной улыбкой пытаются скрыть слезы.

— Волноваться нет причин,— девушка снова взяла себя в руки. — Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Хорошо,— согласился Алексей. И чтобы перевести разговор на иную тему, спросил:— Скажи мне, ты что, поссорилась с родителями?

— Слушай, сыщик, я знаю, у вас положено задавать вопросы, что да как. Я лучше добровольно сообщу тебе некоторые подробности своей жизни.

— Прекрати! — возмутился Алексей.

Ну вот, опять она иная, Гера Синеокая, девушка из туристской поездки. Улыбка исчезла, вся в напряжении.

— Не беспокойся, сыщик, с анкетными данными у меня порядок полный. Моего деда ты видел на фотографиях — он всю жизнь прослужил в армии, прошел войну от первого до последнего дня. Мой отец... У него тоже прекрасные, ну просто замечательные анкетные данные. Он,— Гера запнулась и вдруг безжалостно, зло продолжила: — безвольное, слабое существо, несомненным достоинством которого является талант хирурга.

— Не надо так,— попытался остановить ее Алексей, — не следует так об отце, Герка! — повысил он голос.

— Следует! — тоже громче, чем обычно, воскликнула девушка. — Он умеет делать блестящие операции, его интересуют исключительно сложные случаи, но распознать житейские опухоли, возмутиться подлостью, восхититься мужеством он не умел и не умеет. Весь мир для него — большая операционная: сегодня вырезаешь что-то ты, завтра — у тебя... Я иногда думаю: может, то, что он видел столько болезней и смертей, превратило его в необычайно равнодушного человека? Или его неограниченная власть над полуживыми людьми в операционной, полная их зависимость от него,— может, все это стало для него искусственным миром, где он — сильный и решительный человек? А вне его он оказывается неприспособленным к реальной жизни, теряется и равнодушием прикрывает свою слабость? Одним словом,— вздохнула она,— в клинике — он бог, в жизни — скала равнодушия. Бывает так?

— Не знаю...

— Не хочешь отвечать,— зябко обхватила она плечи руками. — Что же, продолжу свою исповедь... Моя мать, деловая женщина нашего времени, ты ее никогда

не видел, но почти наверняка соприкасался с ее деятельностью — она директор центрального универсама.

— Вот как! — Алексей и в самом деле был удивлен. — Кто же тогда ты?

— А я временно секретарь в весьма влиятельном учреждении, любимица своего начальника, именно любимица, а не любовница. Окончила среднюю школу, — бесстрастно продолжала она, — поехала в Москву поступать в университет, с треском провалилась — там ведь нет пациентов папы и клиентов мамы. Мама устроила меня в эту контору заработать производственный стаж, папа воткнул в туристскую группу — развеяться, распечалиться — так мама говорит, и, может быть, найти свое счастье. Она выговорила назидательным тоном: «Тебе, Герочка, надо сблизиться с перспективными молодыми людьми. У тебя есть для этого внешние данные».

Так, наверное, напутствовала ее мать перед поездкой.

— У меня есть внешние данные?

Алексей не мог понять, шутит она или спрашивает всерьез.

— По-моему, ты вполне, — не лукавя, ответил он.

— Вполне — это когда изъяснички все-таки имеются.

— Да нет, я не это имел в виду.

— Ладно, присмотришься еще, поймешь, что к чему, увидишь и личный кошмар и собственную катастрофу, — хмуро пообещала Гера.

Она походила по комнате, села в кресло напротив Алексея, подобрала под себя ноги, сжалась в комочек.

— Данные у меня есть и не только они, — продолжала она, — невеста я завидная, такие сегодня — большая редкость. Сколько лет тебе, например, надо вкалывать, как говорят некоторые мои подруги, чтобы приобрести «Жигуль» и вот такую дачу?

Алексей с недоумением уставился на нее. Что за странный поворот в разговоре!

— На машину, пожалуй, лет за десять мог бы скопить, — прикинул он вслух, эта проблема интересовала его пока чисто теоретически, — а такой особняк вообще мне вряд ли когда-нибудь будет по силамкам. Да и за чем он?

— Ничего, потом поймешь зачем, когда войдешь во вкус... Но видишь, какие сроки? А между тем, все это ты можешь получить сразу. И меня впридачу...

Алексей решительно встал:

— Чем тебя отпаивают от истерики?

— Постой, погоди, не мельтеши, милый дружок. Ты ведь перспективный молодой человек, не так ли? Биография простенькая, но вполне приличная, университетский диплом, жизнь начал хорошо — лейтенант госбезопасности. Познакомлю с мамочкой, увидишь, как она в тебя вцепится. Знаешь, что такое равный брак по-современному? Это когда один из партнеров — он или она — с машиной, дачей, сберкнижкой и торгашами в близких родственниках, а второй — с безупречной репутацией, без материальных приобретений, но с вероятной карьерой честным путем. И ты, и я вполне укладываемся в эту схему.

Гера понемногу успокаивалась, она выпила воды, причесалась перед зеркалом, чуть тронула губы помадой.

— Не пугайся, пожалуйста, я не всегда такая. Просто у меня был сегодня трудный день. Я выдержала такую сцену, которую закатила мне мамаша, что будь здоров.

У нее, наверное, действительно возникла потребность излить душу, в жизни каждого бывают такие вот вечера предельной откровенности, когда, исповедуясь, как бы смотрят на себя со стороны, выносят себе приговор. После возвращения из Парижа мама дотошно ее расспрашивала, с кем познакомилась, какими связями обзавелась. Связи в нынешние дни — очень выгодный товар, утверждала мама. Гера ей рассказала об Алексее. Мама презрительно процедила: студентик, адвокатик, да я тебе таких дюжину куплю. И без приличных родственников — мамаша на пенсии, только и всего.

Она приняла свои меры. Пригласила в дом на чай сослуживца, точнее, своего заместителя по универмагу. Он оказался серьезным, солидным человеком. Весь вечер подчеркнуто уважительно ухаживал за Герой, не отходил от нее ни на шаг. Она ему нравилась, и он не скрывал этого. Мама млела от предчувствия приятных хлопот.

— За чем же дело стало? — Алексей не мог определить, как отнестись ему к сбивчивому рассказу девушки.

— Я-то думала, что у меня есть хоть один настоящий друг, а оказалось...

— Так что же с этим заместителем твоей мамы? — перебил ее Алексей. — Чем он тебе не по душе?

Он вдруг поймал себя на том, что с волнением ожидает ответ. А вдруг она скажет: «Почему же не по душе? Вполне подходит».

Гера сказала с насмешкой:

— Нет, это рыцарь не моего романа. Хотя на киногероя он похож, амплуа первого любовника ему вполне по плечу. Нынешние торговые деятели из тех, кто нечист на руку, страшно хотят выглядеть респектабельными и положительными. И этот такой же. Высокий, с благородной легкой сединой, очки, конечно, массивные, костюм — тройка, галстук однотонный, боже упаси, никакой пестроты. Не пьет, не курит, регулярно играет в теннис с влиятельными особами нашего города, с ними же по пятницам посещает сауну, да не какую-нибудь зачуханную, а с видео и массажистами. О здоровье своем печется, словно оно национальное достояние. При случае может поговорить о современной литературе, процитировать по памяти Достоевского, вспомнить о своем близком знакомстве с актрисой, побывавшей у нас на гастролях. И, не сомневаюсь, ворует умело, квалифицированно, не сотнями, а тысячами. Мамочка моя у него в руках уже давно, она ведь только фигура для прикрытия, а всеми делами он ворочает. Вот и задумала мною откупиться. Мама хотела бы выбраться на волю, увы,— она вздохнула совсем по-старушечьи, горестно и протяжно.— В последние годы дед с мамой не виделся. Он был твердым человеком. И однажды сказал своему сыну, моему отцу: дело твое, а меня не неволь, твою жену я видеть не хочу. Из всей нашей семьи он под конец жизни своей общался только со мной.

Она хлопнула длинными ресницами, пристально всмотрелась в Алексея:

— Вот и скажи мне, друг и товарищ Алеша, как жить? Как он? — показала она в ту сторону, где находился кабинет генерала.— Или как они? — неопределенно кивнула куда-то в пространство.— Как, Алеша, жить?

Что он мог ответить? Что выбора нет, хотя и кажется, будто он есть, но это видимость — выбора не существует, одна из тропинок ведет в тупик. Или сказать: Гера, дорогая, все зависит только от твоей совести? Вот и Ирма все спрашивала в своих письмах у капитана Адабаша: как ей жить... Наверное, каждый человек не раз и не два задает себе этот вопрос, и горе тому,

кто не может найти, отыскать на него самый правильный ответ.

— Только не думай, что я хочу разжалобить тебя: ах, бедненькая! — Гера снова обретала форму, голос больше не подрагивал, и вся она выпрямилась, собралась. — Этому типу я, конечно, к ужасу мамы, отказала. И мне было приятно, понимаешь, приятно видеть, как она запаниковала: «Но ведь у него в руках все дело, Герочка, ты же меня топишь!» Все дело у него в руках, слышишь, Алексей! А я плевать хотела на все их «дела»! — выкрикнула она звонко. — Мне ничего не надо!

Алексей невольно обвел взглядом комнату, в которой они сидели, — красиво здесь и уютно. И еще «Жигули» стоят во дворе...

— А-а, — протянула Гера, — понимаю, о чем ты думаешь. К твоему сведению и чтоб тебя не мучила совесть, эту дачу мне завещал дед, он же подарил и машину к совершеннолетию. Сказал, как отрезал: «Хочу, чтобы ты от них не зависела». Мама недолго позлобствовалась, но смирилась — все равно в семью, а не из нее.

— Видишь ли, Гера, — как можно мягче проговорил Алексей, — я знаю, что тебе сказать, известен ответ и тебе. Жить надо только по правде, как твой дед-генерал, как мой дядя Егор Иванович Адабаш, как моя мама, которую я бесконечно люблю. Иначе начинается не жизнь — прозябание. А это удел пресмыкающихся.

— Пресмыкающихся? — эхом откликнулась Гера.

— Да. Одни пресмыкаются перед теми, кто сильнее их, другие — перед деньгами, третьи — перед машинами, дачами, тряпками с зарубежными нашлепками. Знал я одного хорошего парня, — задумчиво сказал Алексей. — Он увлекался современной музыкой, магами, дисками и прочим. Пока это было просто увлечение — что в том дурного? Но как только он из дисков сотворил идолов, все доброе в нем стало разрушаться, человеческое не просто потерялось, оно было пущено в распыл. Твой случай не из этого ряда, однако общее есть. Тебя хотели просто-напросто купить, как привыкли покупать другие ценности. И ты это понимаешь.

Гера кивнула. Да, она тоже пришла к такому выводу, у того элегантного пройдохи даже сомнение не прорезалось — дело лишь в цене, опасался переплатить, но и продешевить не желал. Как он выпрашивал: «А это правда, дорогая, что дедушка-герой завещал вам дачу? Нет-нет, не думайте, я в состоянии купить пять таких

дач... Но очень важно, чтобы все законно-легально. Мы построим специально для вас чудесный бассейн — будете в нем рыбкой, и не простой, а золотой». Какая пошлятина, кошмар и катастрофа...

— Еще мне кажется,— продолжал Алексей,— что только очень честные и чистые люди способны на большую любовь, а без нее мир становится серым. Я много вечеров провел над письмами Ирмы Раабе, помнишь, я тебе о ней рассказывал? Простенькие они эти письма, в меру наивные, иногда растерянные, что понятно — время было такое. В самом своем последнем письме, уже, видно, предчувствуя какую-то беду, она написала: «Знай, мой капитан, что бы ни случилось, что бы ты ни узнал обо мне — я люблю только тебя». А ведь их разделяла ненависть, предрассудки, тяжесть прошлого и расплывчатое будущее! Наконец, капитан Адабаш отлично знал, как посмотрит на такой «роман» его командование.

Гера слушала его очень внимательно. Она положила голову на ладони, и, не мигая, смотрела на Алексея. В полумраке ее глаза мерцали загадочно и изменчиво.

— Мне очень хочется знать, что с нею случилось... И еще для меня, человека другого времени, необычайно важно сообщить ей, что капитан Адабаш оставался верен ее любви и не встретился с нею только потому, что погиб.

Гера спросила:

— Как ты думаешь, они могли бы пожениться?

— Редко, но такое случалось. Так вот, о письмах Ирмы... Повторяю: простенькие, наивные, растерянные. Почему же их хранила моя мама? Немцев она ненавидела, так почему же она передала как семейную реликвию эти письма немки своему сыну? Как случилось, что капитан Адабаш, полюбив немецкую девушку, в то же время считал своим святым долгом разыскать, покарать немца-карателя? Да, эти люди умели и любить, и ненавидеть. Может, потому они и выполнили свой долг — победили.

Алексей не замечал, как бежит время, уже очень поздно, за окнами дачи разлился, все затопил серебряный свет молодой луны. Гера подошла к окну, распахнула его, встала так, что луна высветила ее на фоне зеленой, трепещущей под легким ночным ветерком молодой листвы. И вдруг Алексею привиделось то, что было не с ним, с другим: май сорок пятого, коттедж в

предмestье Берлина, у скрытого шторой окна тенью стоит девушка, и багровое от пожаров небо рвет на части взрывы снарядов, мертвым светом заливают руины ракеты. Девушка всматривается не в объятый пожаром мир, она ждет рассвета и не знает, что он ей принесет — день, который наступит. Когда встречаются ночь и день, время смещается, и порою неожиданно соединяются прошлое и настоящее, то, что было и что есть.

— Ирма! — чуть слышно позвал Алексей. Тень у окна не шевельнулась, лишь тихо дрогнули шторы, словно ветерок подхватил прозвучавшее имя и унес на своих крыльях в просторы лунного света.

— Ну вот и все! — Гера наконец отошла от окна, зажгла свет. — Ты что-то сказал, Алеша?

— Нет, тебе показалось.

— Конечно, мне показалось, в такую весеннюю ночь девушкам разное-разное чудится.

Все ушло, растворилось в ярком свете, ничего не осталось, лишь занавеска снова слабо шевельнулась. Вот так же и прошлое: уходит, тает в глубинах памяти, вначале напоминает о себе радостью-печалью, а потом время все сглаживает, а воспоминания превращаются в застывшие картинки, оживающие по определенным датам в назначенные памятью дни. Погиб Егор Адабаш. Исчезла в послевоенной неизвестности Ирма Раабе. Но любовь их не канула в небытие, не умерла, она сегодня живет отдельно от них...

— Мне пора, — Алексей встал, его охватило беспокойство, не следует больше оставаться здесь, весенняя ночь полна неясных звуков, причудливых образов и соблазнов.

— Чудачок, — хриловато рассмеялась Гера. — Как ты отсюда выберешься? Первый автобус — в шесть утра. А я за руль не сяду. — Я тебя заманила в западню и взяла в плен. Но уничтожать пока не буду — не время.

— Мама очень беспокоится, — беспомощно сопротивлялся Алексей. — Сидит и ждет.

— Позвони по телефону. Чего проще. — И, заметив, что Алексей колеблется, добавила: — Спать ты будешь в моей комнате, где раньше был дедушкин кабинет. Кстати, моим родственникам я вообще туда входить запретила — не достойны. Я им недавно много чего запретила, — загадочно протянула Гера.

Они поднялись на второй этаж.

— Звони. Сочини, что задержался на работе. Нет, лучше скажи правду — остался ночевать у симпатичной девушки Геры. Пусть твоя мама узнает мое имя.

Ганна Ивановна взяла трубку сразу, она ждала и волновалась.

— Мама, — неловко проговорил Алексей, — я задержался, извини.

— Где ты?

— За городом, на даче, у Геры. Приеду прямо на работу, я в норме, и у меня все в порядке.

Он повесил трубку. Гера чмокнула его в щеку.

— А я загадала, — сообщила она. — Соврешь ты или нет? Настоящий ты или так себе? Спокойной ночи, мой дорогой сыщик!

Уже у двери она чуть обернулась, с вызовом проговорила:

— Своей мамаше я на полном серьезе сообщила, что у меня уже есть жених и работает он в госбезопасности. Так что пусть не суетится со своим торгашом.

Алексей от изумления опустил на стул.

— Оставляю тебя в одиночестве, сыщик. Проанализируй информацию. Дверь в свою комнату оставляю открытой.

— Не надо, Гера, — нерешительно проговорил Алексей.

— Очень уж ты правильный человек, дорогой Алешенька. Прямо кошмар и катастрофа с таким, как ты. Боюсь, сбежишь потихоньку отсюда на рассвете.

Алексей хотел ей что-то сказать, но девушка решительно повернулась и через плечо, уходя, бросила:

— Не нервничай, сыщик, все нормально. Утром уедем вместе.

Утром они уехали вместе. Гера была беззаботной, улыбочивой, словно это не она глубокой весенней ночью спрашивала с тоской: «Как жить, скажи?»

На работу Алексей не опоздал, первым делом позвонил маме. Ганна Ивановна ни о чем его не стала спрашивать, только сказала:

- Тебе письмо пришло.
- Откуда?
- Из Берлина.

Алексей едва дождался вечера.

На конверте был штамп Союза свободной немецкой молодежи, и Алексей вскрыл его с большим волнением. Письмо было написано на русском. «Уважаемый товарищ Черкас! Наш общий друг Ганс Каплер рассказал нам о Ваших поисках, а потом мы получили от Вас копии писем Ирмы Раабе. Мы глубоко уважаем те чувства, которыми Вы руководствуетесь. Как и Вам, нам бесконечно дорога память о мужественных советских солдатах, освободивших нашу Родину от гитлеровского фашизма. Наш Союз постоянно заботится об укреплении советско-немецкой дружбы.

Нам удалось установить, что Ирма Раабе в 1945 году вместе с матерью выехала из Берлина, предположительно в Мюнхен. Дальнейшая ее судьба нам неизвестна. Бывший фельдфебель Вилли, о котором упоминается в письмах Ирмы, хорошо известен в нашей стране. Это товарищ Вилли Биманн, партийный работник и публицист, сделавший много для строительства новой Германии. К сожалению, он не так давно скончался после тяжелой болезни, прилагаем некролог, напечатанный в газетах. Мы постараемся выяснить у семьи Биманна, не оставил ли он дневники или мемуарные записи о событиях, которые Вас интересуют. Товарищи по работе Вилли Биманна подтверждают, что видели у него

благодарность Советского командования за спасение офицера.

Зная, что Вы не будете возражать, мы сообщили эти сведения Гансу Каплеру. Надеемся, что он сможет отыскать дальнейшие следы Ирмы Раабе в своей стране. Напишите нам, как развиваются Ваши поиски.

С дружеским приветом, Гертруда Бауэр. Берлин».

Алексей долго сидел над этим письмом, написанным неизвестной ему, но весьма обязательной Гертрудой Бауэр. Почему Ирма Раабе выехала в Мюнхен, относившийся к американской зоне оккупации? Что заставило ее решиться на такой шаг? Или кто? По логике, перед которой преклоняется Ганс, она должна была оставаться там, где встретила капитана Адабаша и где по достоинству оценили ее благородный поступок. Почему же уехала? Это, надеялся Алексей, выяснит Ганс.

Наметились некоторые сдвиги и в розыске предателей, участвовавших вместе с гитлеровцами в уничтожении Адабашей. В показаниях бывшего полицейского Танцюры майор Устиян отчеркнул несколько фраз красным карандашом:

«Вспоминаю, как летом 1942 года, точнее не помню, нас прикомандировали к особой зондеркоманде «Восток» для уничтожения сел и их населения, связанного с партизанами. Операция эта носила кодовое название «Свинцовая роса». Командовал всем эсэсовец по кличке Коршун, фамилия его мне неизвестна».

Алексей прочитал эти строки и весь напрягся — Коршун...

Танцюра, бывший полицейский, долго скрывался под чужим именем. Он сменил все: документы, биографию, место жительства, привычки, семью... И все-таки через много лет его разыскали и вместе с группой сообщников предали суду. Суд состоялся там, где он палачествовал, в местах, расположенных за несколько сот километров от родного города Алексея. В ходе следствия, выгораживая себя, Тацюра назвал ряд новых фактов злодеяний гитлеровцев, а также имена или клички тех, кто в них участвовал.

Поскольку в показаниях Танцюры фигурировали села Таврийской области, они были направлены и в Таврийск. Вообще, насколько мог заметить Алексей, зондер-

команда «Восток» действовала на большой территории, много передвигалась, появляясь там, где начинало активно действовать партизанское подполье. Каратели налетали внезапно, выбивали население, сжигали села, и исчезали, оставив после себя пустыню...

Следователь, который вел допрос Танцюры, обратил внимание на то, что полицейский назвал ранее не встречавшегося в документах карателя, и стал уточнять:

— Откуда вам известно, что это кличка — Коршун?

— Так к нему обращались немцы, они называли его Гайером.

— Точнее: как именно? Господин Гайер?

— Нет, не так буквально. Обычно говорили: «Коршун приказал...» или: «Прилетит Коршун и начнем...»

— Прочитайте вот это... Здесь перечислены места, где производились расстрелы... Прочитайте и назовите те, которые не указаны, но вам известно, что там тоже проводились карательные акции.

— Село Лесное, усадьба совхоза «Заря» и Адабаши.

— Откуда это вам известно? Вы принимали участие в этих расстрелах?

— Да. Стоял в оцеплении. Эти три населенных пункта были уничтожены в один день.

— Кем?

— Зондеркомандой «Восток». Коршуном.

— Он и полицейским отдавал приказы?

— Нет, что вы... Нас для этой акции согнали из нескольких полицейских управ и подчинили одному из помощников Коршуна.

— Вам известны фамилия и имя этого человека? Что о нем вообще вам известно?

— О нем знаю очень мало. Только то, что он добровольно сдался в плен, был недолго в лагере, любил одеваться в черное, даже если это была штатская одежда. Рубашки, например, носил только черные. Себя он называл Ангелом смерти. Мол, где я появлюсь — там всегда смерть...

— Продолжайте...

— Я ничего не скрываю, гражданин следователь, все действительно так и было. Нас, полицейских, свезли на сборный пункт, построили, из дома вышел Ангел, он был сильно выпивши, заорал: «Свиньи, как стоите перед обер-лейтенантом?»

— Обер-лейтенантом?

— Да, он так кричал... Он и в самом деле был в офицерской форме. Потом подошел к крайнему на правом фланге и ударил его кулаком...

— Зачем?

— Чтобы мы, значит, прониклись... И потребовал, чтобы все его приказы исполнялись безоговорочно. На крыльце стояли немцы, в том числе и Коршун, они смеялись, когда Жора муштровал нас. Коршун не смеялся, он вообще никогда не смеялся.

— Вы сказали: «Жора»?

— Это было его имя. Жора, Георгий...

— А фамилия?

— Я не знаю... Дело в том, что обычно крупные каратели держали свои фамилии в тайне. Так, на всякий случай.

— Откуда тогда вам известно его имя?

— От других полицейских. Помню такой разговор: этот Жорик совсем бешеный, злобой давится. А Коршуну нравится, что он убивает всех подряд.

— Вам известна дальнейшая судьба этого Жоры?

— Нет, я видел его только во время этой акции.

— Как он выглядел? Опишите.

— Чуть старше двадцати, невысокий, даже низкого роста, нос прямой, глаза всегда налитые злобой, на лице оспинки, волосы темные, вьющиеся, вроде завитку делал. Наружность у него, помню, была привлекательная. И еще — дерганый, нервный. Полицейские шептались, что во время акций он обычно высматривает себе девушку, выделяет из толпы смертников для вечерних развлечений. Но потом тоже добивает. Но одну он вроде бы всюду возил за собой, и Коршун этому не препятствовал.

— Вам она известна?

— Нет. Ничего о ней показать не могу.

— Вы подробно описали Жору. Почему вы так хорошо его запомнили?

— Я ж и был тем полицейским, на правом фланге, которого он кулаком... Рассмотрел.

— Что еще можете вспомнить?

— Вот — маленькую родинку под правым глазом. Вроде точки такой.

— Значит, вас привезли в Адабаши...

— Нет, сборным пунктом была центральная усадьба совхоза «Заря». В Адабаши мы приехали утром.

Танцюра далее очень подробно рассказал о том, как проводилась акция. Так Алексей узнал подробности гибели рода Адабашей: вот их сгоняют на сельскую площадь, строят в колонну, ведут, добивают беглецов, выстраивают у противотанкового рва...

— Вы нашли бы сейчас место расстрела?

— Нет, конечно. Столько лет прошло.

— Неужели могли забыть? Ведь расстреляли почти двести человек.

— Я, гражданин следовательно, много разного в те времена посмотрелся. Если бы все запоминал — давно бы не выдержал, тронулся.

Неизвестный коллега Алексея, допрашивающий Танцюру, зафиксировал в протоколе и ответ преступника о том, что делал Коршун во время акции: «Он отдавал приказы, и еще ему нравилось стрелять по бегущим. Стрелял он очень метко».

Адабаши... Танцюра участвовал в расстреле жителей села Адабаши. И опять Коршун...

Алексея вызвал к себе майор Устиян.

Майор Устиян задумчиво перекладывал на столе папки, листки бумаги, какие-то брошюры. Это у него была такая привычка: когда требовалось сосредоточиться, майор начинал наводить порядок на своем письменном столе. Или точил карандаши.— Докладывайте,— сухо вато предложил Устиян.

— Не о чем пока... Никаких следов.

— Они есть, Алексей, просто мы пока их еще не нашли. Избитая истина: любой преступник оставляет следы. Бывает, конечно, что все замечается тщательно — ни соринки. Однако не в нашем случае. Расстреляны сотни людей, в акциях участвовали десятки карателей.— Майор закончил свои размышления уверенно.— Надо найти эти следы. Оставьте другие дела, займитесь только этим. Прошу вас в течение трех дней разработать план оперативных мероприятий по розыску преступников.— Учтите,— строго проговорил Устиян,— это задание на контроле у генерала Туршатова. Мы не должны допустить, чтобы виновные в гибели многих людей ушли от наказания.

— Да может, их и в живых нет уже! — вырвалось у Алексея.— Сорок лет прошло, целая эпоха!

— Но ведь выжил, уцелел Танцюра? — Майор нахмурился, он болезненно воспринимал то, что не установлены каратели, учинившие расправу над мирным

населением на территории их области, и даже неизвестно, где захоронены жертвы.

— Учтите, Алексей, у нас есть правило: мы перестаем искать военного преступника, фашистского пособника только в том случае, если убеждаемся, что он мертв.— Слова его прозвучали жестко. Майор поднялся из-за стола.— Жду вас через три дня.

Это время Алексей потратил на то, чтобы снова самым тщательным образом изучить все, что имело хоть какое-то отношение к злодеяниям оккупантов на территории области, просмотреть материалы судебных процессов над предателями Родины, которые прошли ранее. Под многими документами, изобличающими преступников, он встретил подпись майора Устияна и проникся искренним уважением к своему начальнику — как тот настойчиво, целеустремленно, даже одержимо проводил розыск.

Вот он какой, Никита Владимирович. И Алексей мысленно извинился перед ним за то, что, когда увидел впервые, в мешковатом штатском костюме, полноватого, медлительного, в круглых, давно вышедших из моды очках, окрестил про себя «бухгалтером». А оказывается, у этого «бухгалтера» был свой особый счет, и война для него не окончилась в 1945-м, он продолжал преследование каждого несдавшегося врага до того рубежа, на котором звучат суровые слова: «Встать! Суд идет!»

В архивных документах Алексей несколько раз наталкивался на упоминания о злодеяниях, совершенных зондеркомандой «Восток». Но странное дело, нигде не называлась фамилия ее начальника, его звание или номер команды, как это было положено. «Зондеркоманда «Восток» прибыла в населенный пункт...» Или: «Зондеркоманда «Восток» полностью выполнила поставленную перед нею задачу по очищению данной территории от нежелательных элементов...» Или, допустим, в приказе: «Зондеркоманде «Восток» обеспечить абсолютный порядок в зоне, прилегающей к штабу дивизии...» Этот приказ появился после того, как партизаны выкрали штабного офицера с секретными бумагами. Стиль и особенности некоторых документов подсказывали вывод, что «Восток» — это шифрованное название какой-то особо важной, мобильной группировки карателей, которую немцы пускали «в дело» в особых случаях.

Можно было предположить также, что Коршун был предусмотрительным мерзавцем — заботился о том, чтобы его фамилия не значилась в отчетах об акциях. Конечно же, его на территории нашей страны нет — это ясно. Тогда где он мог найти прибежище? Одно из двух — или погиб, или... Мысль о том, что любитель стрельбы по убегающим детям мирно и тихо коротает старость в одной из капиталистических стран, казалась Алексею нелепой. Но так может быть, сколько их еще обитает на Западе — военных преступников. И имена известны, и адреса, и преступления доказаны, но...

Кто знает, может быть, и Коршун свил свое гнездо в одной из тех стран, правители которых преступления нацистов почитают за доблесть? Алексей отнесся к разработке плана действий очень серьезно, и майор Устиян одобрил его.

— Вы правильно считаете, что прежде всего надо установить, кто такой Ангел и что с ним сегодня. Гораздо больше шансов на то, что Ангел не сбежал на Запад, а укрывается здесь. Через него, возможно, удастся выйти на след Коршуна.— Еще Устиян посоветовал:— На вашем месте я обязательно побывал бы в Адабашах. Мне порою кажется, что земля дольше слышит боль и стоны тех, кто нашел в ней успокоение.

Слова эти прозвучали несколько литературно, но Алексей хорошо их понял и запомнил. Настроение у него в эти дни было не из самых радужных. В самом деле, время идет, он перевернул горы архивных документов, беседовал с десятками людей, а результаты пока почти на нуле.

Еще Алексей думал, что нужна особая душевная закалка для того, чтобы без срывов работать с архивными документами. Прочитав, например, показания свидетелей об уничтожении зондеркомандой «Восток» населения деревеньки Лесное, он несколько дней не мог успокоиться, ему виделось...

Вот каратель швырнул на землю женщину, ударил ее сапогом, бросил на нее грудного ребеночка — одной пулей убить двоих...

...Вывели из хаты семью, дед идти сам не может, дочь его почти несет, поставили у стены, спорят на бутылку самогона, можно ли их всех семерых одной автоматной очередью прикончить...

...Подбросили и поймали на штык ребеночка, а со

штыка — в груду тел, сочащуюся кровью, стонами, болью и ненавистью...

Алексей все это не просто видел, ему казалось порою, что это его поставили у стены, что это он выкрикивает слова проклятий в той груде тел.

— Не могу я спокойно читать об этих зверствах, о том, что творили с людьми, — пожаловался он майору Устиану.

— И не надо... спокойно. Когда перестанет вас трогать чужая боль — пишите рапорт и ищите другую работу.

Прав, конечно, майор Устиан. И хорошо это он советует — съездить в Адабаши. Но вначале надо встретиться с Танцурой...

Танцюра оказался низеньким благообразным старичком, смиренно дождавшимся разрешения сесть, так же смиренно попросившим сигарету. Впервые в своей жизни Алексей оказался лицом к лицу с преступником, да еще такого масштаба. Судили Танцюру вскоре после отмены смертной казни, дали ему двадцать пять, так что в этом плане бывшему полицейскому, можно сказать, повезло — уцелел, выжил и теперь судорожно, напругая оставшиеся силенки, цепляется за жизнь, потому что не так давно всплыли новые факты из его прошлого и снова он оказался на скамье подсудимых, проклиная себя за то, что тогда не выложил сразу все.

Алексей очень тщательно готовился к встрече, заранее разработал вопросы, даже попытался определить, в каком тоне вести допрос.

И вот вошел Танцюра, от двери низко поклонился, упрятав в сеточку морщин маленькие глазки: «Доброго вам здоровья, гражданин начальник». В большой пустой комнате, в которой только и были стол, стул, табурет, голос его прозвучал приглушенно, отозвался слабым эхом в углях.

— Идите,— разрешил Алексей конвоиру.

Танцюра сел, сложил руки на коленях, с готовностью быть полезным уставился на Алексея.

— Молоденький какой,— проговорил он,— а мой сын постарше.

Танцюра бежал вместе с оккупантами, уже на территории Германии обокрал убитого нашего солдата, присвоил его документы, форму, личные вещи. Воспользовался суматохой и лихорадочной спешкой непрерывного наступления, полевым военкоматом был направлен в одну из частей. И через какое-то время Танцюра уже считался боевым фронтовиком, который в огонь не лезет, но и от огня не бежит. К медалям, украденным у убитого, прибавились новые. В одном из боев его ранило и, почти в беспамятстве, он выбросил все докумен-

ты, оставив только «знак смерти» — капсулу с фамилией, именем, отчеством, придуманным адресом несуществующих родных. В госпитале ему выдали новые документы, и он впервые облегченно вздохнул — теперь-то он окончательно расстался со своим прошлым. О нем он старался не вспоминать, чтобы ненароком не выдать себя. И кошмары его не мучили, не терзали, лишь время от времени видел он в полузабытии одно и то же: вот стоит в немецком мундире без погон, на рукаве повязка, в руках карабин. Крепко стоит на земле, день хороший, и облава на партизан прошла удачно — слава богу, не встретили партизан, только пристрелили какую-то бабу с ее крикливым щенком. Пронесло на этот раз. И оказана ему великая честь: фотографирует его немецкий фотограф для какой-то газеты. Ради такого случая сожительница вычистила мундир, он надраил пуговицы и бляху на ремне. Немец ставит его так, чтобы фоном служила сгоревшая хата и читалась табличка: «Здесь жила семья партизана». Знает Танцюра, никакая партизанская семья там не жила, а дом этот принадлежал сельскому врачу Клямкину, еврею. Всю семью Клямкиных увезли в гетто, а соседка Ганка из бывших комсомолок, в суматохе увела к себе маленькую дочку врача. Танцюра видел это, но промолчал на всякий случай. И вот пригодилось. Немец-фотограф поворачивает его и так и этак, но недоволен, ворчит, снимок не лепится, не хватает остроты. Тогда Танцюра жестом просит повременить, шагает в соседнюю хату, выволакивает девочку с куклой — как он и предполагал, прятали за печкой. И ведет ее туда, где ждет фотограф: к сгоревшему дому и колодцу перед ним.

— Еврейка,— тычет он толстым пальцем в девочку с куклой, и фотограф возбужденно забегал вокруг девочки,— юден мэдхен,— продолжает Танцюра,— сейчас мы ее...

Он усаживает девочку под срубом колодца, на приступку, на которую ставят ведра, отходит метра на три, прикидывает, удобно ли стрелять.

— Не убивайте меня, дядя,— еле слышно пищит девочка.

— Что ж ты делаешь, ирод? — отчаянно кричит прибежавшая Ганка. Танцюра отмахивается, он занят, не до нее. Вот вечером заглянет, скажет: «Раздевайся, а то за укрывательство...»

Фотограф суетится, сонная одурь, навеванная летним

днем и этим идиотом в полицейском мундире, слетела. Танцюра поднимает винтовку, девочка закрывает глаза ручками, кукла падает, она ее хочет поднять, но боится отнять руки, потому что увидит ствол винтовки.

— Не так,— кричит фотограф. Оказывается, солнце должно светить с другой стороны, иначе снимок не получится. Танцюра пересаживает девочку и снова поднимает винтовку...

Алексей видел этот снимок в материалах судебного процесса. Там же был и второй — девочка лежит возле колодца в крови, рядом с нею кукла, у которой на фарфоровом лобике тоже аккуратная дырочка.

На том снимке Танцюра выглядел невысоким, коренастым, словно пень на ровном месте. И вот он сидит перед ним, прошло сорок лет, поседел, еще больше укоротился, тихий, смиренный, хоть икону с него пиши. Но икона не получится, глазки подводят — злые, острые, в них — ненависть.

После отбытия первого срока, укороченного амнистиями, он поселился в новых местах, обзавелся семьей. Дети не только ничего не знали о его прошлом, но гордились им — на видном месте в горнице была фотография: Танцюра в солдатской форме, сержантские нашивки на погонах, медали на груди, пилотка со звездочкой лихо сдвинута на бровь.

Минуло сорок лет, и прошлое обрушилось на него тяжестью всех совершенных им преступлений. А он считал, что с прошлым покончено навсегда, мертвые молчат. Но... Случайная встреча с одной из уцелевших жертв, тяжелейшая работа многих людей по установлению истины — ждет теперь его новый приговор.

Нет, прошлое не проходит бесследно, оно навсегда остается с человеком, это только кажется, что от него можно откупиться, отказаться, отделаться. Невозможно это.

И прошлое нельзя расстрелять, как расстреливал Танцюра и ему подобные сотни людей, как убил он и Ганку — ведь она видела и запомнила то, что видела. Ганку он отвел к речному обрыву, выстрелил из пистолета в затылок, а труп толкнул в речку — пусть унесет течение подальше отсюда, концы в воду.

— Спрашивайте, гражданин начальник,— проговорил Танцюра,— чем смогу — помогу правосудию.

Алексей удивился: надо же, такое самообладание и

такая наглость. Вот уж воистину горбатого могила исправит.

— Вы показали, что участвовали в уничтожении жителей села Адабаши.

— Нет-нет,— замахал руками Танцюра,— я не стрелял. Тогда меня назначили в оцепление.

— Расскажите подробнее, как все это было.

— Так я уже рассказывал все другому следователю, который мое дело вел. Но если интересуетесь... Значит, собрали нас, полицейских, из разных сел и местечек, на центральную усадьбу совхоза «Заря». Богатый был до войны совхоз, даже электричество в дома провели. Ночь мы переночевали там, а утром нас построил Ангел и муштровал. Потом мы приехали на грузовиках в Адабаши. Согнали всех людей и повели. Меня назначили в оцепление, чтобы, значит, никто не выскользнул. Был и такой приказ: если кто-то будет приближаться, случайный человек или партизан какой — тоже стрелять.

— Вас где поставили? — спросил Алексей.

— А на пригорке таком. Мне оттуда хорошо все было видно, как на ладони. Жара еще в тот день стояла, после дождей, значит.

— Вы помните, как все происходило?

— Разве такое забудешь?

И Танцюра начал обстоятельно рассказывать, как его и два десятка других полицейских заранее привезли на машине к месту расстрела, а другие полицейские гнали колонну людей. Командовал старший полицейский Демиденко, а наблюдал за тем, чтобы все было правильно сделано, немецкий унтер-офицер. Полицейских из оцепления развели по точкам, приказали смотреть в оба.

Жителей Адабашей выгнали за село. Впереди шел самый старый из них. Он опирался на суковатую длинную палку, но шаг у него был легкий. Танцюра удивился, какая у него седая борода и словно каменное лицо. Приезжали и уезжали грузовики, они привозили карателей, водку и пиво для них, бидоны с известью. Потом прибыл лично оберштурмбаннфюрер Коршун. После этого и начали.

— Я только стоял в оцеплении, гражданин начальник. Мне было жалко тех, которых убивали, но что я мог сделать?

Огромным усилием воли Алексей взял себя в руки, вслушался — Танцюра спокойно рассказывал:

— Старик был в первой десятке, сам пошел к яме. Ангел стал против него, метров за десять, поднял ствол автомата, заорал: «Молись, партизанский апостол! На колени!» Дед ничего не ответил, будто и не видел его вообще, поклонился всем своим в пояс, проговорил: «Прощайте, люди». Спокойно так сказал, и лицо у него было будто из камня.

Танцюра не скупился на подробности, он рассказывал все так, словно расстрел происходил совсем недавно. Алексей догадывался, почему Танцюра сыплет словами: в этой акции он «только» находился в оцеплении, не стрелял, потому и вины за собой не чувствовал — демонстрировал сейчас чистосердечное раскаяние. После приговора Танцюра в установленный срок обратился с ходатайством о помиловании и теперь ждал ответа.

— Что вы видели со своего пригорка? — спросил Алексей.

— Речку вдали... Поля и луга... Село горело, Адабаши. До него было километров с пять, не больше, а может, и меньше. Противотанковый ров прямо перед собою видел. И люди стояли на краю того рва.

Танцюра морщил лоб, вспоминая. Он уставился в одну точку, не мигал, изображал старание, хотя Алексей мог поклясться, что он и так все помнит: разве можно такое забыть?

— На каком расстоянии находился от вас этот ров?

— Метров за пятьдесят. Мне хорошо все было видно, даже лица тех, кого убивали.

Алексею хотелось спросить, просил ли кто-нибудь из расстреливаемых о пощаде, но он сдержал себя, не стоило проявлять свои чувства перед мерзавцем. Но Танцюра словно угадал невысказанный вопрос:

— Они умирали молча. Хоть бы один встал на колени или закричал, запричитал! Это больше всего и бесило Ангела. Под конец он совсем осатанел, даже пузырьки на губах выскочили.

После долгого молчания Алексей задал новый вопрос:

— На том пригорке, где вы стояли, росли какие-нибудь деревья, что-нибудь вообще там было?

— Дубок... Невысокий такой. Я еще обрадовался, что там выпало оцепление нести, надеялся в тенечке постоять. Но Демиденко выгнал меня на самое солнце.

— Что вы можете сказать о судьбе этого полицейского, Демиденко?

— А она вам должна быть лучше меня известной. Его взяли после войны вслед за мной, в сорок седьмом и, как я слышал, тоже определили на двадцать пять. Если не помер, то уже давно отбыл срок, где-нибудь тлеет, доживает дни.

— Вы смогли бы сейчас опознать место расстрела?

Танцюра в сомнении покачал своей кругленькой, как тыква, головкой.

— Среди других полицейских были ваши знакомые?

— Один был... Но его партизаны почти сразу повесили.

— Как выглядел Коршун?

Танцюра немного оживился:

— О! Это был еще тот ариец! Высокий, прямой, худощавый, глаза серые... Когда шел, смотрел прямо перед собой. Вышагивает и голову не повернет, мы для него — быдло. Кобура пистолета всегда расстегнута, на мундире крест.

Алексей спросил:

— Сколько вам заплатили после этой... акции? Только начистоту, Танцюра!

— Нам не марками заплатили, — поперхнувшись, ответил бывший полицейский. — Нам разрешили в вещичках покопаться.

ПРИГОВОР ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ НЕ УДАЛОСЬ

— Значит, в вещичках им разрешили покопаться? — недобро переспросил майор Устиян, когда Алексей докладывал о «беседе» с Танцурой. — Была, была у гитлеровцев такая форма оплаты труда палачей. — А марки — себе... Грабил рейх всех подряд, в том числе и пособников своих.

— Танцюра сейчас тихий и смирный, — сказал Алексей. — Даже как-то не верится, что он убивал, что это он — на снимке фашистского фотографа.

Алексей спросил то, о чем не раз думал в эти дни:

— А если бы ему снова автомат в руки? Как вы думаете, Никита Владимирович?

— Не знаю, — после затянувшейся паузы сказал майор. — Понимаете, Алексей, вы их видите только, так сказать, в одной ипостаси: постаревших, сломанных, отполировавших скамьи подсудимых. А мне доводилось встречаться с танцорами и тогда, когда в их власти находились тысячи беспомощных и беззащитных людей, когда они «гуляли» с автоматами и могли убивать только за то, что им не понравился взгляд человека.

— Танцюра упомянул старшего полицейского Демиденко...

— Демиденко мы найдем, — уверенно сказал майор Устиян. — Не так уж это и сложно. А пока придет ответ на наш запрос, попробуйте разыскать участников боев в тех местах в сорок первом году.

— Зачем? — удивился Алексей.

— Фронтовики обычно очень хорошо помнят землю, на которой в бой шли. Надо установить место расстрела. Это очень важно, без этого невозможно даже предъявлять обвинение бывшим карателям, когда мы их отыщем.

Алексей отправился в областной Совет ветеранов. Пожилые люди, орденские планки которых внушали уважение, внимательно выслушали Алексея, принесли

карту области, уточнили по ней, где находятся Адабаша, попросили заглянуть через несколько дней. Однако когда Алексей снова пришел к ветеранам, ничем обнадежить они не смогли. Наши войска действительно вели здесь кровопролитные бои, но среди ветеранов области не было никого, кто бы в них участвовал.

Один из ветеранов подал совет:

— Обратитесь в партийный архив.— И, заметив, что молодой лейтенант не понимает, зачем это надо делать, терпеливо, по-стариковски назидательно объяснил: — Видите ли, молодой человек, в начале войны я был секретарем райкома КП(б)У. Помню, пришли ко мне военные. Враг близко, говорят они мне, не сегодня завтра война докатится и сюда, к вам. Я это и сам понимал, уже шла эвакуация, стада угоняли на восток, в глубокой тайне готовили базы для партизанской войны, отбирали для нее стойких людей.

Ветеран примолк, то ли задумался, вспоминая свою молодость, то ли хотел убедиться, что молодой лейтенант слушает его внимательно и ему понятно, о чем идет речь.

— Дни это были страшные, доложу я вам. Все в них смешалось — мужество и трусость, вера в победу и паникерство, золотой цвет богатейшего урожая и горький дым близких пожаров. Представляете, я каждый день встречался с десятками людей и все думал: кто из вас уцелеет, выживет, мои дорогие, а кому суждено голову сложить за Отчизну?

Алексей слушал ветерана и тоже думал о том, какими мелкими и ничтожными становятся иные из нынешних треволнений, если посмотреть на них с высоты великих испытаний, которые выпали в прошлом на долю страны. И как быстро склонны мы забывать то, что не имеем права забыть, сколько бы лет ни прошло, как легко позволяем ничтожным субъектам обдѣлывать свои ничтожные делишки в нашей нынешней жизни, доставшейся нам такой тяжелой ценой. Вот, к примеру, окружение Геры... «Дело», видите ли, у типа, которого ей навязывают в мужья. «Дело» — воровство, разложение, на рубль зарплаты — украденная десятка. И ведь процветают, летают по субботам в Сочи или на Рижское взморье, покупают на ворованное те блага, которые пока недоступны честному человеку. Чем такой ворюга отличается от труса и предателя времен войны? Надо

будет поговорить об этом с Никитой Владимировичем, а то как бы совсем не запутаться.

— Вы слушаете меня, товарищ Черкас? — неожиданно спросил ветеран, прервав свои воспоминания.

— Конечно! Просто попытался представить то время. Ваше время... Продолжайте, пожалуйста.

— Знал я и то, что район придется оставлять врагу. Партия, — он пристально взглянул на Алексея удивительно живыми глазами, — в те отчаянные дни поставила перед нами задачу: строить оборонительные рубежи, копать противотанковые рвы, окопы, траншеи, помочь армии остановить врага. Райком поднимал на это дело народ. Технику колхозную использовали, а перед самым приходом супостатов сожгли ее, уничтожили. Да-да, врагу мы ничего не оставили. Так вот, военные и дали мне схему линии обороны, с грифом «совершенно секретно». Она была нужна хотя бы для того, чтобы знать, где и что копать. Схема была в делах райкома, и вместе с другими документами ее вывезли во время эвакуации. Я ее уже после войны нашел в архиве — документ истории... Понимаете, молодой человек? И в вашем случае соответствующие документы могли сохраниться, если, конечно, обстановка не сложилась так, что пришлось их немедленно уничтожить.

Ветеран был еще крепким человеком, годы потрепали его, но сладить с ним не смогли — он выглядел бодрым, полным энергии, искренне старался помочь Алексею советом.

— Дельное предложение, — одобрил Устиян, которому Алексей доложил о своем визите к ветеранам.

Несколько дней Алексей проработал в партархиве. К сожалению, дела интересующего его райкома не сохранились, были уничтожены в связи со стремительным наступлением немцев. Алексей представил себе, как это было: ночь, дальняя канонада, грузовик с заведенным мотором ждет райкомовских работников, подбросит их к лесному массиву, а дальше уже пойдут они к заложенным базам, начнут свою партизанскую жизнь. Ждет их грузовичок, а они листик за листиком сжигают документы, и сажа черными хлопьями кружится в свете костра.

Но он не считал, что потерял время. Хранящиеся документы рассказывали о невероятном напряжении первых месяцев войны, мужестве людей, о том, как коммунисты поднимали народ на священную войну с захватчиками.

«Слушали: о возможной оккупации района гитлеровскими войсками. Постановили: коммунисты колхоза в любой обстановке выполнят свой долг до конца. Считать, что долг выполнен только в том случае, если коммунист убьет хотя бы одного захватчика».

Так гласила выписка из заседания бюро одного из райкомов КП(б)У.

Еще одно решение:

«Слушали: о переходе партийной организации к подпольной борьбе.

Постановили: считать оставшихся в районе коммунистов и комсомольцев ядром партизанского отряда «Мститель». Одобрить предложение бюро по формированию отряда...»

При чтении таких документов словно бы вставало то далекое время, когда не было у людей иных мыслей — только о том, чтобы выстоять и победить.

Он встретил в архивных делах и такой документ:

«Решение народного схода села Ключевое.

Рассмотрев на народном сходе обвинения, предъявленные старосте Демчуку Г. П. в измене Родине, мародерстве, издевательствах над односельчанами, в доносах оккупантам на скрывающихся активистов Советской власти, постановили:

По всем пунктам предъявленных обвинений признать Демчука Г. П. виновным и приговорить к высшей мере наказания.

Повесить изменника Родины немедленно».

И повесили его немедленно, о чем свидетельствовала приписка на этом документе. В делах партизанских отрядов — а их на территории области действовало несколько — было немало приговоров предателям Родины, «гнусным живодерам», как говорилось в одном из них.

Когда Алексей уже потерял надежду найти хоть что-нибудь, имеющее прямое отношение к розыску, который он вел, внимание его привлек документ, в уголке которого была помета: «Исполнить не удалось». Это тоже был партизанский приговор, подписанный тремя лицами: командиром, комиссаром партизанского отряда «Мститель» и секретарем подпольного райкома партии. «Мститель» был отрядом, в котором воевали Егор Иванович и Ганна. Он действовал на севере области, вдали от Адабашей, часто уходил в дальние рейды, материалы о нем были рассеяны по архивам ряда областей, это Алексей знал. Но по каким-то причинам пожелтев-

ший листок бумаги, вырванный из колхозной конторской книги, оказался именно здесь, в их архиве. Такие случаи называются везением.

Приговор был вынесен обер-лейтенанту (фамилия неизвестна) по кличке Ангел смерти. Этот изменник, говорилось в приговоре, принимал участие во многих карательных акциях гитлеровцев, лично расстрелял десятки людей, садистски пытал захваченных партизан и коммунистов. Назывались села, в которых он свирепствовал, фамилии партизан и подпольщиков, расстрелянных палачом. Он являлся, прочитал далее Алексей, ближайшим помощником и сторожевым псом начальника подвижной зондеркоманды, зашифрованной под названием «Восток». В задачи этой команды входило молниеносное уничтожение действительных или возможных очагов партизанского сопротивления.

Алексей снял копии с этого и ряда других документов, познакомил с ними майора Устияна.

— Видите, а вы говорили, что нет никаких следов.— Никита Владимирович был доволен работой:— Вот и появился следочек, который и на тропинку может вывести. Скажите, а вам не скучно рыться в старых архивных делах, ворошить, то, что давно стало прошлым?

Он подошел к окну, подозвал Алексея к себе.

— Чтобы вы лучше поняли мой вопрос, поясню на примере... Посмотрите на улицу, идут люди с работы, много молодых. Видите, какие у них беззаботные лица? Вот та пожилая женщина, в войну ей было лет пятнадцать, не больше, явно устала, да и сумка у нее тяжеловата, но на лице нет следов печали и тревог. Или молодые люди — он и она — явно влюбленные, видите, даже на расстоянии читается, как они рады жизни... Какое им и тысячам других людей дело до Коршуна, общипанного жизнью Ангела, до всех тех мерзавцев, которые как шакалье набросились на народ в дни военных поражений? Все это было, но уже давно наступили новые времена, и, может, только мы с вами вспоминаем нынче коршунов и ангелов...

Майор Устиян говорил все это немного грустно, искренне, будто и свои сомнения проверял, хотя Алексей готов был с абсолютной уверенностью утверждать, что никаких сомнений и колебаний у майора не было, просто он как бы со стороны пытался всмотреться в то, чем занимался много лет и что на профессиональном языке именовалось строгим словом «розыск».

— Так не пойдет, Никита Владимирович,— решил возразить Алексей,— продолжение ваших мыслей могло бы быть вот каким...— Алексей недолго подумал и в тон Устияну проговорил:— Да, Ангел совершил тягчайшие преступления, но прошло уже сорок лет, если он уцелел, что мало вероятно, то стал совсем другим человеком. Биологи и медики утверждают, что за такой срок человек полностью меняется, у него даже состав крови становится иным, чем был. Что же, пусть доживает свой век Ангел, если он еще жив, месть не в нашем национальном характере, мы люди великодушные, тем более что новых пакостей он не учинит, не способен даже на пакости, да и время совсем иное, не дадут ему их совершить. Так?

Никита Владимирович с интересом посмотрел на Алексея:

— А вам, оказывается, палец в рот не клади, ишь как повернули!

— Но вы-то сами так не думаете, вы хотите знать, что думаю я. Вот как я понимаю ваш вопрос...

— Что же, вы разгадали мой тактический ход, мудреете, лейтенант.

— Когда я начал работать вместе с вами,— сказал Алексей,— действительно, у меня иногда такие мысли появлялись. Не скрою, я много думаю об этом и сейчас, но в ином направлении. Что изменилось? А вот что. Мама в свое время рассказала мне о трагедии Адабашей, передала наказ Егора Ивановича. Все это носило в какой-то степени личный, семейный характер. Конечно, речь не шла ни о какой кровной мести или о чем-то подобном. Ибо те, кто расстрелял Адабашей, не только враги моей семьи, но и враги нашего народа. И, конечно же, я ни минуты не сомневался, что обязан их разыскать и, если бы это удалось, передать в руки правосудия, чтобы это была не месть, но возмездие.

— Это вы очень точно сказали, лейтенант,— согласился Никита Владимирович.

— И вот прошло несколько месяцев работы у вас... у нас... — поправил себя Алексей.— Сейчас я знаком с десятками, сотнями документов о зверствах гитлеровцев, пустивших в распыл, предавших огню тысячи таких деревень, как Адабаши. И я думаю о том, что ничто не должно быть забыто, все взвешено на весах справедливости. Ибо речь идет не только о прошлом, но и о будущем, о неизмеримо дорогом для нас, нрав-

ственном здоровье народа, о том, что преступивший черту человечности, когда бы это ни случилось, в любом случае будет наказан, даже если ему удастся сорок лет вести игру в прятки с законом и справедливостью.

Алексей выговорился. Устиян не торопился с комментариями. Он ждал, что Алексей, наверное, захочет еще что-то спросить, то, что для него еще не обрело ясность.

— Иногда я думаю, что зло совершалось не только в прошлом. Вот пример: человек явно живет не по средствам, шикует, многие догадываются, что он обворовывает государство. И ничего... Чем он отличается от тех, кто давно, до войны, тоже начинал, как говорят, с малого — с растраты, с воровства, а кончал предательством, службой захватчикам?

Устиян внимательно посмотрел на Алексея. А ведь всерьез спрашивает парень, и вопрос у него серьезный. Конечно, не все так просто, нет прямых линий между растратой в магазине и изменой своему народу, однако...

— Параллели при всей их простоте — штука рискованная, — уклончиво проговорил он. И пошутил: — Горячая нынче молодежь, однако, пошла...

— Дело не в горячности, Никита Владимирович. Герой одного из любимых мною кинофильмов, правда, по другому поводу говорил: «За державу обидно».

Майор Устиян хмуро проворчал:

— И я не слепой — вижу. В двадцатые годы такие вот приливы стяжательства, отщипывания от государственного каравая себе на коньячишко называли разгулом мелкобуржуазной стихии. Но ни мелкой, ни крупной буржуазии у нас нет, а нате вам — крупные и мелкие воры не перевелись. — Он вдруг резко и твердо опустил кулак на стол: — Но не сомневаюсь, партия порядок наведет. А мы, чекисты, как и положено, поможем ей...

Никита Владимирович сказал еще:

— И то, чем мы занимаемся, и работа наших коллег из ОБХСС, распутывающих петли новоявленных «комбинаторов», — это все стороны одной медали. Мы прошлому подводим итоги, чтобы чище и лучше становилась наша сегодняшняя жизнь. Что же, продолжим наш розыск: ищите сейчас, лейтенант, тех партизан, которые подписали приговор Ангелу. Командир отряда погиб, но другие, возможно, живы. И бывшего старшего полицейского Демиденко будем мы с вами искать...

Чтобы выяснить судьбу бывшего старшего полицейского Демиденко, лейтенант Черкас направил запросы в те органы и организации, где на него могли быть какие-либо сведения.

Майор Устиян аккуратно продиктовал ему еще двенадцать пунктов плана, которые объединялись единым словом «розыск». Все осуществлялось без суеты и спешки, очень планомерно, по ходу отметались второстепенные детали, проверялись версии и предположения. Алексей поражался, как последовательно, скрупулезно плетет Устиян, другого сравнения лейтенант не нашел, сеть, в которую в конце концов и попадает тот, кого они ищут. А искали они Ангела, того самого, который любил щеголять в черном, был на побегушках у Коршуна, расстреливал и вешал ни в чем не повинных людей.

— Найдем чернявого Ангела — появится шанс узнать, кто такой Коршун, — так считал Устиян.

В этом была своя логика, проверенная опытом.

Навести необходимые справки о комиссаре партизанского отряда «Мститель» и секретаре подпольного райкома партии оказалось несложно. Отряд этот был известный, бывшие партизаны поддерживали между собой связи, ежегодно в День Победы встречались. Вскоре Алексей уже знал, что секретарь подпольного райкома воевал счастливо до Победы, был после войны на партийной работе, к сожалению, года два назад скончался — война и ее раны не прошли бесследно. Алексей с щемящей грустью подумал о том, что все меньше остается среди нас фронтовиков и может наступить такой день, когда уйдет навсегда последний из них. И останутся лишь памятники, обелиски, братские могилы и Вечный огонь.

Он с понятным волнением ждал известий о комиссаре отряда. И вот однажды по внутреннему телефону ему доложили, что в бюро пропусков находится гражда-

нин Ярцев, который хочет его видеть. Ярцев — эта подпись стояла под приговором партизанского суда.

Через несколько минут в кабинет вошел подтянутый седой человек.

— Мои партизаны доложили, что вы меня разыскиваете, — глуховатым баском сказал он. — Разрешите представиться: Иван Егорович Ярцев, в прошлом комиссар отряда «Мститель», а ныне учитель истории.

— Мне невероятно повезло, что я нашел вас, Иван Егорович! — с энтузиазмом воскликнул Алексей. — Садитесь, пожалуйста, разговор будет у нас не короткий, если вы располагаете временем и помните те давние партизанские времена.

— Товарищ Черкас, — не обиделся бывший партизан, — ни склерозом, ни провалами памяти не страдал. Поживете с мое и поймете, что есть страницы жизни, которые по истечении времени читаются только четче. Спрашивайте...

— Помните приговор Ангелу? Почему он не был приведен в исполнение? Насколько я понимаю, партизаны доводили такие вещи до конца.

— Помешала случайность. Точнее, мы недооценили Ангела, он оказался чутким и осторожным, как матерый волк.

— Вы можете вспомнить подробнее, как это было?

— Попробую...

...Приговор Ангелу вынесли буквально на следующий день после уничтожения Адабашей и других сел. Привести его в исполнение поручили двум молодым партизанам. От мысли казнить Ангела принародно отказались, как она ни была заманчива. Ангел в одиночку нигде не появлялся, только с бандой полицейских. Рисковать людьми из-за живодера, так сказал командир, не хотелось. Решили, как это иногда делали, оставить рядом с телом казненного приговор.

Ангел, как правило, не ночевал в одном и том же месте; для ночлега он выбирал самые неожиданные места. Сегодня мог расположиться со своими подручными в каком-нибудь хуторе, а на следующую ночь соорудить логово километров за тридцать от него. Он не был обычным полицейским. Партизаны предполагали, что Ангел возглавляет одну из тех мелких террористических групп, которые были созданы СД для уничтожения партизанских связников и подпольщиков. Группы эти обладали большой оперативной самостоятельностью, расстре-

ливали и вешали даже без видимости суда и следствия. И не случайно Ангел оказывался рядом с Коршуном во время крупных карательных акций команды «Восток» — Коршун его ценил как «знатока» местных условий.

Нам известно было об Ангеле очень немного, продолжал Ярцев. Каратель тщательно скрывал фамилию, даже ближайшие приспешники ее не знали. Тем более что он часто менял своих подручных, очевидно, опасаясь иметь долго при себе тех, кто мог бы его как-то раскрыть, расшифровать. Одевался почти всегда в черные рубашки, сшитые на манер офицерских.

Ходили слухи, что он якобы до войны отбывал наказание, «пострадал» от Советской власти, но мы были убеждены, что бандит сам их распространяет, чтобы гитлеровцы больше ему доверяли. Всего вероятнее было наиболее простым: в первые месяцы войны сдался в плен, стал добровольно служить оккупантам. Мы получили точные сведения, что после уничтожения Адабашей этот проклятый Ангел и еще десять отпетых головорезов расположились на ночлег в доме Зинаиды Кохан, девицы с вполне определенной репутацией. Но о ней чуть позже...

Так вот, наши парни ушли на задание, к утру возвратились и доложили, что приговор приведен в исполнение. Увы. Произошло вот что. Подобрались они к дому, там шла гулянка, что-то вроде бандитской свадьбы. Ангел любил их устраивать — с выпивкой, баяном, плясками. На этот раз он «венчался» с хозяйкой дома, к которой уже давно заглядывал. Подождали наши, пока они перепьются. Каратели разбрелись на ночлег по дому, только в комнате, где был «банкет», горела лампа, но фитилек прикручен, что вполне понятно: керосин тогда экономили. В окно было хорошо видно, как Зинаида убирала со стола, шлялась из комнаты на кухню с грязной посудой. За столом сидел Ангел в своей черной рубаше и почему-то в фуражке, вроде собрался куда-то. Партизаны подождали, пока «невеста» в очередной раз шмыгнула на кухню, и пристрелили палача через окно. Для верности швырнули еще и гранату. Под шум и беспорядочную стрельбу ушли. Наши люди в селе подтвердили: была ожесточенная пальба, каратели прочесывали все задворки, потом быстро в панике собрались и уехали. Исчезла и Зинаида Кохан, проще — Зинка.

А через какое-то время узнаем: в одной из диких

расправ над мирным населением вновь участвовал... Ангел. Вскоре погиб командир отряда, на нас обрушились каратели, в «охоте» на отряд принимали участие большие силы, пришлось уходить, менять базу. В боях, засадах, тяжелейшем рейде по лесам и болотам, когда раненых несли на руках десятки километров, случай с Ангелом ушел на задний план. К тому же вернуться в эти места больше не довелось.

— Но пытались выяснить, что произошло? Ведь не могли же обмануть парни, которым давалось это задание? — спросил после того, как Ярцев закончил свою повесть минувших лет, Алексей.

Он словно бы видел: темное село, пьянка в одной из хат, в полуосвещенной «парадной» комнате, в «красном» углу — Ангел. Выстрелы — сыплется битое стекло, заваливается, сметая рюмки и чашки, на стол каратель...

— Объяснение напрашивалось только одно. Хитрый Ангел почуял опасность, напоил до смерти и «подсадил» вместо себя кого-то из приближенных. Ведь потом только сообразили: окно не было закрыто ставнями, не зашатачено ничем — с какой стати, так не бывало.

Словом, ушел гад в тот раз. И в эти места больше не совался, как стало известно, окончательно стал холуем у эсэсовца Коршуна.

— Да,— подтвердил Алексей,— потом его неоднократно видели с Коршуном. Эти двое — Коршун и Ангел, надо же такое нелепое сочетание! — принесли немало бед людям.

В рассказе Ярцева появилось новое действующее лицо: «невеста» карателя. И еще он упомянул о гибели командира: «убили подло, в спину», Алексей написал на листке бумаги: «Зинаида Кохан».

— Это ее подлинное имя и фамилия? — спросил он Ярцева.

— По-моему, да. В селах, знаете ли, сложно изменить фамилию, перекроить биографию. А Зинку знала вся округа: самогонщица, бабенка из тех, что любят гульнуть. Мужа ее призвали в армию в первые дни войны, но она тужила недолго... Перед приходом немцев, знаете, было такое междувременье в некоторых местах: мы ушли, а оккупанты еще не ворвались — кинулась грабить сельмаг.

— Что с нею потом было, после освобождения? Не наводили справки?

— Нет. Кого эта мразь интересовала? Где-нибудь

забилась в щель и отсиживается. Местожительство, конечно, сменила.

— Найдем,— пообещал Алексей.— Она знает, кто такой Ангел, и вполне могла поддерживать связи после войны.

— Если бы мне сейчас поручили привести в исполнение тот давний приговор — рука бы не дрогнула. И будьте уверены, на хитрость не купился бы,— резко, без тени жалости, произнес Ярцев.

Алексей заметил, как он подобрался, жестче обозначились у него морщины. Бывшему партизанскому комиссару и в давние годы, и сейчас, видно, решительности было не занимать.

— Расскажите, Иван Егорович, как погиб ваш командир.

— Что же рассказывать? Нелепо погиб, странно, и, думаю, к его смерти Ангел все-таки приложил свою лапу.

Командир решил навестить невесту свою, учительницу. В том селе не было гитлеровского гарнизона, и оно считалось, с партизанской точки зрения, надежным. Изредка в село приходили окруженцы из лесов — тогда жители направляли их к нам. И в тот день сюда пришла группа красноармейцев, которыми командовал капитан. Они были в форме, с оружием, держались организованно, за еду заплатили, причем советскими деньгами, мол, пригодятся, все равно наши вернутся. Вот эти деньги и убедили окончательно селян, что это свои. Капитан даже митинг провел, зачитал сводку от Советского Информбюро. Словом, завоевал доверие. И когда начал тихо расспрашивать, как разыскать партизан, кто-то «по секрету» посоветовал переговорить с учительницей. Они ее навестили, внушили доверие, девушка пообещала выяснить. Далее... Командира подстерегли, когда он уже возвращался в отряд. Стреляли с очень близкого расстояния, почти в упор.

— А учительница? — спросил Алексей, когда Ярцев завершил рассказ.

— Ее тоже убили. Дом сожгли. И буквально сразу же каратели обрушились на отряд. «Капитана» больше никто в глаза не видел.

Ярцев примолк, прошлое вдруг неожиданно приблизилось к нему, он его увидел не в расплывчатом, зыбком тумане воспоминаний, а так, словно все это произошло совсем недавно.

— Что же было дальше, Иван Егорович?

— То, что бывает в таких случаях на войне. Отбивались от карателей, сами их трепали, прошли еще с боями не одну сотню километров,— Ярцев сокрушенно вздохнул: — Как сейчас помню: говорил я тогда командиру: не ходи!

— У вас были какие-то основания так советовать?

— Нет, конечно же, иначе бы я его не отпустил, поперек тропинки лег. Знаете, как на войне случалось? Впрочем, откуда вам знать... У человека в минуты опасности срабатывают какие-то тайные инстинкты самозащиты. У меня в тот раз только подозрение чуть шевельнулось, не больше.

— Спасибо вам, Иван Егорович. Извините, что отнял у вас столько времени.

— Мое время стариковское,— пошутил Ярцев,— течет медленно и довольно монотонно. Вот если мои воспоминания помогут разыскать Черного ангела, я буду рад... Зла людям не хочу, но это и не человек был.

Вдруг ему пришла в голову простая мысль:

— А может, его уже давно нет?

— Вполне вероятно,— согласился с ним Алексей.— Но в этом тоже надо убедиться.

После ухода Ярцева он записал для памяти разговор с ним, прикинул, в каком направлении вести поиск дальше. Алексей вспомнил заметку, которую недавно прочитал в «Комсомолке». Экскаваторщик, прорывая траншею, наткнулся на старую, с войны мину. Она четыре десятилетия пролежала в земле, корпус весь истлел, а, когда взрывали в овраге, ахнула, будто свеженькая, с конвейера. Эхо войны. Разным оно бывает, это эхо. И часто слышатся в нем боль и страдания прошлого. Но ни в коем случае нельзя допускать, чтобы чужие мины ждали своего часа.

«Мой капитан! Из окошка нашего дома мне хорошо видно, как ваши солдаты обшаривают развалины, какими-то прутьями ощупывают землю под деревьями.

Вилли сказал, что они ищут мины, недавно на mine подорвалась девочка. Она увидела кем-то брошенную куклу, потянулась к ней, оказалось — мина с сюрпризом. Страшно все это...

Мне очень плохо, мой капитан, без тебя. Я знаю, как мало у меня надежд снова увидеть тебя, но не могу по-

верить, что ты ушел из моей жизни навсегда. Называй меня глупой девчонкой, но пока я живу, всегда буду думать о тебе. Говорила об этом с Вилли, единственным близким мне человеком. Он сказал, что ты — парень особый. «Почему?» — спросила я. «Ты видела, — ответил он, — сколько он и его приятели положили тех под окнами твоего уютного дома? Только идиот Гитлер мог попереть против таких ребят».

У Вилли теперь на все свой взгляд.

А плохо мне вот почему... К маме на улице подошел незнакомый ей мужчина и передал привет от полковника Раабе. Привет — и больше ничего. Мама разволновалась, это ведь означает, что отец жив. Я же не знаю, просто не представляю, что будет дальше. Думала, с прошлым покончено. Оказывается, нет, оно может неожиданно предстать перед тобою и в образе незнакомого мужчины.

Порою стыжу себя: «Ирма, неужели ты желаешь своему отцу смерти?» В газетах начали печатать материалы о зверствах эсэсовцев. Всем теперь известно, что увидели жители Веймара, когда прошли по Бухенвальду. Возвращаются узники из лагерей, они рассказывают страшные вещи. И даже мысль о том, что среди палачей мог быть и отец, — невыносима.

Как мне быть — скажи, мой капитан? Все мои надежды только на тебя, сильного и умного. Дочь эсэсовца — это как клеймо на всю жизнь. И оно будет на мне даже в той, новой Германии, которую собираются построить Вилли и его друзья.

Я не очень верила сентиментальным немецким легендам, в которых девушки из-за любви бросались со скал в Рейн. Но если ты прикажешь мне — я брошусь! Может быть, это и есть выход?»

Какой выход подсказал капитан Адабаш Ирме — об этом не раз думал Алексей. И очень странно, что, пообщав написать о том, что ей известно в связи с гибелью Адабашей, Ирма внезапно оборвала переписку вообще. Почему? Выяснить бы это...

По мере того, как шел розыск, дел у Алексея все прибавлялось и прибавлялось. Это было как разведка на незнакомой местности: ясна цель, но вот какой из тропинок идти к ней? Их много; на каждой подстерегает неожиданность, хотя и маячат впереди неясные ориентиры.

Генерал Туршатов дал добро на командировку лейтенанта Черкаса в Адабаши. От Таврийска до села было километров двести. Можно ехать автобусом, можно поездом до небольшой станции, километров за семь от Адабашей, а там наверняка курсирует какой-нибудь местный транспорт.

Перед отъездом Алексей позвонил Гере, они теперь встречались довольно часто, сообщил, что уезжает дней на семь.

— Не спрашиваю, куда, — бодро ответила Гера. — У вас, у сыщиков, все так таинственно.

Но отъезд Алексея ее явно огорчил.

— Могу сказать, государственной тайны в моей поездке нет. Хочу побывать на родине моих предков.

— Адабаши? — догадалась Гера.

— Они.

Гера недолго что-то прикидывала:

— У меня остались от прошлого отпуска неиспользованными десять дней...

Алексей ее не понял, спросил о планах:

— Куда намерена поехать? В Ялту? В Сочи? Или, как сейчас модно, махнешь на Север, вытапывать остатки старины?

— В Адабаши поеду вместе с тобой... Кстати, тебе не надо будет думать о транспорте — мой «Жигуленок» бегаёт вполне прилично.

— Не вздумай этого делать! — не на шутку всполошился Алексей. — Хорош работник — в командировки выезжает вместе с подругой.

— Ладно, я пошутила, — покладисто согласилась Гера, и Алексей решил, что удалось ее переубедить.

...Он добрался до Адабаши к вечеру, когда солнце уже зацепилось за острые верхушки тополей, зарумянило воды неширокого ставка — озера в центре села. Сошел с автобуса, и первое, что увидел — знакомый «Жигуленок», а возле него — Гера.

— Здравствуй, это я! — бодро приветствовала его девушка, радостно улыбаясь.

— Вижу, — устало сказал Алексей.

— Дорога сюда — кошмар и катастрофа! Не знаю, как мой конь выдержал, — она независимо пнула колесо «Жигуленка» тупелькой. И вдруг жалобно попросила: — Не гони меня, Алеша. А прогонишь — я все равно не уеду.

— Ладно, — махнул рукой Алексей, — пошли искать сельсовет.

Он по пути жадно всматривался в село: вот, значит, здесь их вели, Адабаши? По этой улице, которая тогда совсем другой была, мимо старых тополей, маленькой церквушки, — гнали на смерть куда-то туда, где начинались просторные поля, вилась неширокая речка, растилялся луг?

Мало что осталось от того времени. Новые Адабаши отличались добротными домами, садами уже послевоенной посадки. В чистеньком парке горделиво красовался Дворец культуры, в центре вокруг площади — той самой? — высились школа-десятилетка, универмаг, Дом быта.

Вот и церквушка... После войны ее восстановили — она была памятником архитектуры.

Алексей и Гера легко разыскали сельсовет: по красному флагу над крылечком. Председатель, на счастье, оказался на месте.

— Иван Никитенко, — представился он, внимательно изучив удостоверение Алексея. — Чем могу быть полезен, товарищ лейтенант?

— Помогите нам с жильем, — попросил Алексей, — а потом уже поговорим о делах.

— Ничего спешного? — обеспокоенно поинтересовался председатель.

Алексей за недолгое время своей работы уже успел заметить, что люди как-то подтягивались, настораживались, узнав, что перед ними сотрудник органов государственной безопасности. В большинстве случаев это была готовность помочь в тех важных обязанностях, которые не зря ведь именуются государственными.

— Нет-нет,— ответил Алексей,— этому делу уже почти сорок лет, при таких сроках несколько дней особого значения не имеют.

С жильем все образовалось просто. У колхоза была своя гостиница, небольшая, пристроившаяся рядом с Домом быта. У крыльца ее шелестели березки, и Гера всплеснула руками: «Какая прелесть!»

Алексей и Гера загнали машину во двор гостиницы, положили вещи в своих комнатах и выбрались погулять. Вечер стоял хороший, хотя в последние дни немного похолодало. Так всегда бывает, когда цветет черемуха. Густые заросли ее укрыли берега близкой речки, гибкие ветви согнулись под тяжестью цветов. Пряный их запах тревожил. Алексей тронул густо-густо усыпанную цветом ветку — тихо поплыли под ветерком нежные белые лепестки. Черемуха словно отряхнулась от того, что отцвело, привяло, отжило свое.

Они шли узенькой тропкой вдоль реки, вьющейся среди луговых трав, совсем рядом ликующе звенел крик какой-то птицы — она словно в медную дуду трубила.

— Не хватало еще соловьев,— пробормотала Гера. Она притихла, шла молча, по деревенскому обычаю слегка помахивая перед собой сломанной веточкой.

— Будут и соловьи. Чуть позже, ближе к полуночи,— сказал Алексей.

Он тоже чувствовал себя немного скованно, может быть, потому, что и эта вечерняя тишина, и открывавшиеся взгляду просторы, и весь вечер, настоящий на ароматах цветущих трав, настраивали на грустный лад.

— Может быть, их вели именно здесь,— тихо проговорила Гера.

Они еще недолго погуляли вдоль речки. Гера набрала немного полевых ромашек:

— Пойдем туда?

— Хорошо,— ответил ей Алексей. Он все оттягивал минуты этой встречи.

Они пришли к памятнику погибшим Адабашам. Гранитные плиты полукольцом опоясали землю, в центре очерченного ими круга коленопреклоненная женщина держала горсть земли. Она, видно, с трудом подняла руку для того, чтобы бросить горсть в могилу, которую суждено ей видеть вечно. На плитах было выбито около двухсот фамилий и возле каждой — возраст погибшего. 96 лет было патриарху рода Адабашей, два месяца — самому младшему.

Гера тихо-тихо подошла к женщине и вложила в ее протянутую руку полевые цветы.

О памятнике в селе заботились, вокруг него были разбиты цветники, под сиренью стояли скамейки.

— Посидим, — предложила Гера.

Они долго в молчании сидели у памятника, и казалось, гранит его источал тепло ушедшего дня. Или это был след пронесшегося здесь много лет назад огненно-го смерча?

На следующий день Алексей ранним утром пришел в сельсовет. Иван Николаевич Никитенко был уже на своем рабочем месте. К удивлению Алексея в сельсовете толпилось много людей, хотя солнце только-только выглянуло из-за горизонта.

— У каждого свои дела, — объяснил председатель, — вот и забежали спозаранок, кто за справкой, кто еще за чем — днем некогда, все в поле.

Он поднялся из-за стола, строго осмотрел присутствующих:

— Ну, граждане, кончаем ярмарку, у товарища дело, можно сказать, не для всех ушей.

Этим он хотел подчеркнуть «секретность» командировки Алексея в их село: раз приехал человек из облуправления КГБ, значит, связано это с какой-нибудь тайной — так он считал.

Алексей вдруг сказал:

— Ничего сверхсекретного в задании, которое я выполняю, нет. Так что кто хочет — пусть слушает.

Конечно, остались слушать все.

Алексей, вначале немного смущаясь, потом все более уверенно начал рассказывать о трагедии, разыгравшейся здесь, на этой земле. О ней, судя по всему, присутствующие знали, слушали его с интересом, даже с благодарностью, что вот, оказывается, и в большом городе не забыли, что произошло в их родном селе... Интерес явно возрос, когда Алексей заговорил о Коршуне

и Ангеле, о том, как расстреливали Адабашей. Сразу посыпались вопросы:

— Откуда известно, как расстреливали?

— Из показаний бывшего полицейского, который стоял в оцеплении,—объяснил Алексей.— Мы его разыскивали. Каким образом вытащили на свет этого предателя — это не так уж и интересно.

— Понятно,— закивали головами сельчане, хотя, конечно же, им не терпелось узнать, как через столько лет удалось разыскать мерзавца и заставить рассказать правду. Хотя и говорят, что человек не иголка в стоге сена, но иголку и ту порою легче найти, чем такого вот беглого. Однако никто не стал расспрашивать, все понимали, что есть и такие подробности, о которых этот молодой человек рассказывать не вправе.

— А где тот Коршун сейчас летает? — поинтересовались.

— Вот и мы хотели бы знать! — воскликнул Алексей.

Алексей давно обратил внимание на одетого в строгий костюм человека, слушавшего его очень внимательно. Он не только костюмом этим выделялся среди колхозников, но и сдержанной манерой держаться, тем достоинством, которое всегда отличало сельских интеллигентов.

— Учитель из нашей школы,— подсказал Никитенко, заметив, на кого посматривает Алексей время от времени.

— Мы знаем, что в живых осталась Ганна Адабаш,— сказал учитель.— Вам известно, где она сегодня?

— Да,— ответил Алексей.— Это моя мама.

Все, кто был в кабинете председателя сельсовета, а народу набилось много, оживились, с особым интересом теперь рассматривали Алексея.

— О! — воскликнул Никитенко.— Так вы же, можно сказать, хозяин здешних мест.

Председатель бросил взгляд на часы, решительно поднялся:

— Граждане, уже заря утренняя кончилась, так мы и рабочий день сорвем. Вот какое есть предложение, если товарищ из области не возражает: сейчас всем за работу, а вечером, часов в десять, соберемся во Дворце культуры и попросим товарища Черкаса лекцию прочитать про те события.

— Я не готов к такой лекции,— растерялся немного Алексей.

— Оно и лучше,— хитровато улыбнулся Никитенко.— Расскажите нам без подготовки. Своими словами. Наталка! — громко позвал Никитенко.

— Здесь я! — откликнулась девушка в цветастой косынке.

— Товарищ приехал не один, с ним девушка, так ты возьми над нею шефство, чтобы не заскучала. Твое звено сегодня на каких работах?

— Клубнику будем собирать.

— Вот и пусть с вами потрудится. А то она, наверное, ту ягоду только на базаре и видела,— добродушно улыбнулся Никитенко.— Что же, расстаемся до вечера.

Наталка забрала Геру с собой, чему Алексей был рад: он наметил встречу с участковым уполномоченным милиции, хотел побывать в райкоме партии, а до райцентра километров двадцать, наконец, ему просто хотелось походить по окрестностям села в одиночестве, чтобы никто и ничто не мешали еще раз мысленно побывать в прошлом.

Никитенко позаботился о том, чтобы в селе вывесили объявление: «Сегодня в Доме культуры состоится лекция: «О трагедии нашего села в годы гитлеровской оккупации». Лектор — лейтенант государственной безопасности А. Черкас. Начало в 22.00». Алексей с изумлением прочитал это объявление на щите у Дома культуры. Впервые он прочитал о себе вот это — «лейтенант государственной безопасности» — и немножко встревожился: как отнесутся к его «самодеятельности» майор Устиян, генерал Туршатов? При утверждении плана командировки лекции не предполагались. Правда, Устиян оговорился: действуйте также по своему усмотрению, иные конкретные обстоятельства ни одним планом не предусмотреть.

Дом культуры, несмотря на позднее время, был переполнен. В селе в страдную пору привыкли поздно ложиться и рано подниматься. Никитенко пригласил Алексея на сцену, где стоял невысокий столик с микрофоном — очевидно, работники Дворца культуры регулярно смотрели популярные телепередачи и, по своим возможностям, кое-что заимствовали. На сцену поднялись Никитенко, Алексей и уже знакомый ему учитель, Николай Давыдович Бондарь. Как оказалось, учитель был

прекрасным знатоком края и вместе со своими учениками создал в школе музей славы.

Алексей с уважением посмотрел на ордена и медали, которые по такому особому случаю были на пиджаке у председателя сельсовета.

— Дорогие односельчане,— открыл вечер Никитенко.— Хочу вас вот о чем спросить,— председатель сельсовета сделал паузу, словно задумался, о чем же таком важном хочет спросить своих дорогих односельчан.— Хочу вас спросить: как мы сейчас живем?

— Хорошо живем, Николаевич! — ответили ему из зала.

— Правильно! — подтвердил Никитенко.— Зажиточно, в достатке, без тревоги за день завтрашний... Правда,— вдруг проговорил он,— есть и такие у нас, что в город за укропом и луком зеленым ездят, но их единицы.

В зале весело смеялись: все, видно, поняли, кого имеет в виду Никитенко.

— В нашем селе сегодня сто двадцать три личных автомобиля марки «Москвич», «Нива» и «Жигули», почти в каждом доме стиральная машина, холодильник и телевизор. Всего же у нас сельсовет на семьсот двадцать пять дворов.

Никитенко снова замолчал, на этот раз надолго, и все в зале терпеливо ждали, когда он снова продолжит свое «вступительное слово».

— Но было такое лихое время, когда все наше село сожгли фашисты, всех людей они поубивали, и остались здесь только пепелища, над которыми кружило черное ненасытное воронье.

Алексей подивился про себя той мудрой простоте, с которой Никитенко обращался к своим односельчанам.

— Про то, что произошло в горькие дни оккупации, мы знаем не очень много. На памятнике выбиты навечно имена всех погибших.

Но наш святой долг знать и не забывать, как все это произошло, и детям своим рассказать про то, как умирали герои-мученики наши. У жизни есть своя мудрость: продолжает жить наше село, не смогли вырубить гитлеровцы и их пособники корень адабашевского племени. Кто воевал в партизанах, а здесь есть такие, помнят боевую партизанскую разведчицу Ганну Адабаш. Жива она, о чем сообщая вам с радостью. И есть у нее сын — вот он, перед вами...— Никитенко указал

на Алексея,— правда, фамилия у него другая, но из корня Адабашей этот росток.

В зале разразились аплодисменты. Алексей понимал, что еще не успел ничего такого сделать в своей жизни, чтобы аплодировали люди,— это они воздают должное памяти тех, кто честно жил и погиб на этой земле.

С чего же начать рассказ, так громко названный в объявлении «лекцией»?

Алексей увидел в зале Геру — она устроилась рядом с Наталкой и, судя по всему, вполне освоилась. Во всяком случае, девушки разговаривали о чем-то, как давние подруги. Джинсы с модными нашлепками и укороченную курточку немыслимо модного фасона, в которых приехала она в Адабаши, Гера сменила на простенький зеленоватый костюм из тех, в которых обычно работают бойцы студенческих строительных отрядов.

Гера ободряюще кивала Алексею, мол, не робей, здесь свои люди, они тебя поймут. И Алексей начал свой рассказ с оговорки: далеко не все еще сегодня известно о трагедии села Адабаши, ведь прошло больше сорока лет, а преступники, как известно, стараются замести следы. За несколько месяцев работы по расследованию этих давних событий он хорошо уже представлял, каким было село в первые дни войны, в то время, когда сюда ворвались гитлеровцы. Сразу же многие жители села ушли на войну и — так случилось — сложили свои головы на разных фронтах, защищая Родину. А те, кто оставался в селе, старые да малые, стали надежной опорой партизанских отрядов «За Родину», «Мститель» и других. Он назвал крупные операции отрядов и увидел, что люди слушают его с гордостью — вот какими были те, кто жил здесь до них! Поколебавшись недолго, Алексей рассказал и о своем дяде, Егоре Адабаше, о его завещании всем, кто останется в живых. Оговорившись, что сведения требуют еще проверки и уточнения, Алексей заговорил о массовом расстреле Адабашей, так как описал его полицейский — участник расправы.

Алексей изложил своим слушателям и скупые сведения, которыми располагал о нацисте Коршуне и его пособнике — Ангеле смерти.

После выступления Черкасу пришлось ответить на множество вопросов. Он видел, как велик интерес к той работе, которую вели он и его товарищи,— не праздное любопытство, а понимание ее необходимости

продиктовало людям вопросы к нему. Прав, тысячу раз прав был майор Устиян, когда говорил, что они трудятся не ради мести, но во имя справедливости.

Потом микрофон взял учитель Николай Давыдович Бондарь.

— Мы в школьном музее славы собрали все, что могли разыскать о подвиге и гибели Адабашей, о наших незабвенных героях-односельчанах. Но мы даже не знаем, где они приняли смерть — сровняли фашисты это место с землей, а годы затянули рану. Товарищ Черкас еще утром в сельсовете упомянул, что расстреливали Адабашей у противотанкового рва, а всего было выкопано их три... Не осталось никого из тех, кто копал рвы. А вот кто закапывал, готовил поля после освобождения под зерно...

Алексей насторожился. То, что говорил Николай Давыдович, было так просто, что он даже удивился, как не пришли такие мысли ему, Алексею Черкасу.

— А закапывал рвы,— продолжал Николай Давыдович,— тогда молодой тракторист, по ранению демобилизовавшийся из армии, Роман Панасюк, а ныне наш старейший знатный механизатор Роман Яковлевич. Попросим его на сцену.

Панасюк был в селе человеком известным, и колхозники дружно откликнулись на предложение учителя: «Попросим... Просим...», «Расскажи, Роман Яковлевич, что знаешь».

— Помню то время хорошо,— степенно начал Панасюк.— Стукнул фашистский снаряд мой танк на Висле, а осколками и меня достал. Подлечился в госпитале, но в действующую уже не вернулся. Жил неподалеку от этих мест, работу нашел в МТС. Тракторов было мало, зато на полях стояли покалеченные танки, вот я и собрал из нескольких одну тридцатьчетверку, снял с нее башню, пулемет, запряг в плуг. Так и пахали в первый год после освобождения. Послали меня однажды сюда, к бывшим Адабашам. Говорят, саперы там уже мины поснимали, а теперь ты поработай, закопай эти рвы, а то они как незажившие раны на земле.

Панасюк говорил медленно, и чувствовалось, что прошлое он не только не забыл, но отчетливо видел его сквозь дымку длинных минувших лет.

— И вот какое уточнение должен я внести в слова товарища Черкаса: закапывал я, заваливал землей два противотанковых рва.

По залу прошел легкий шумок. Ну конечно же, два: если один ров стал братской могилой, то его должны были сровнять с землей сами каратели, чтобы упрятать концы в глубины неизвестности...

— Где были эти две выкопанных руками адабашевцев пропасти, я и сегодня найду, потому что помню каждую десятинку земли, которую когда-либо перекапывал, а вот третий... Не было третьего рва уже в сорок пятом году, это я точно знаю.

В зале поднялся и неспешно прошагал к сцене пожилой человек, опиравшийся на тяжелую, суковатую палку. «Это Троян, был в послевоенные годы председателем колхоза, сейчас на пенсии»,— тихо сказал Никитенко Алексею.

— Вот какая у меня мелькнула догадка,— проговорил Троян.— Было это уже позже, когда пришла из области директива повсеместно разбивать лесополосы. Мы с колхозным агрономом прикинули примерно, как их расположить. Земли колхозные мы знали хорошо, да и план под руками. Вот мне агроном и говорит: «Давай одну лесополосу проложим по развороченной земле». Я ее хорошо помнил: недалеко от речки протянулась узкая линия, густо поросшая бурьяном и травами разными. «Заодно и бурьян выведем, а то там его «питомник» образовался»,— продолжал агроном. На том и порешили. Еще тогда подумал: откуда бы ей взяться, этой засыпанной наспех длиннющей яме? А что кто-то ее выкопал, разрезав поле на две части, а потом засыпал — то было ясно. Поищите там,— закончил свое выступление бывший председатель колхоза.

— И я это место знаю,— выкрикнула со своего места какая-то женщина.— Школьницей тогда была, мы всей школой лесополосу сажали. Помню, трава там высокая вымахала, а лопата легко входила, не успела слежаться земляца.

— А что там сейчас? — с волнением спросил Алексей.

— Та лесополоса ж! — ответили ему сразу несколько человек. — Разрослась, что тебе лес.

Никитенко посмотрел на часы, было уже за полночь. Сказал:

— Завтра... то есть сегодня,— поправил сам себя,— спозаранок нам в поле. Будем заканчивать, а если кто еще что вспомнит — то милости прошу в сельсовет.— Никитенко, чтобы подчеркнуть важность того, что хо-

тел сказать, подтянулся, одернул пиджак: — Товарищи сельчане, разрешите от вашего имени и от всего сердца поблагодарить соответствующие организации за то, что не забывают про горе народное, учиненное гитлеровцами и их пособниками, разыскивают тех, кто запятнал свою совесть предательством, убийствами, изменой.

...Гера снова потянула Алексея гулять. Они походили вдоль реки, любовались цветущей черемухой. Точно над ними литым серебром мерцала молодая луна. Было так тихо в этот полночный час, что казалось, слышалось дыхание земли.

— Спина боли-ит,— пожаловалась Гера.— Я теперь не то что есть, а смотреть на клубнику не смогу-у. За каждой ягодой надо нагнуться, сорвать ее, в корзину положи-ить.

Алексей рассмеялся:

— Познаешь жизнь? А то пришла на рынок, купила килограммчик, половину съела, половина залежалась, свежесть потеряла — в мусоропровод.

— Ладно язвить,— не обиделась Гера.— Пора в гостиницу, завтра снова... на клубнику. Наталка за мной забежит на зорьке.

— Идем, труженица.

— Идем. А тебе ничего не будет за то, что я с тобой в командировку поехала?

— Не знаю,— чистосердечно признался Алексей.— Придется докладывать об этом майору Устиану.

Докладывая майору Устиану о командировке, Алексей сообщил, что в Адабаши ездила и его знакомая, Гера Синеокая.

Майор взглянул на него с любопытством:

— Что же,— сказал он,— судя по всему, вы были поставлены перед неожиданностью?

— Пожалуй, так. А отправить ее обратно...

— Не хватило решимости?

— Да.

— Откровенность — хорошее человеческое качество,— одобрил майор. Он что-то прикинул про себя, подвел итог этой части разговора: — А в общем-то, ничего особенного не произошло. Эта командировка не предполагала секретности. Наоборот, вы правильно поступили, что выступили перед населением с беседой о розыске военных преступников. Гласность в таком деле — наш помощник. Что греха таить — от прошлых времен осталась у некоторых товарищей игра в тайнственность. Случается, вокруг самого обычного, простого такую дымовую завесу поставят, что только диву даешься. И это вместо того, чтобы людям откровенно рассказать: занимаемся тем-то и тем-то, кто располагает полезными нам сведениями — поделитесь.

— Но ведь есть же случаи...

— Есть такие случаи, и их немало,— подтвердил майор Устиан,— когда неосторожное слово может стоить жизни. Надо уметь отличать одно от другого... Но возвратимся к вашей командировке. Эта Гера Синеокая, что, ваша невеста?

— Не могу утверждать это с уверенностью,— замаялся Алексей.

— Разберетесь, дело молодое.

Устиан попросил подробно рассказать обо всем, что касалось вероятного местонахождения третьего противотанкового рва. Выслушав Алексея, спросил со странной интонацией:

— Раскопки что-нибудь дали?

— Мы не раскапывали ничего, хотя лесополоса четко обозначила бывший ров. Но я хотел прежде посоветоваться с вами...

Майор одобрительно кивнул:

— Молодец, что удержался. А ведь хотелось проявить инициативу, признайтесь!

— Да, очень.

— Такую важную работу надо выполнять по всем правилам, в строгом соответствии с законом. Хорошо, что это своевременно понял, а то бы все усложнили.

Алексей упомянул, что бывший танкист, а ныне знатный механизатор Роман Яковлевич Панасюк убедительно просил доверить лично ему вскрыть печальный ров, который, возможно, стал братской могилой для Адабашей.

Устиян что-то пометил в своем блокноте, с болью сказал:

— И мертвым не все равно, кто тревожит их вечный покой. А ваш Панасюк, видно, человек с чистой совестью, на такого они не обидятся.— И закончил неожиданно:— Собирайтесь-ка снова в командировку, лейтенант, нашлись следы Демиденко.

Бывший старший полицейский Демиденко отбыл срок, определенный ему в свое время судом, и теперь коротал век в добротном доме на окраине небольшого городка под Ровно. После освобождения он еще несколько лет работал на Крайнем Севере, накопил денег и существовал теперь безбедно.

Алексей и капитан Озерский из местного горотдела пришли к нему под вечер, когда было больше шансов застать его дома — Демиденко днями пропадал на дальних и ближних базарах, торговал ранним луком и чесноком, клубникой, цветами — словом, растительностью цветущей и аппетитной, в соответствии с сезоном и спросом. Хозяин сидел на крылечке, наблюдал, как жена его готовит овощи для завтрашней торговли.

— Здравствуйте, гражданин Демиденко,— поздоровался с ним Озерский.

— Добрый вечер, гражданин капитан,— не удивился их появлению Демиденко. Он бесцеремонно оглядел Алексея:— И вы здравствуйте, гражданин лейтенант.

— Вы меня знаете? — удивился Алексей. Его поразили цепкий, умный, словно бы сфокусированный на одной какой-то точке взгляд бывшего полицейского.

— Откуда? — спокойно отвечивал Демиденко. — Просто вижу, молодой еще человек, такому лейтенантские погоны к лицу.

— Ладно, не поражайте товарища проницательностью, приглашайте в дом, имеется разговор, — холодно-вато оборвал его Озерский.

— Значит, все-таки докопались до расстрела Адабашей? — протянул Демиденко, когда они прошли в дом и расположились за столом. И решительно заявил: — Ничего такого не помню, да и кто я был тогда? Хлопчик на побегушках у фашистов, куда пошлют — туда и побежал.

— Не приуменьшайте свои заслуги перед оккупантами, Демиденко, — строго сказал Озерский. — Они нам хорошо известны. И учтите, разговор у нас сейчас предварительный, потом будет другой, по всем правилам и со всеми вероятными последствиями.

— Э-э... — протянул равнодушно Демиденко. — Я за эти годы столько наговорился с гражданами начальниками, что сейчас как пустой мешок, из которого все вытряхнули и на забор повесили — для просушки перед дальней дорогой.

— Кто такой Ангел? — резко спросил Алексей. Демиденко с его глазами-льдинками вызывал у него неприязнь, но он всячески старался не показывать этого.

— Не знаю никакого Ангела.

По тому, как быстро последовал ответ, и Алексей и Озерский догадались: знает, что-то ему известно.

— Чайку попьете? — спокойно спросил Демиденко. — Я сейчас жене скажу, чтобы накрыла на стол.

— Не надо, — капитан Озерский поднялся, взял в руки кожаную папку. — Жаль, однако.

Он уже повернулся к двери, чтобы уходить, когда Демиденко обеспокоенно спросил:

— Кого жалеете?

— Да нет. Не кого, а чего... Силы жалко тратить на выяснение того, что, в общем-то, ясно. Бывшие полицейские... — капитан раскрыл папку, заглянул в блокнот, назвал фамилии, — видели вас неоднократно с Ангелом на расстрелах, во время облав. Они подтвердят, конечно, свои показания, мы обязательно устроим очные ставки — вас опознают, запыраться дальше станет бессмысленно, вы во всем сознаетесь, однако отношение к вашим показаниям будет другое. Да, глупо вы себя ведете, Демиденко. Мы ведь знакомы с протоколом допросов,

где вы упоминали и Ангела, и расстрел в Адабашах. Чего пятитесь?

В комнату, громко стуча каблуками, не вошла — влетела жена Демиденко, голосисто крикнула:

— Ирод проклятый, говори уже все до конца! Что, снова в дальние края захотелось? Только начали жить как люди... — Она всплеснула руками, заголосила еще громче: — Нет, вы подумайте, граждане начальники, какого супостата выгораживает! Сам же рассказывал, как тот Ангел мог и ребеночка пристрелить, и девчонку изнасиловать. — Она резко повернулась к мужу, уперлась кулаками в бока. — Я тоже не без греха, растрату совершила, свое наказание до звонка отбыла. Но чтобы на жизнь человеческую руку поднять!

Женщина негодовала искренне, ей надоело, судя по всему, жить в страхе перед разоблачением новых фактов из прошлого мужа.

— С Севера он меня привез, — объяснила уже спокойнее. — То, что у него в прошлом было, я знаю. Клялся мне, что не убивал никого своими руками. Поверила, а теперь засомневалась.

— Молчи! — закричал Демиденко и пошел с кулаками на жену.

— Нет, уж больше ты мне глотку не заткнешь! — повысила голос и она. — Я простая растратчица...

— Ладно вам! — вмешался Озерский. — Выясняйте без нас, кто да что. А вам, Демиденко, советую подумать. Крепко подумать. И если придут в голову разумные мысли, ждем вас завтра в десять утра. Адрес вам известен.

Они вышли из этого дома, где сытость, достаток так и выказывали себя на каждом шагу и где не было главного — спокойной жизни.

— Придет? — спросил Алексей у Озерского.

— Куда денется! — спокойно ответил капитан.

На следующий день Демиденко около десяти часов позвонил из приемной и попросил о встрече. Озерский заказал ему пропуск. Бывший старший полицейский полностью подтвердил показания на судебном процессе. Да, он ставил оцепление, следил «за порядком», когда расстреливали Адабашей. Ангела хорошо помнит. Невысокого роста, брови тонкие, как у девицы, лицо смуглое, шрам. Отличался, даже по понятиям полицейских и карателей, непомерной жестокостью.

Все это и так было известно Алексею. Но Демиденко

сообщил и нечто новое. Его арестовали только в конце сорок пятого года, когда, как выразился, у властей дошли руки до таких, как он. Знал ведь, что податься некуда, вот и сидел в своей хате, ждал, когда придут за ним и скажут: «Гражданин Демиденко, собирайтесь...» Так вот, летом 1945-го однажды ночью в окно хаты тихо постучали. Это был Ангел. Он одет был как демобилизованный солдат: сапоги, галифе, гимнастерка со следами споротых пагон, шинельная скатка, вещмешок. На гимнастерке — нашивки за ранения, медали: «За боевую доблесть» и «За отвагу». Тогда много солдат возвращались из армии по домам, радость встреч с победителями была такой огромной, что в любой хате они находили приют, каждая семья делилась с ними последним куском хлеба.

— Воевал? — спросил Демиденко у Ангела.

— А я всю войну воюю.

Ел Ангел жадно, самогонки выпил много, но не опьянел, держался очень настороженно, из чего Демиденко сделал вывод, что, скорее всего, он пробирается куда-то по делам, которые держит в тайне.

Перед рассветом Ангел ушел, взял на дорогу продукты и все деньги, которые были у Демиденко. Пришлось отдать, потому что пообещал пристрелить и даже достал кольт.

— Как вы думаете, документы у него были настоящие? — спросил Озерский. Алексей добровольно уступил ему инициативу в разговоре с Демиденко: во-первых, у капитана опыта таких «бесед» побольше, во-вторых, он местный, Демиденко его знает, значит, и откровеннее с ним будет.

— Кажется мне, что и документы, и солдатская форма, и даже награды принадлежали ему.

— Почему так считаете?

— Э-э, у меня глаз наметанный был к тому времени. Сразу отличал, если кто-то чужое за свое выдавал.

— Тогда почему же Ангел был такой настороженный, чего опасался?

— Может быть, боялся, что его опознают. Ведь он в тех местах свирепствовал, — высказал разумное предположение Демиденко.

— Вполне вероятно, — согласился Озерский. — Но тогда неясно другое — зачем потянуло Ангела в те места, где его могли опознать?

Капитан вел разговор таким образом, чтобы Деми-

денко мог высказать и свои предположения. И бывший полицейский старался, он, решив говорить, ничего не утаивал. Наоборот — был предельно откровенным. И Алексей убедился, что первое впечатление не обмануло его — Демиденко был умным человеком, умеющим делать выводы.

— Мне кажется, — высказал предположение Демиденко. — Что Ангел пришел в наши места за кем-то или за чем-то. К примеру, всем полицейским было известно, что он отнимал у арестованных людей золото и другие ценности. Мог все это схватить в тайнике. А потом пришел за ворованным — война кончилась, хотел не с пустого места жизнь... другую начинать.

— Что же, ваши предположения заслуживают внимания.

— И учтите, гражданин капитан, он потому и по ночам шлялся, чтобы на кого знакомого случайно не нарваться. А я для него вроде был своим. Очень он удивлялся, что я еще на свободе.

— С собой не звал?

— Куда там! Наоборот, пригрозил: не вздумай, мол, по моему следу идти, мною откупиться от Советов.

— Внешне он как-то изменился?

— Нет, только почернел весь, как-то опустился... Был как волк, вымокший под дождем.

— Делился какими-нибудь планами или, может, расспрашивал о чем-нибудь таком, что помогло бы отыскать его след?

— Нет, гражданин капитан, он и тогда, когда панствовал при гитлеровцах, о себе словечка не произносил.

— Кто он все-таки был, по-вашему? Бьюсь об заклад, полицейские пытались это узнать.

Озерский задавал вопросы не спеша, с ответами не торопился, со стороны послушать — встретились двое давно не видевшихся приятелей. И Демиденко беседовал степенно, без суеты и дерганья. Но, явно демонстрируя готовность выложить все, что знает, не позволял себе расслабиться, держался настороженно, в умных глазках вспыхивали время от времени переменчивые искорки.

— Ангела повсюду таскал за собой Коршун. Это может показаться странным, но мы, полицейские, не знали и фамилию Коршуна, подчиненные обращались к нему при нас только по званию... Так вот, мы первый

раз увидели Ангела, когда появился со своей командой Коршун. Помню, еще кто-то сказал: «Смотри, какой черный, как смерть». Так и пошло: Ангел смерти. У него и в самом деле была такая странность: другие в гневе, в ярости краской наливаются, как перезрелые помидоры, а этот чернел, словно злоба его сжигала.

— Это интересно, однако, вы не ответили на мой вопрос.— Озерский не выпускал инициативу в разговоре из своих рук.

— Вот же отвечаю: мы пытались узнать, что за птица этот Ангел, из каких краев прилетел, только расспросы эти закончились враз: пристрелил Ангел одного слишком любопытствующего полицейского, и кончилось все на этом.

Демиденко явился к Озерскому с аккуратной котомкой, видно, давно уже приготовленной запасливым бывшим полицейским «на всякий случай».

— А это зачем? — кивнул на котомку Озерский.

— Мало ли чего... — пробормотал Демиденко.

— Чувствуете за собой грехи?

— У кого их нет.

— Вот у него, например, — то ли серьезно, то ли в шутку показал капитан на Алексея.

— Молод еще, — Демиденко бросил оценивающий взгляд на Алексея. — А к моему возрасту тоже кое-что подсоберет. Особенно если снова тяжело стране придется.

— Вряд ли, — усмехнулся Озерский. — Такие, как он, или побеждали всегда, или погибали честно. А в предатели не шли.

— Я уже потом, когда все прошло, отшумело, не раз думал: лучше мне было бы помереть. И случай удобный был. Мы в охранении находились, четверо. Пошли немцы в атаку, трое наших сразу полегло, а я — лапы кверху. Дальше известно: плен, лагерь, смерть или хилая надежда на жизнь. Тогда мне думалось, что выбора нет, а теперь вижу — был.

Алексею казалось, что бывший полицейский говорит искренне. Может, и в самом деле что-то за эти долгие годы понял?

— Котомочка вам сегодня не пригодится, — успокоил его Озерский. — Да и куда вы денетесь? Не скройтесь вам, даже если бы и захотели.

— И возраст не для бегов, годочки лучшие отшумели, — вздохнул Демиденко.

— Не в годах дело, — серьезно поправил его капи-

тан.— В том, что на земле советской вам берлоги на найти.

— Нашел же Ангел,— вроде бы даже позавидовал бывший полицейский.

— Пока еще не известно, что он нашел. Может, и нет его среди живых. А если и уцелел, то кто такой жизни позавидует?

— Это так,— согласился Демиденко и руки положил на колени смиренный, задумчивый.

Алексёу хотелось представить его в полицейской форме, с винтовкой в руках, подгоняющего Адабашей к краю огромной могилы. Говорит, сам не стрелял в людей, но даже если так — все равно гнал их на смерть и стерег, чтобы от смерти не сбежали. Да и верится с трудом в это — «не стрелял». Каратели каждого своего пособника в кровь окунали, чтоб и не думал об обратной дорожке.

— Может, вы что-нибудь очень важное забыли? — спокойно спросил Озерский.— Ведь жалеть будете, что своевременно не припомнили. А мы все равно выясним.

— Упорный вы, гражданин капитан,— с долей одобрения произнес Демиденко.— Вот какая подробность... В полюбовницах у Ангела числилась Зинка, Зинаида Кохан. Всюду с ним шлендрала, то ли в качестве кухарки, то ли в роли походной супруги-подруги. Противно об этом вспоминать, но все полицейские знали: ее Ангел Коршуну однажды уступил на ночь, вот тот и смотрел сквозь пальцы на такую вольность. Зинка свои годы после войны открутила там, куда вы таких, как мы, отправляли. Да и немного ей отсчитали, шлюха она и есть шлюха. Живет где-нибудь под своей фамилией — скрываться ей смысла нет, все уже для нее позади. Ее вы легко найдете. И если Ангел землю еще топчет — то только она и знает, по каким шляхам. Доверял он ей. И может, в ту ночь, о которой я рассказывал, к ней шел. Если Ангел еще летает, то к ней наведывается. Надеюсь, зачтется мне это показание.

— Ну вот,— удовлетворенно заметил Озерский.— А вы утверждали, что ничего не знаете, никого не помните.

— С испугу я,— промямлил Демиденко. И заискивающе спросил:— Так я могу пока быть свободным?

— Можете. Давайте я вам пропуск отмечу. Понадобитесь — позовем, прошу не уклоняться.

Когда Демиденко ушел, Озерский задумчиво побарабанил пальцами по столу, сказал Алексею:

— Видел, какой сейчас смиренный? А тогда, в сорок втором,— есть фотография — красовался с винтовочкой, хозяином по селам бродил. Но вроде бы и в самом деле не убивал. Он ведь не дурак, как ты заметил, о будущем думал иногда.— Капитан посоветовал: — Ищи, коллега, Зинку. Ищи эту... Все за то, что не порвал связей с нею Ангел.— Он пообещал:— «Дружескую беседу» с Демиденко оформим, как положено, и вышлю ее вам. Из-за этого не задерживайся, возвращайся к себе и действуй дальше. Майору Устияну от меня привет сердечный, он меня учил в свое время уму-разуму.

— Очень уж мне хочется найти и Ангела и Коршуна,— признался Алексей.— Найти и поставить на краю раскопанной могилы: смотрите, гады, на дело своих кровавых рук.

Капитан Озерский дружески похлопал его по плечу:

— Только без злости, лейтенант. Точнее, упрячь ее подальше в сердце, действуй так, как совесть и закон подсказывают.— Он неожиданно спросил: — Женат?

— Пока нет,— смутился Алексей.

— Мой тебе совет — женись на хорошей девчонке. Знаешь, как бывает: сталкиваешься по долгу службы с разной мразью, а вечером придешь, дочурку под потолок подбросишь: ради них, их счастья делаем трудную работу. Женись, лейтенант,— повторил он.

Из этого городка Алексей уезжал с чувством, что наконец-то удалось выйти на следы, ведущие к Ангелу — жив тот или нет, появилась уверенность в том, что можно в конце концов выяснить, кто скрывался за этой кличкой.

И еще запомнился Алексею совет капитана Озерского: «Женись, лейтенант». Словно это так просто: взял и женился. Гера объявила в своей семье, что он, Алексей, ее жених. Красивая, умная, запутавшаяся Гера. Выложила о своей мамаше и ее замке такие подробности, что впору уголовное дело заводить. Как в таком случае должен поступать он, лейтенант государственной безопасности Черкас? Промолчать, сделать вид, что не слышал, не понял, не придал значения? Пусть обворовывают государство и дальше? Или предпринять какие-то шаги, результат которых можно предсказать заранее?

Гера тогда его возненавидит. Правду говорят, что в жизни добро и зло рядом ходят, и трудно отличить, когда решительность во благо.

Но серьезный разговор с Герой в первые дни после возвращения из командировки не получился. Девушка, ссылаясь на занятость, никак не находила времени для встречи, и у Алексея даже возникло подозрение, что она его избегает. После той памятной ночи на даче она стала суше, сдержаннее, словно раскаивалась в своей внезапной откровенности.

Да и сам Алексей не очень торопился с разговором — что он ей скажет? Иди в ОБХСС? Нет, не в состоянии он такое сказать, тем более что многое Гере могло и показаться, ненавидит она этого элегантного зама своей мамы, а там, где ненависть, — объективности не жди. Ни на что не мог решиться Алексей, и от этого на душе было мутно. Мама, конечно, это заметила и спросила:

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Алексей замылся с ответом, сразу не нашелся, мама сама за него все решила:

— Постарайся сегодня пораньше с работы выбраться, поговорим, посоветуемся.

А вскоре позвонила Гера.

— Будь добр, не планируй ничего на сегодняшний вечер, — девушка проговорила это так решительно, что у Алексея не хватило духа сказать ей: вечер он обещал провести дома, вместе с мамой.

В последнее время по мере того, как появлялись все новые и новые ниточки в деле о карательной команде Коршуна, забот у Алексея прибавилось, и он часто задерживался в управлении до позднего вечера. Майор Устиан недаром говорил: в прошлое возвращаться очень трудно, время не только лечит раны, но и стирает следы. Многие тропинки в давно минувшее оказались перекрыты «завалами» из более поздних событий. Изменила свой облик не только земля: одни поколения смени-

лись другими, с новыми заботами и с иными впечатлениями от происшедшего.

Очень мало свидетелей осталось от давних событий: Алексею приходилось против многих фамилий в длинном списке ставить горестную помету: умер, умерла...

Он вспомнил, как смотрел по телевидению восстановленный документальный кинофильм о знаменитом Параде Победы в сорок пятом... На экране — видные государственные деятели, прославленные военачальники, герои великих боев. Многие из них молоды, лица мужественные, уверенно идут по Красной площади. Они и в самом деле ушли в бессмертие. Подвиг живет, а многих из тех, кто совершил и выковал его, уж нет.

С волнением смотрел Алексей этот фильм — прошлое вдруг стало таким явным, осязаемым, что казалось — протяни руку и прикоснешься к нему. Еще он думал о том, что в минувших днях всенародная слава соседствует с вечной скорбью. И пусть проходят годы — пепел погибших будет стучаться в сердца. Важно, чтобы сердца не остывали. Майор Устиан не зря говорил: мы из тех людей, которые по долгу службы не имеют права ничего забывать.

Работы все прибавлялось, свободное время выдавалось редко. Мама просила побыть с нею, он редко теперь видит ее — приходит, когда она уже спит, а завтракает на ходу, не до разговоров. Она как-то резко сдала за последние месяцы, походка стала медленной, осторожной. Очень хотелось бы посидеть с мамой за чаем, но вот Гера требует: освободи вечер, ты мне нужен.

— Зачем? — спросил Алексей.

— Понимаешь, я сообщила родителям, что сегодня ты придешь к нам в гости.

— Вот как? — удивился Алексей. — Ты бы хоть предупредила заранее.

— Алеша, это важно, — настаивала Гера. — Я тебя очень прошу. Неужели я тебе настолько безразлична, что вынуждена набиваться со своими такими незначительными просьбами? Или тебе неприятно меня видеть? Тогда скажи честно.

— Хорошо, — согласился Алексей. — Во сколько?

— В десять, — облегченно вздохнула Гера.

— Так поздно?

— По нашим понятиям, это даже рано.

Родители Геры жили в новом кооперативном доме. Он башней возвышался рядом с центральным проспектом города, в глубине уютного зеленого массива, в котором было много тенистых алеек, узких извилистых улочек — машины по ним двигались не спеша, то и дело натыкаясь на всевозможные предупреждающие знаки ГАИ. Здесь было тихо, по вечерам гуляли пожилые пары с собачками.

В подъезде Алексея остановила вахтер, дотошно спросила, куда и к кому он идет, произнесла важно:

— Проходите. Предупреждали о вас.

«От кого оградились?» — подумал Алексей.

На звонок дверь открыла Гера. Алексей вручил ей цветы, и она ослепительно заулыбалась. Он смотрел на нее с изумлением. Это была совсем не та Гера, с которой он летал в Париж, ездил на дачу, ходил в кино и гулял по аллеям парка. Та, по-мальчишески быстрая, резкая, небрежно одетая в потертые юбку и курточку, осталась в прошлом. Перед ним была красивая девушка в вечернем туалете, словно выставившая напоказ нарядное платье, дорогие серьги и браслет, высоко взбитую прическу, словом — все то, что неожиданно превращает порывистых девиц в сдержанных, отлично экипированных салонных дам.

— Я так рада тебя видеть! — тихо проговорила Гера. — За цветы спасибо, но лучше вручи их маме.

Она крикнула куда-то в глубину квартиры:

— Мама! Вот и пришел Алексей.

Ей пришлось эти слова произнести громко — в большой просторной комнате, в которую была открыта стеклянная дверь из передней, звучала музыка, было людно: кто-то из гостей танцевал, кто-то чинно беседовал у столиков с кофе, рюмками и разномастными бутылками.

Хозяйка дома выплыла в прихожую — тоже в вечернем длинном платье, сдержанно-величавая и приветливо-улыбчивая. Алексей преподнес ей цветы, представился.

«Сейчас протянет руку для поцелуя», — подумал он смущенно. Но мама Геры была психологом, недаром ей довелось столько лет работать в торговле. Она благоклонно поблагодарила за цветы, проворковала:

— Меня зовут Алевтина Васильевна... Герочка много о вас рассказывала. — Она оценивающе осмотрела Алексея. — Да, именно такими, молодыми и мужественными, я и представляла людей вашей профессии.

В голосе Алевтины Васильевны слышалось сдержанное восхищение. Она все делала величаво-сдержанно: говорила, двигалась по квартире, утомляла своих гостей вниманием. Алексей только намного позже понял, что именно такая манера поведения в представлении Алевтины Васильевны и ее друзей несет на себе печать аристократизма, выделяет из массы серых людей, с которой, они, увы, вынуждены общаться.

Алексей не успел никак отреагировать на неожиданный комплимент, а Алевтина Васильевна уже мягко, настойчиво взяла его под руку, увлекла в гостиную.

— Я вас должна представить отцу Геры.

Станислав Валентинович беседовал с женщиной чуть старше того возраста, который принято называть средним. Он вяло протянул руку, и Алексей подумал, что вот странность — у известного хирурга такая мягкая, изнеженная рука.

— Теодор, — назвал себя его собеседник.

— Теодор Петрович — старый друг нашей семьи и мой заместитель... естественно, на работе, — не без кокетства сказала Алевтина Васильевна. — Остальным гостям представлять вас не буду, у нас это не принято, каждый знакомится самостоятельно и сообщает о себе только то, что считает необходимым.

Теодор Петрович добродушно улыбнулся:

— Да, к счастью, здесь анкеты не заполняют.

Алексей понял, что все они хорошо знают, где он работает, и уже определили свое отношение к этому факту. Тем лучше, не надо играть в прятки.

— Зовите меня просто Теодор, — предложил заместитель Алевтины Васильевны. Он не без юмора добавил: — Друзья зовут меня Тэдди, но по всему видно, что такие штучки вам не по вкусу.

Был он таким, каким изобразила его в разговоре с Алексеем Гера. Высокий, спортивный, одет с той особой тщательностью, которая нынче в моде у деловых, серьезных людей. Уходили в недавнее прошлое джинсы и пестрые куртки, в которых щеголяли седовласые преуспевающие граждане и гражданки, дабы придержать ускользящую молодость и оттенить свои материальные возможности, полезные связи: не просто достать фирменные вещи... Уважающие себя люди теперь предпочитали строгие костюмы без всяких там клеток и легкомысленных кантиков.

«Для каждого времени своя одежда», — изрекла од-

нажды Алевтина Васильевна. Вот и Теодор Петрович предпочитал, чтобы при взгляде на него вспоминались строгие, требовательные руководители коллективов, у которых даже внешний облик свидетельствует о любви к дисциплине и порядку. У себя в универмаге однажды пришлось ему вникать в конфликт, возникший между продавцом и шумной, крикливой очередью, выстроившейся за импортными костюмами. Теодор Петрович пытался спокойно, с достоинством растолковать крикунам, что полученная партия костюмов незначительна, что-то около трех десятков, устраивать очередь до соседнего дома просто нет смысла. «Сам небось нахапался! — заорала какая-то наглая покупательница. — Ишь, вырядился!» — «Фабрика «Большевичка», — Теодор Петрович охотно расстегнул пуговицу пиджака, отвернул полу и показал фирменный ярлык. Это, как ни странно, произвело на очередь успокаивающее впечатление: А секретик был простеньким: к импортному изделию пришивалась этикетка отечественной фабрики. Теодор Петрович ничего не имел против родных комбинатов массового пошива, но предпочитал импорт.

Алексей поймал себя на том, что слишком уж пристально рассматривает Теодора Петровича — только ли потому, что этот элегантный, словно только что сошедший с обложки киножурнала тип набивается в мужья Гере? «А чего? — подумал Алексей, — такой ведь действительно обеспечит ее икрой, билетами на заезжих эстрадных знаменитостей, вояжами в Сочи и бриллиантами на шею. Но ведь все равно сядет...» — эта быстро мелькнувшая мысль доставила удовольствие.

— Не смотрите на меня так косо, молодой человек, — доброжелательно улыбнулся Теодор Петрович, — мы с вами действительно соперники, но в разных возрастных и весовых категориях. Герочка сама выберет.

Он словно бы выставлял напоказ свою привлекательность.

— Я уже выбрала! — громко сказала Гера. — Папа, ты хоть усвоил, что я тебе представила своего жениха?

Алексей хотел объяснить, что Гера шутит, но девушка крепко сжала руку: помолчи. И он ничего не сказал, не возразил. Гера это отметила, благодарно заглянула ему в глаза, оживилась, покраснелась, потащила Алексея от одних гостей к другим, и скоро он уже вконец запутался, кто есть кто в собрании чинных, хорошо воспитанных людей.

В этой квартире музыка звучала приглушенно, люстры горели вполнакала, здесь говорили вполголоса, и рюмки поднимали, не чокаясь, без звона. Алевтина Васильевна, неслышно проплывая по комнате, зорко следила за тем, чтобы все было в порядке на столиках, не убыли орешки в вазах и не остывал кофе, принесенный домработницей в накрахмаленном переднике.

Таких больших квартир Алексею еще не доводилось видеть, семьи его друзей жили в стандартных двух или (роскошь) трехкомнатных квартирках типовых домов, где потолки низко нависали над головами, а коридоры напоминали узкие пеналы.

— Ничего себе устроились,— сказал он Гере.

— Мой папа известный хирург,— напомнила она.

— Я понимаю...

— Моя мама не менее известная торговая деятельница,— с непонятной интонацией продолжала девушка.

— Не заводишься,— предупредил Алексей, уже несколько узнавший ее характер.— Я не хочу быть свидетелем семейных драм.

— Пожалуйста, обойдись без своей юридической терминологии,— Гера явно нервничала, она не могла сдержаться, говорила колкости и от этого нервничала еще больше.

— Я и в самом деле впервые в такой роскошной квартире,— примирительно объяснил Алексей.

— Такие вот гнездышки разбросаны по всему городу. Пока вы строите лучшую жизнь, некоторые ее уже имеют.

— В этом городе тридцать процентов семей еще живут в коммунальных квартирах,— резче, чем хотел, проговорил Алексей.

Она добилась своего, неприязнь ее постепенно передавалась и ему. Гера налила в хрустальный стакан сок, бросила разноцветные шарики, объяснила Алексею:

— Это такой застывший лед. Вот тот, в сером костюме, постоянно шляется за границу и привозит маме всякие диковинные штучки...

Мужчину в сером Алексей узнал, это был директор самого крупного в городе научно-исследовательского института. Пренебрежение, с которым Гера говорила о нем, свидетельствовало, что особого уважения ни его научные, ни исследовательские заслуги у нее не вызывают.

Алексей чувствовал себя среди этих людей неловко, он был чужим, ему нечего было здесь делать. Вести светские беседы он не умел, да и не хотел, торчать заставившим изваянием в каком-нибудь дальнем углу нелепо.

— Зачем ты меня позвала? — спросил он Геру.

— Чтобы ты на них посмотрел.

— Какая в том необходимость? Ты ведь прекрасно понимаешь, что в этом мирке я чужой.

— Кошмар и катастрофа... — притворно вздохнула Гера. — Ему предлагают познакомиться с удивительными персонажами современной человеческой комедии, а он недоволен. Кстати, ты должен усвоить, что связи в наши дни ценнее бриллиантов. Раньше говорили: «Этот человек стоит столько-то». Сейчас, понизив голос, произносят с уважением: «Этот человек вхож в дом... допустим, Ивана Ивановича... А вот тот каждую неделю играет в преферанс с Петром Петровичем...»

Гости Алевтины Васильевны переместились к роялю. Очевидно, музицирование тоже входило в программу таких вечеров. Хозяйка дома подошла к Алексею и Гере.

— Ах, молодость! Теперь я понимаю, почему Герочка от вас без ума.

— Она мне никогда этого не говорила, — сдержанно ответил Алексей. Он не знал, как держать себя с этой дамой.

— Еще скажет, не сомневайтесь. Материнское сердце не проведешь. Не правда ли, Герочка у нас — сплошное очарование?

Гера фыркнула, злая гримаска скользнула по лицу и исчезла, растворилась в безразличной улыбочке:

— У нас всегда предпочитают знать реальную стоимость.

— Злюка, — сделав вид, что не обиделась, кокетливо проворковала Алевтина Васильевна. — Тебе не идет, милочка, хамство.

Ого, отметил Алексей, мадам может за себя постоять, ишь какой блеск в глазах!

— Скажи еще, что мамочка желает счастья и добра, — не унималась Гера.

— Разве ты в этом сомневаешься? Мы для тебя ничего не пожалеем, — Алевтина Васильевна почти вплотную придвинулась к Алексею. Можно было не сомневаться, что говорит она это искренне и действительно

ничего не пожалеет для своей дочери из того изобилия, которым окружила себя.— Прощу тебя только, не груби Тэджи, не надо всем портить такой приятный вечер.

Зазвучала музыка, и Алексей с удивлением отметил, что за роялем — незаурядный музыкант. «Кто это?» — спросил Алевтину Васильевну. Она назвала известную в кругах любителей музыки фамилию, объяснила, что маэстро в городе на гастролях, но вот выбрал свободный от концертов вечер, откликнулся на приглашение.

Алевтина Васильевна явно гордилась своим «салоном» и желала, чтобы Алексей тоже заметил, как у нее мило, уютно и какие интересные люди здесь собираются. Выглядела она молодо, и даже косметика не старила ее, наоборот, умело подчеркивала серые глаза, матовый цвет лица, длинные ресницы, которыми она мило «хлопала». Вот только голос... Мягкий, доверительный, он время от времени выходил из повиновения, и тогда слова хозяйки дома звучали жестко, гортанно — так иногда переругиваются с покупателями рыночные торговки. Это было чисто профессиональное — Алевтине Васильевне постоянно приходилось вышибать «дефицит» для своего универмага, укрощать строптивых продавцов и не в меру привередливых покупателей.

— Вам нравится у нас? — не удержалась и спросила она Алексея.

— Не знаю еще, — стараясь, чтобы ответ не прозвучал резко, сказал Алексей. — Столько впечатлений...

Это уже позже придут мысли о том, на какие средства можно приобрести дорогие ковры, резную мебель, оригинальные картины в массивных рамах из красного дерева. А пока его подавляло обилие вещей, словно бы выставленных для обозрения. Он не мог сказать, со вкусом они подобраны или так, по случаю, не было у него житейского опыта, общения с обитателями таких вот, похожих на антикварные магазины, квартир. Майор Устиян, наверное, серьезно бы сказал: и хорошо, что у вас нет такого опыта, лейтенант.

— Ну что это я к вам прицепилась? — Алевтина Васильевна вспомнила о своих обязанностях хозяйки. — Побегу дальше. Вам, наверное, лучше будет вдвоем. Воркуйте, пожалуйста.

Пока они разговаривали, отец Геры, Станислав Валентинович, накинул плащ и ушел, тихо прикрыв дверь.

— Он часто так, — безразлично сказала Гера. — Нет,

чтобы уйти совсем. Я думаю: произойдет это когда-нибудь? Решится? Понимаешь, он действительно очень талантливый человек, и душно ему здесь, в этом мире, тяжело. Мама знает, что у него есть женщина, к ней он и уходит, когда невмоготу.

— Как же так? — изумился Алексей. — Да разве такое возможно?

— А тебе подавай прямую линию жизни? — печально спросила Гера. — Если друг — так настоящий, если семья — так незыблемая ячейка общества? В жизни не всегда так, как на плакатах.

— Не так у тех, кто не очень этого хочет, — Алексей сказал, но сам был не очень уверен, что это на сто процентов верно.

— Мне жаль папу, — тихо сказала Гера. — Больные на него молятся, ты знаешь, что только они не предпринимают для того, чтобы оперировал именно он! Когда в клинику приходит профессор Синеокий, там даже климат другим становится. «Профессор сказал...», «Разве вы не слышали, профессор просил...» А дома он вдруг сникает, становится безразличным, отстраняется от всего. Я видела, ты заметил пустые бутылки в кладовке на даче. Заметил ведь?

— Заметил, — признался Алексей.

— Это мама, Тэдди и их приятели развлекались. Ты думаешь, почему я так хотела, чтобы именно сегодня ты у нас побывал?

— В самом деле, почему?

— У меня с мамашей состоялся крупный разговор, в результате которого я запретила ей и ее друзьям появляться на моей даче, — слово «моей» Гера выделила резко, отрывисто.

— Как ты объяснила свой запрет? — поинтересовался Алексей.

Гера временами поражала его неожиданными своими решениями и твердостью, с которой добивалась их осуществления. Бывают же такие внешне «неприспособленные» к жизни девицы, оказывающиеся посильнее иных мужиков.

— Пока, до покупки кооперативной квартиры, жить там будем мы с тобой, — ответила хладнокровно Гера.

Алексей от изумления потерял дар речи.

— Ну что же ты молчишь, словно новость эта застряла у тебя в горле? — как ни в чем не бывало, обычным своим ироническим тоном поинтересовалась Гера.

— Может, ты сообщишь и то, когда мы поженимся? — Алексей попытался все обернуть в шутку, впрочем, ничего другого ему и не оставалось делать.

— Когда ты этого захочешь, — просто ответила Гера. — И не волнуйся, я тебя торопить не буду. — Она добавила рассудительно: — Я собираюсь выходить замуж на всю жизнь, а не на срок. Кажется, так называют количество лет, определенное судом.

— Герочка, ну что ты несешь, — взмолился Алексей. Ему казалось, что Гера разыгрывает сценку из сочиненного ею спектакля.

— Хорошо, оставим пока эту тему, — сжалилась Гера над Алексеем. — Хочу только сказать еще: не сомневайся, я буду верной и хорошей женой. Все. Точка. Приема нет.

Они стояли у невысокого столика с закусками, к ним не подходили, может быть, не хотели мешать беседе или просто здесь каждый был занят собой, своими партнерами по этой гостиной, где было душно, хотя и очень просторно. Алексей рад был этому, он не представлял, о чем говорить с людьми, ему совершенно незнакомыми. Он вспомнил поездку за рубеж, там тоже порою возникало такое чувство, когда их приглашали на вечер в какое-нибудь «общество», где интерес к ним был праздный, неискренний, так, дань моде на экзотику. Алексей одернул себя: конечно же, он не прав, здесь собрались разные люди, кто-то пришел случайно, как он сам, других заманили заезжей знаменитостью-музыкантом, а третьи...

— Видишь вой ту девицу? — Гера еле приметно указала на девушку, непринужденно устроившуюся с фужером шампанского в мягком угловатом кресле под торшером. — Ей девятнадцать, ее мужу — шестьдесят, она занята только собой — массажистка, косметички, портнихи, — он руководит районной плодоовощной базой... На сколько рубликов сгниет на базе капуста, на такую сумму и бриллиантик засверкает у прелестной Эльвирочки...

— Как просто! — неподдельно изумился Алексей.

— А зачем усложнять? Вот если бы я выпрыгнула замуж за Теодора — тоже засверкала бы драгоценным светом.

Она зябко передернула плечиками. Алексей в растерянности молчал.

К ним через гостиную, ловко лавируя среди гостей,

приближался Теодор Петрович. Он нес поднос с тремя фужерами и бутылкой шампанского.

— Предлагаю испробовать этот нектар за нашу будущую дружбу! — провозгласил Теодор Петрович.

Гера бросила на него равнодушный взгляд.

— Что ты имеешь в виду, Тэдди?

— Так, вообще... — у Теодора Петровича были лучезарная улыбка и такое же настроение.

Гера чуть приметно завелась, она вызывающе сообщила:

— Алексей — член общества трезвости.

— В самом деле? — восхитился Теодор Петрович. — Как интересно! Вас заставили? — невинным голосом спросил он Алексея.

Гера не дала Алексею ответить:

— И кроме того, Тэдди, по-моему, ты не до конца усвоил, что Алеша мой жених. Это означает, что за тебя я замуж не выйду, по субботам не буду летать с тобой в Сочи или на Рижское взморье. Но самую важную информацию ты, наверное, уже выделил: людям той профессии, которая у Алеши, лучше не рассматривать тебя с близкого расстояния.

— Гера, не груби, пожалуйста, — неловко сказал Алексей.

К удивлению Алексея, Теодор Петрович отреагировал на этот ее выпад совершенно спокойно, даже благодушно.

— Я подожду, — проговорил он, — пока ветер не переменится и не наполнит паруса моей судьбы. А почему вы не в форме? — спокойненько спросил Теодор Петрович. — Вам мундир, очевидно, к лицу... Или вы его надеваете, когда приходите за такими, как я?

Он явно рассчитывался с Герой за язвительный намек.

Алексей не владел искусством интеллигентного хамства, он лишь удивился той желчи, которая почувствовалась в словах Теодора Петровича.

— Хозяйственными преступлениями, хищениями и другими подобными делами занимаются сотрудники из БХСС, — растягивая слова от возмущения, ответил он.

Получилось прямолинейно, но ведь он сам напросился, этот Тэдди, Теодор Петрович.

— Будем надеяться, что это меня никогда не коснется, — серьезно сказал Теодор Петрович. — Если вообще произойдет... Не сверлите меня взглядом, молодой чело-

век, это была всего лишь шутка. Перед законом мы с Алевтиной Васильевной чисты, хоть под микроскоп. К вашему сведению, наш универмаг уже пятый год удерживает переходящее Красное знамя.

«Мы с Алевтиной Васильевной...» — подчеркнул Теодор Петрович, явно намекая, что в интересах Алексея впредь беречь репутацию будущей тещи.

— Не сомневаюсь в ваших производственных успехах, — заставил себя любезным тоном ответить Алексей.

— Пойдем ко мне, — предложила Гера. — Что-то голова разболелась. — Не ожидая согласия, она резко повернулась и пошла по длинному коридору, в самом конце которого находилась ее комната. На удивление, она обставлена была скромно: диван-кровать, письменный стол, шкафы для книг и одежды, гитара на стене.

— Моя обитель. Располагайся, я сейчас принесу сюда кофе.

Алексей осмотрелся. На книжных полках томики воспоминаний современников и известных писателей прошлого соседствовали со стихами Ахматовой, Цветаевой, Ахмадулиной, Друниной, с романами Бондарева, Окуджавы, Хемингуэя, Ремарка, Фолкнера. Одна стена задрапирована была черным бархатом, и на его фоне резко выделялась прекрасная копия иконы «Спас Нерукотворный» — запавшие глаза Христа, казалось, предупреждали о бренности и скоротечности бытия.

— Вот так я и живу, — Гера взглянула на Алексея, словно бы упрасывая не судить ее слишком строго.

— Грессишь и каешься? — попытался он пошутить.

— Грешат другие. А я... маюсь и каюсь.

— Слушай, Гера, давай поговорим начистоту, откровенно, как товарищ с товарищем...

— Как брат с сестрой, — продолжала насмешливо Гера, — и еще как давние друзья, сотоварищи по общему делу.

— Ладно тебе, — не принял ее тона Алексей. — Лучше скажи, зачем все эти штучки — выдавать меня за своего жениха, дразнить мамашу и этого делового Тэди, всерьез разыгрывать сценки из житейской драмы под названием «Женитьба»?

Гера быстро взглянула на Алексея, провела ладонью по глазам, словно отстраняя что-то, видимое ей одной, ответила:

— Ничего-то ты не понял. Я и в самом деле хочу за тебя замуж, сыщик.

— Опять двадцать пять! — в сердцах воскликнул Алексей. — Есть вещи, которыми не шутят. Ты бы меня хоть спросила, хочу я на тебе жениться или нет.

— Зачем спрашивать, если ты сам на каждом шагу буквально стонешь: «Не хочу!» Но решающего значения, как говорят в докладах, это не имеет, — сказала она странным, тихим голосом и замерла, ожидая, что ответит Алексей.

— Вот как? Плясали — веселились, пришло время — прослезились?

— Ладно, не волнуйся, — все тем же странным своим тоном продолжала Гера, — силой я тебя за себя не потащу. Придет время — сам в мужья мне запросишься. Пей кофе, будущий супруг, стынет ведь.

Она подошла к окну, отодвинула тяжелую штору. Было уже поздно, улица пустынно притихла под бледным светом фонарей.

— Иногда я надеюсь: вот отец уйдет к той, без которой не может, и не возвратится больше домой. И тогда уйду я.

— Ты так не любишь свою мать?

— Люблю — не люблю. Не те слова. Больно мне очень вот здесь, — она указала на сердце.

Гера сняла со стены гитару, тронула струны:

Неприкаянные девочки,
Обезволенные мальчики,
Что вас гонит по России
Из конца ее в конец?

Может быть, дожди слепые,
Может быть, мечты пустые?
Или ветер из растаявших надежд?
Неприкаянные девочки
И стареющие мальчики...

Гера пела с той долей грустинки, которую предполагали слова о неприкаянных девочках и обезволенных мальчиках. Вдруг она резко провела по струнам, оборвав мелодию.

— Слова и музыка мои! — объявила, бесшабашно потряхнув головой. И тут же сникла, завяла: — Вот как все сложилось. Очень хочется, чтобы было все по правде, а не получается, не выпадает розовый цвет...

Не впервые Гера заводила с Алексеем разговор на эти темы и, видно, на сегодняшний вечер возлагала ка-

кие-то свои надежды. И он решил, что самым верным тоном будет, пожалуй, сейчас строгий, даже резкий.

— Гера, осторожнее, пожалуйста, с выводами! Ведь я вынужден буду отнестись ко всему, что ты говоришь, серьезно. Иными словами, я завтра же должен встретиться с людьми, которые занимаются подобными проблемами, и сказать примерно следующее: «Мне стало известно, что в нашем центральном универмаге орудует группа расхитителей, есть основания предполагать, что там совершаются темные махинации». И, сославшись на то, что сведения получены от тебя, закончить так: «Считаю необходимым проверить».

— И ты это сделаешь? — растерялась Гера, она вдруг поняла, что перед нею не просто друг — Алеша, а человек, поступки которого определены строгими и непреклонными правилами, нравственными принципами.

Алексей ничего ей не ответил, он не знал, что ей ответить; девушке, которая совсем запуталась в том, что требует ясности. Если все, что Гера говорит или предполагает, — правда, тогда ей надо... Жить в грязи и оставаться чистеньким еще никому не удавалось. А он-то сам как выглядит? Выслушивает ее, рассуждает, сочувствует — на большее не способен, оказывается.

— Значит, ты в состоянии подвести под... — она не нашла нужного слова, — мать твоей... девушки? — Сказать «невесты» Гера не решилась, было уже не до двусмысленностей, не до игры в жениха-невесту, которую она же и затеяла. Она почти крикнула: — Отвечай же!

— Не надо так со мной! — Алексей не мог больше сдерживать раздражение, смутную тревогу, неуверенность. — Ты что, хочешь, чтобы я за тебя все решил?

Гера очень тихо, робко ответила одним словом:

— Хочу...

«А теперь позволь с тобою попрощаться, мой дорогой друг Алекс, до следующего письма. Будут новости — обязательно сразу сообщу», — так закончил очередное свое послание Ганс.

Конверт был в изобилии заклеен иностранными марками, испещрен квадратами и кружочками почтовых штемпелей. Письмо Ганса Каплера занимало десятков страниц машинописного текста. Алексей достал с полки немецко-русский словарь и принялся за точный его перевод. Был поздний вечер, мама давно легла спать, зеленая настольная лампа бросала ровный круг света на листки с чужими строчками, повествующими о событиях разных и странных. Ганс обстоятельно описывал свои поиски Ирмы Раабе, педантично перечислял все шаги, которые ему пришлось предпринять, всех людей, с которыми встречался и беседовал. Он проделал огромную работу. И вот что Гансу удалось выяснить.

В 1945 году Ирма Раабе и ее мать внезапно покинули свой коттедж в берлинском предместье и переселились в американскую зону, в небольшую деревушку под Мюнхеном. Приютили их дальние родственники матери, владевшие здесь небольшим поместьем. Жили скромно, их помнят местные жители, но какой-то весьма неопределенной памятью: да, были такие мать и дочь, но чем занимались, с чего существовали — неизвестно. Дочь много гуляла по окрестным лесам. Ее часто видели на берегу узенькой речки. Тогда в окрестных деревнях было много беженцев из городов, нашедших здесь приют, мать и дочь ничем не выделялись среди тех, кто пережидал лихолетье в сельской глуши.

Они прожили у родственников год с небольшим. Соседи вспомнили, что за ними приехали на грузовике двое мужчин, быстро погрузили вещи. Заминка произошла только из-за того, что не могли сразу отыскать девушку. Ирму обнаружили на берегу речки, и было такое

впечатление, что ее ведут к машине чуть ли не силой.

Далее следы семьи Раабе отыскиались в Мюнхене. Здесь фрау Раабе и ее дочь снимали вначале маленькую квартирку и жили так же уединенно, как и в деревне, избегая общества, знакомств. В этом тоже ничего странного не было — в те годы многие старались так жить: военный ураган отбушевал свое, но его порывы все еще проносились по земле, иногда захватывая в орбиты своего вращения людей, выворачивая наизнанку то прошлое, которое многие из них предпочитали бы забыть. Американская оккупационная администрация делала вид, что усиленно разыскивает беглых нацистских военных преступников, иные из них действительно представляли перед судом, в большинстве случаев получая наказание, далеко не равнозначное злодеяниям, которые были на их совести. Поэтому некоторые из беглых нацистов предпочитали легализоваться: незначительное наказание можно и пережить ради спокойной безмятежной жизни в будущем.

Объявился и полковник Раабе. Его даже не судили, не нашлось свидетелей, не оказалось документов о его преступлениях, все изображалось так, что он был только одним из многих офицеров, выполнявших на Восточном фронте свой солдатский долг и приказы фюрера, который, конечно же, один виновен в трагедии Германии.

Полковник вначале вел себя очень тихо, гулял по вечерам с супругой, опираясь на трость, залечивал, по его словам, раны.

Но жить очень уж обособленно им не удавалось — рядом были соседи, время от времени объявлялись знакомые, восстанавливались старые и появились новые связи.

Один из бывших соседей этой семьи, нынче почтенный пенсионер, которого разыскал дотошный Ганс, рассказал, что у людей, как-то соприкасавшихся с семьей Раабе, вызывало удивление странное поведение дочери Ирмы. Она жила практически под замком, ее никогда не видели на прогулках одну — только в сопровождении бывшего денщика полковника, и когда в дом приходили гости, что случалось редко, Ирма оставалась в своей комнате.

Любопытствующий сосед однажды подслушал грандиозный скандал в семье Раабе: Ирма требовала, что-

бы ее отпустили в Восточную зону, где, как кричала девушка, она оставила все — жизнь, счастье, любовь. Она грозила, что если не отпустят по-доброму, у нее останется только один выход — бежать.

Девушка и в самом деле пыталась убежать, ее перехватили на вокзале, возвратили домой с полицией.

Полковник Раабе — это слышали многие — такое поведение дочери объяснял тем, что она тяжело больна — результат надругательства, якобы учиненного над нею русскими солдатами в апреле 1945 года. Ирму и в самом деле вскоре отправили в горы, в лечебницу, где она провела в уединении несколько лет.

За это время дела бывшего полковника резко пошли в гору, он стал совладельцем крупной строительной фирмы, перебрался из скромной квартирki в просторную виллу, расположенную в аристократическом предместье Мюнхена. Поговаривали втихомолку, что «восточное» золото имеет ту же цену, что и западное, иными словами, полковник бежал из России не с пустыми чемоданами. Но за это его не порицали, о прошлом больше не вспоминали — зачем тревожить то, что давно миновало, — полковник ведь и сам попал в число пострадавших: был ранен, тяжело больна дочь...

Раабе хорошо помнят именно в те времена еще и потому, что он один из немногих не снял свои кресты — говорил, что никогда не будет стыдиться наград, одну из которых ему вручил лично фюрер. И еще он приветствовал своих старых знакомых нацистским взмахом руки и тихим «хайль». Когда, конечно, считал, что это не привлечет внимание окружающих.

Словом, все, с кем Гансу удалось переговорить, утверждали, что полковник Раабе ничего не забыл, остался верен идеалам «третьего рейха». Один из друзей полковника, которому Ганс представился в качестве сына его фронтового друга, тоже убежденный нацист, с восторгом воскликнул:

— Не представляете вы, каким примером служил всем нам в самые тяжкие времена этот удивительный человек! Мы его звали: «Ворон — верное сердце!»

Алексей прервал перевод письма, еще раз перечитал последнюю строчку: «Ворон — верное сердце». Да-да, конечно: Раабе — в переводе Ворон. Однако в Адабахах свирепствовала другая хищная птица — Коршун.

...Вот идут Адабаши по луговой дороге, впереди противотанковый ров бугрится выброшенной глиной, не-

подалеку от него пригорок, на пригорке стоит эсэсовец Коршун в окружении других палачей. Скоро принесут Коршуну снайперскую винтовку, он бережно проведет по стволу белоснежным платочком... Потом по лугу побегут мальчишки, надеясь на чудо, и начнется стрельба по движущимся целям, по живым мишеням.

Из лечебницы Ирма возвратилась через несколько лет. Бывший полковник выдал ее замуж за молодого, но весьма популярного в те годы адвоката. Злые языки утверждали, что солидный пакет акций и других ценных бумаг в качестве приданого преодолели сомнения адвоката, связанные со здоровьем и психическим состоянием его будущей супруги. С момента замужества Ирма была окончательно заточена в стенах виллы, которую охраняли ветераны-эсэсовцы — к таким людям Раабе питал слабость, всячески поддерживал и подкармливал их. Адвокат специализировался на защите бывших военных преступников (процессы тянулись годами, их даже называли «бесконечными»). Шумную известность и деньги плюс к приданому Ирмы ему принесла защита группы подпольных торговцев наркотиками, когда за решетку упрятали мелкую преступную сошку, а главарей оправдали за «недоказанностью состава преступления».

Ганс писал, что ему удалось познакомиться с материалами этого судебного процесса. Конечно же, и адвокат и судьи сделали все возможное, чтобы выдать черное за белое. Еще он скрупулезно проверил с помощью своих друзей утверждение бывшего эсэсовца Раабе о якобы имевшем место надругательстве над его дочерью, а также, что у нее была за болезнь. Выяснились любопытные подробности. В лечебнице Ирма близко подружилась с некоей Мартой Хазе. Марта излечилась, дожила до преклонных лет, и сейчас еще чувствует себя вполне сносно. Гансу удалось с нею повидаться. Торт и цветы она приняла благосклонно и за чашкой чая пересказала многое из того, что узнала от Ирмы. По ее словам, Ирма ничем не болела, ее здоровью можно было позавидовать. И никто никаких надругательств над нею не совершал, более того, советское командование специальным документом вынесло ей благодарность за участие в спасении своего офицера. Вся ее беда состояла в том, что она страстно любила этого офицера и несла это свое чувство как тяжкий крест. Офицер ее тоже любил, но после того, как был отправлен на лече-

ние в свою страну, связь между ними внезапно оборвалась.

Далее Ганс цитировал в своем письме разговор Марты с Ирмой, который ей хорошо запомнился:

Марта: Может быть, его заставили прекратить с тобой всякие отношения? Он — русский, ты — немка, дочь полковника, ведь он знал, что ты дочь эсэсовского полковника?

Ирма: Конечно, он видел в ту ночь фотографию отца.

Марта: Ты — дочь эсэсовца, у них очень суровые представления о такого рода привязанностях.

Ирма: Никто не смог бы его заставить. Ты не представляешь, какой это был удивительный человек, мужественный, цельный, как камень. Я именно тогда, когда узнала его, поняла, почему они победили...

Марта: Почему же?

Ирма: Если все русские такие, как он, то согнуть, уничтожить, поработить их народ невозможно.

Марта: Ты его идеализируешь.

Ирма: Возможно, но для этого есть основания.

Марта: И все-таки он исчез, растворился, затерялся, называй это как угодно — только ничего от этого не меняется.

Ирма: Однажды ночью, в конце августа, я проснулась внезапно от того, что мне показалось, будто он входит в мою комнату. Я даже сказала ему: «Здравствуй, любимый, наконец-то ты пришел!» А он мне ответил: «Прощай, Ирма, я не пришел, я ухожу навсегда». Я вскочила, бросилась к нему, но словно бы промчалась сквозь лунный свет, нигде никого не было... Вот тогда я впервые поверила, что никогда больше его не увижу, что он погиб.

Марта: Ты ему писала?

Ирма: Он прислал всего два письма. Сообщил адрес своей сестры. И по этому адресу я пробовала писать, но письма мои улетали в неизвестность, как уносит пожелтевшие осенние листья свирепый ветер. А может, они и не улетали, а исчезали, попав в почтовый ящик? Я и потом ждала его, бесконечно долго ждала, каждый день и каждый час. И уезжать из Берлина не хотела именно поэтому: вдруг он придет и не сможет меня найти. Я даже узнала, что было несколько случаев, когда советским офицерам их командование разрешило жениться на немецких девушках. А я ведь его спасла! И я пред-

ставляла, как иду к самому главному советскому генералу и падаю перед ним на колени. Но мой любимый исчез.

Марта: Тебе надо было ждать в Берлине.

Ирма: Конечно. Но меня обманули, сказали, что под Мюнхеном у надежных людей находится отец, он тяжело ранен, умирает и хочет с нами попрощаться. Мы с мамой собрались в один час, за нами приехал бывший денщик отца, мы его хорошо знали, поэтому поверили. А на самом деле отец, которого осведомили, что я «продалась» русским, выманил меня туда, где мог творить со мною все, что хотел. Он отправил меня в эту лечебницу, а ты знаешь, что здесь и стены, и охрана крепче тюремных!

Марта: Да, отсюда не убежишь.

Тем не менее, писал Ганс, Ирма дважды пыталась бежать из «лечебницы», но ее перехватывали еще на пути к автострате, пролежавшей километрах в десяти, и водворяли обратно, каждый раз ограничивая прогулки, лишая на длительные сроки права выхода за ограду.

Ганс, конечно, поинтересовался и тем, как случилось, что Ирма дала согласие выйти замуж за адвоката. Марта рассказала, что старый эсэсовец поставил перед дочерью условие: или она станет женой того, на кого он укажет, или до конца дней своих останется за высокой железной оградой «лечебницы». В это время группа бывших нацистов из пропагандистского аппарата Геббельса собирала «материалы» для грязной провокационной брошюры: в ней перечислялись женщины, якобы изнасилованные «оккупантами» в сорок пятом. Старый Раабе пригрозил Ирме, что передаст сведения о ней и ее русском офицере издателям этой брошюры. И Ирма уступила шантажу. Тем более что прошло уже столько лет...

После замужества Ирма уединенно жила на вилле в предместье Мюнхена, воспитывала дочь. Навещать Марте свою подругу не разрешили. Через несколько лет Ирма скончалась.

Теперь я приступаю к поискам дочери Ирмы фон Раабе, писал Ганс. В заключение он передавал всяческие приветы, обещал вместе со своими друзьями — «у нас тут образовался целый кружок под девизом «За любовь Ирмы Раабе» — довести дело до конца, пройти теперь

уже по нынешним следам этой давней истории. Он найдет дочь Ирмы, если она жива, и передаст ей копии писем, написанных ее матерью. Пусть она знает, как все было на самом деле, и не считает свою мать сумасшедшей, как хотелось бы треклятому эсэсовцу Раабе. Ганс не сомневался, что Алексей не будет возражать. «Я думаю,—писал он,— что мы имеем моральное право это сделать. Сейчас, через десятилетия, эти удивительные письма из прошлого потеряли характер личной переписки, они стали свидетельством того, что благородство, любовь, честность сильнее ненависти, они не сгорают даже в огне войны».

Ганс обещал, что и впредь будет относиться к письмам Ирмы очень бережно. Если удастся ее разыскать, дочь Ирмы будет решать, в какой степени возможно их обнародовать как романтические документы тяжелого времени. «Продолжаю искать следы Коршуна,—сообщал Ганс.— Таких стервятников нельзя оставлять на свободе».

Еще он не без юмора написал, что его послание получилось таким длинным из-за того, что у него сейчас много свободного времени, он «залечивает боевые раны» после молодежной демонстрации протеста против американских военных баз на территории его страны.

«В демонстрации нашей участвовали девчонки и парни из разных молодежных организаций, с разными идейными взглядами и убеждениями. Шли вместе студенты, рабочие, служащие. И мы все требовали только одного — пусть уберут с нашей земли эти базы и арсеналы с оружием. Знаешь, не очень приятно чувствовать себя сидящим на ядерном погребе, ключи от которого, к тому же, в чужих руках. Мы соблюдали порядок, но на одном из перекрестков на нас набросились эти бандиты — молодые неонацисты... Они пустили в ход кастеты, ломики, велосипедные цепи».

Ганс подробно описал эту разбойничью вылазку, в результате которой несколько демонстрантов было искалечено. Полиция, как всегда, наблюдала за побоищем со стороны.

— Вообще-то провокация была задумана масштабно: наши ребята прихватили неонацистов в тот момент, когда они закладывали в урну для мусора взрывчатку.

Среди террористов, схваченных, как выразился Ганс, «за коричневые лапы», была...

«Ты ни за что не догадаешься, кто пытался подсу-
нуть нам пластиковую взрывчатку,— писал Ганс.— Ото-
рвись от письма и подумай...»

Заинтригованный Алексей отложил листки бумаги в
сторону, прикинул, кто бы это мог быть. Он догадался!
Взял снова письмо и проверил себя: да, конечно,— это
предводительница молодчиков, затеявших свару на па-
рижской улице...

То, о чем писал Ганс, к сожалению, не было ред-
костью. Каждый день становились известными обще-
ственности новые вылазки неонацистов.

Недавно газеты сообщили о том, что во время демонстрации протеста против сборища неонацистов из НДП во Франкфурте-на-Майне убит 36-летний слесарь Гюнтер Заре. Полицейская акция против демонстрантов-антифашистов, шедших под лозунгами «Примирение с нацистами? Никогда! Ничего не забыто!», «Нет!» — фашизму!», «Нет!» — войне!» вылилась в настоящее побоище. Водометы беспощадно сбивали с ног людей. Одна из водометных машин переехала Гюнтера Заре. На том месте, где это произошло, неизвестные вскоре написали лозунг: «Гюнтер Заре. Именем народа убит в защиту нацистов...»

Алексей взял себе за правило приходить в управление в 8.30, за полчаса до начала рабочего дня. Он успевал за это время просмотреть свежие газеты, купленные в киоске, еще раз продумать план действий на предстоящий день. Чем дальше углублялся он в розыск карателей, расстрелявших род Адабашей, тем больше приходилось работать. Такие сложные дела обладали особенностью — они не отпускали от себя, требовали действий. Алексей готов был отдать все — время, силы, пожертвовать любыми своими привязанностями, лишь бы ускорить розыск, довести его до конца. Началась та полоса розыска, когда предпринятые ранее шаги стали давать осязаемые результаты.

Устиян вызвал к себе Алексея:

— Хочу сообщить вам долгожданное известие, — сказал он, открывая папку с документами. — Установлено местопребывание гражданки Кохан. Она ныне обитает на востоке страны, — Устиян назвал далекий городок, до которого даже самолетом надо лететь десять часов. — Вот уж забралась на край земли. Но сейчас Зинаида Кохан, как сообщили наши товарищи, не дома, уехала в отпуск.

— Куда?

Устиян заглянул в документ, лежавший в папке:

— Записывай...

Он продиктовал адрес небольшого города, находившегося в соседней с Таврийской области.

Зинка Қохан за пособничество оккупантам отбыла наказание и после этого переселилась на Дальний Восток.

Они обсудили, надо ли встречаться с Қохан сейчас или подождать, пока она завершит отдых и возвратится в свой город. Прикинули, что могли преподнести им встречи здесь и там, какие неожиданности и сюрпризы. В конце концов решили, что Черкас встретится с ней во время отпуска. На этом настоял Алексей: не хотелось терять времени, за немедленную встречу с Зинкой говорило многое, в частности, мог сработать эффект неожиданности.

Алексей выехал в командировку на следующий день. Он не стал предупреждать Геру о своем отъезде. После памятного вечера с представлением в роли «жениха» они не встречались, только однажды Гера позвонила по телефону и независимым тоном заявила, что происшедшее его, Алексея, ни к чему не обязывает, он свободен в своих действиях, как птица. Это у нее получилось несколько литературно: «как птица»... Поскольку Алексей замешкался с ответом, девушка повесила трубку. Алексей несколько раз пытался до нее дозвониться, но, услышав длинные гудки в трубке, облегченно клал ее обратно. Он не знал, как сложится разговор со своенравной девицей, не мог, как ни старался, определить свое отношение к происшедшему.

Свои исчезновения Гера называла так: выпадать в осадок...

К кому приехала Зинаида Қохан в этот уютный зеленый городок, Алексей установил с помощью местных товарищей уже на следующий день. Навели справки, и оказалось, что на улице Солнечной в собственном доме проживает престарелая Глафира Степановна Қохан, мать Зинаиды. Коротала годы в одиночестве, так как муж ее много лет назад был судим за поджог и умер в заключении. Зинка — единственная дочь и... единственная наследница добротного, просторного кирпичного дома, стоившего немалых денег. Это давало основания предполагать, что не на отдых она прибыла, а ради этого самого дома: мать тяжело болела, не сегодня завтра

могла завершить свой жизненный путь, вот Зинка и примчалась, чтобы оформить все документы на наследство.

Алексей представлял себе Зинку Кохан совсем другой. Ему казалось, что она из тех, о ком говорят: «Сохранила следы былой красоты». Но никаких «следов» Зинка за годы своей непутевой жизни не сберегла. Была она низенькой, худощавой и какой-то колючей. Выпирали остренькие скулы, остро разрезал удлинненное лицо узенький ротик, глазки напоминали хорошо заточенные сверла.

— Тебе кого? — враждебно спросила она, открыв дверь на звонок.

— Вас, если вы Зинаида Евтихиевна Кохан, — Алексей предусмотрительно поставил ногу так, чтобы она не смогла внезапно захлопнуть дверь.

В глазах у Зинки мелькнуло беспокойство: парень был незнакомый, а назвал ее по имени-отчеству, официально. И уж больно вежлив — она привыкла еще в те давние времена, о которых старалась забыть, с опаской относиться к вежливым молодым людям, приходившим обычно нежданно-негаданно, когда их меньше всего ждали.

— Я... — протянула она, не выпуская ручку двери.

— Мне надо с вами поговорить.

— Не желаю беседовать с незнакомыми людьми! — Зинка вспыхнула гневным румянцем. Истерики для нее были делом привычным.

— Тогда давайте знакомиться, — Алексей раскрыл служебное удостоверение, показал Зинке его так, чтобы она смогла прочесть его фамилию, имя, отчество.

— Вот вы откуда...

Он услышал в голосе Зинки страх.

— Все-таки разрешите войти?

Зинка посторонилась. Хотя какая она Зинка! Алексей мысленно называл ее так только потому, что живуч был в его представлении образ молоденькой прислужницы карателей, любовницы Ангела. А эта пожилая растрепанная и растерянная женщина была уже из других времен, обошедших ее своим вниманием, более того, безжалостно высветливших в ней все уродливое, что в молодые годы, очевидно, приглушалось смазливой внешностью.

— Что, начнем сначала? — устало спросила Зинаида Евтихиевна, когда они прошли в большую светлую гор-

ницу. В соседнюю комнату дверь была полуоткрыта, там слышались неясные шорохи, покашливание.

— Больная старуха лежит,— объяснила Зинка.

— Опять привела хахалю? — слабым голосом спросила больная.

— Помолчали бы,— враждебно проворчала Зинка. И пожаловалась Алексею: — Уже который месяц тлеет, а все никак не помрет, связала по рукам и ногам, опутала — шагу не ступить.

Значит, Зинка кого-то сюда водит, отметил Алексей. Откуда у нее здесь знакомые, если столько лет не была в городе?

— Пригласили бы присесть,— Алексею не хотелось разговаривать вот так, на ходу, когда ответы становятся словно бы одолжением, ни к чему серьезному не обязывают.

Зинка указала на стул у круглого стола, покрытого кружевной скатертью, сама устроилась напротив, положила руки на стол. Они были у нее в узлах вен, мозолистые, натруженные. Руки словно бы свидетельствовали — женщина много и трудно поработала на своем веку. Она была явно обеспокоена и всячески пыталась скрыть свою тревогу от Алексея.

— Мне как понимать наш разговор: как беседу или допрос?

— Вы хорошо знаете, как проводятся допросы.

— Значит, разговор по душам,— сделала вывод Зинка.— Тогда спрашивайте.

— Когда вы впервые познакомились с Ангелом?

Алексей решил не тратить время на подводку к разговору, сидевшая перед ним женщина прошла уже через множество «бесед», с такою лучше говорить напрямую, а не бродить вокруг да около.

Вот теперь Зинка испугалась по-настоящему. Она сжала пальцы так, что они побелели в суставах, низко опустила голову, словно что-то пыталась выискать в замысловатом рисунке кружевного полотна, а на самом деле просто старалась скрыть взгляд.

— Не знаю я никакого ангела! — выкрикнула она.

— Врешь! — неожиданно окрепшим голосом откликнулась больная из соседней комнаты.— Рассказывай, Зинка, правду, а то уедешь в дальние края и не жить тебе в этом доме после моей смерти!

— А я и не собираюсь здесь жить,— враждебно проворчала Зинка.— Когда помрешь, продам дом и уеду.

— Вспомни, как первый раз его в хату привела и меня на холод выгнали, словно собаку приبلудную.

Старуха и через десятилетия не простила дочери свои обиды.— копила их, вновь в бессонные ночи распаляла себя, строила планы мести.

— Не я тебя выгоняла,— Зинка даже не повернулась к полуоткрытой двери, из-за которой раздавался голос матери.— Ты ведь знаешь, как все было, что же ты на свою родную дочь лишнее наговариваешь? Сорок с лишком лет я казнюсь, себе грехи не отпускаю! Лучше повесили бы меня тогда вместо партизана.

Не ее повесили, а того паренька.

...С обеда полицейские побежали по хатам, сгоняя всех на площадь. Нет — не всех, детей и стариков не трогали, даже посмеивались, пусть отлеживаются на печках, не для них сегодня работенка. Уводили с собой девок, несколько парней-калек, которые по болезням задержались в селе, женщин да пожилых мужиков. Пронесся слух, что будут отбирать молодых и здоровых для эшелона в Германию, несколько сельчан раньше уже угнали в неволю на чужбину. Потому и шли люди на площадь со страхом, с опасением, на всякий случай прощались с родными.

За Зинкой тоже пришли, она забегала по подворью, наскоро заталкивая в заранее приготовленный полотняный мешочек сухари, шмат сала, кое-что из одежки.

— Перестань шнырять,— прикрикнул полицейский. Он жил по соседству и потому счел возможным приглушенным голосом объяснить: — Никуда вас из села не погонят. Здесь работа найдется.

На площади, когда собрали всех, из группы немецких солдат и полицейских вышел чернявый парень с крестом на мундире. Он сказал, что из подвала управы сбежал схваченный ночью партизан, раненый, так что далеко не ушел. Чернявый сплюнул презрительно:

— Надо этого гада поймать и добить. Сейчас мы все пойдем на облаву. На охоту кто ходил?

Чернявый засмеялся, ему показалась нелепой мысль, что кто-нибудь из этих баб и девок, жавшихся от страха друг к другу, участвовал в такой благородной забаве, как охота.

— Не ходили, так пойдете.

Ловко придумал все чернявый, подло и хитро. Людей вывели за село к огромному полю, на котором поднялась кукуруза. Был уже август, и кукуруза вымаха-

ла по плечи. Каратели правильно рассудили, что партизан побежит туда, где легче укрыться. Вот всех расставили по краю поля метров за десять друг от друга, а за этой цепочкой выстроилась другая: полицейские и солдаты. Было их немного, и расстояние между каждым было побольше — метров по пятьдесят. Так и получилось, что сеть накинули на кукурузное поле густую, плетеную в два ряда. Чернявый предупредил: кто увидит беглого, пусть сразу кричит, полицейские или солдаты доделают свое дело, а если промолчит и пройдет мимо, то даже разговора не будет или там какого разбирательства — пуля в черепушку. «Боженько ж ты мой! — со страхом думала Зинка. — Это ж нас в каратели тоже записали, мы ж за раненым человеком будем гоняться, своего ловить». Она мотнулась туда-сюда, прикинула, как бы незаметно сбежать, но сосед-полицейский заметил ее суету и без злобы вытянул плетью так, что старенькое платьице на спине треснуло. Немцы захохотали, они веселились перед этой охотой, безопасной для них — один-единственный партизан, да и тот безоружный и раненый, что он может? Им нравилась придумка чернявого, и они одобрительно похлопывали его по плечу: зер гут! Да, конечно, куда скрыться тому бедняге — не на этом поле его вылушат из кукурузы, так на следующем. На дорогу он не рискнет выйти, а до леса добежать не успел — далековато.

Немцы веселились, день был хороший, солнечный, по пути они натрясли яблوك в садах и теперь звучно надкусывали их, сок стекал по выбритым, лоснящимся подбородкам.

А люди стояли хмурые, и каждый, как и Зинка, молил бога, если он есть, чтоб не выпало на его долю это тяжкое испытание — встретить раненого. Понимали люди, что этой облавой каратели их как цепью приковывают к себе, кровью опрыскивают — кто в живых останется — все равно весь век будет мучиться, кошмары видеть, детей и внуков своих стыдиться. В облаву на своего погнать — такое только зверюга без стыда и совести, без ничего святого придумать может.

— Пошли!.. Пошли!.. — закричали полицейские.

Люди двинулись по полю неровной цепью, опустив головы, словно невольники. И надсмотрщики были — полицейские с винтовками и плетями.

В высокой кукурузе было пыльно и душно, Зинка брела, раздвигая высокие, жесткие, словно лезвия брит-

вы, стебли, обливаясь липким потом. Острые края листьев больно резали оголенные руки и ноги. «Вот сейчас упаду и будь что будет», — с отчаянием думала она. И в самом деле споткнулась о вывороченный еще при пахоте пласт земли, упала, но тут же вскочила и побрела, шатаясь, дальше.

Беглого она увидела посреди плантации. Он лежал между рядками, лицом вниз, на изодранной в клочья рубашке багряно пламенела кровь. Партизан не шевелился, и было такое ощущение, что он мертв.

Зинка остановилась от неожиданности, шагнула в сторону, ломая стебли, чтобы обойти лежавшего ничком человека, и это заметил шедший метрах в двадцати от нее полицейский. Она еще могла что-нибудь сделать, приветливо махнуть полицаю рукой, прокричать какую-нибудь шуточку, словом, изобразить, что ничего особенного у нее не случилось, просто обходит ямку или поваленные ветром стебли. А она, напуганная до полу-смерти, закрутилась, завертелась на одном месте, не в силах идти дальше, зажала рот ладонью, чтобы не дать вырваться истошному воплю. Вдруг мелькнула спасительная догадка: так он же мертвый, ему все равно: подойдут эти ироды, пнут сапогом, может быть, даже закопать позволят. Мертвый он! Ничего не чувствует, вот и руки обвисли, словно плети. В его смерти — ее спасение, не в чем будет винить себя, мертвым не больно.

Полицейские издали наблюдали за нею, очень уж странно она себя вела, кружила на одном месте, а другие ушли вперед и теперь оглядывались на нее. Люди тоже заметили, что с нею неладно, одна из женщин, выручая ее, крикнула:

— Зинка, не отставай!

А она вдруг подняла руку, взмахнула — мертвым все равно, а ей жить хочется, ой как хочется жить! Полицейские со всех сторон побежали к ней, продираясь сквозь заросли кукурузы, круша все на своем пути, передергивая со звоном затворы винтовок. И тогда она увидела, как партизан приподнял голову — вместо лица у него была кора из земли и застывающей крови — и негромко, но отчетливо произнес:

— Стерва! Овчарка немецкая!

Нет, он не выкрикнул эти слова — сказал так, будто клеймо выжег на всю оставшуюся жизнь.

— Молодец, девка, — заорал возбужденно чернявый каратель, — вознагражу!

Партизана повесили в тот же вечер на крыльце сельсовета. Как и водилось, на казнь согнали всех жителей села. Зинку поставили рядом с полицейскими и немцами, чернявый, бешено вращая глазами, выкрикнул, что доблестная немецкая армия вот-вот войдет в Москву, что всех коммунистов перевешают, как этого ублюдка — он ткнул пистолетом в партизана, уже стоявшего на табуретке с петлей, и вообще заколотят Советы в гроб.

...Зинка потом много ночей видела в беспамятстве одно и то же: пожилой полицейский неторопливо и хозяйственно на глазах у партизана, совсем молоденького хлопчика, бруском мыла натирает веревку.

Чернявый еще выкрикивал про то, что Зинка оказала большую помощь в поимке беглого бандита и если бы все поступали так, как она, то с партизанами давно было покончено. Один из подручных протянул чернявому сверток, тот сорвал обертку, развернул большой шерстяной платок в ярких розах — мечту сельских девчат — и набросил Зинке на плечи. Ей показалось, что на шею лег хомут и теперь его не сбросить — будет нести свой тяжкий груз туда, куда скажут чернявый и другие каратели.

Селяне молча, не глядя друг на друга, опустив головы, расходились по хатам. Возле повешенного каратели оставили пожилого полицейского, опасаясь, что кто-нибудь снимет тело и похоронит партизана по человеческим обычаям.

— Иди домой, — приказал чернявый Зинке, — и готовь вечерю, заглянем попозже.

— У нас же хлеба и того нет, — все происшедшее оглушило Зинку, повергло ее в состояние полного безразличия, тупой покорности. Вот думала, что тот хлопчик мертвый, а он живой оказался. Овчаркой немецкой окрестил, свое проклятие с нее не снял, как теперь ходить по земле?

Чернявый ухмыльнулся:

— Твое дело — на стол собрать. Остальное — наши хлопоты...

Вскоре после того, как Зинка пришла домой, во двор с сумками и торбами в руках ввалились полицейские. Они нанесли мяса, сала, кур со свернутыми головками, яиц, масла. Несколько пятилитровых бутылей с самогонкой бережно поставили на пол в угол, чтобы не дай бог не зацепить ненароком.

Зинка принялась жарить и варить, чтобы хоть в

работе забыться. Мать ей помогала, она кое-что из еды снесла в погреб, пусть будет на черный день. Словно бы он не настал уже для нее, Зинки, черный денечек, такой черный, что и не сказать словами.

— Ты у них корову попроси,— советовала мать. — А то хотят платком отделаться.

— Помолчала бы ты, мама,— Зинка опустила на лавку, сложила руки на коленях, да так и застыла.

— Ты чего скисла? — прикрикнула на нее мать. — Или они, нас жалели, когда пшеничку выгребали, батька твоего в тюрьму отправляли?

Зинка смутно, но помнила день, когда отца уводили со двора милиционеры. А до этого сгорел колхозный склад. Как увели отца, так и пропал, будто и не было его никогда. Да, их не пожалели, так чего ж она должна переживать, мучиться?

Мать ей не раз жаловалась, что вот осталась неизвестно кем: то ли вдовой, то ли замужней женой. И Зинка ее не очень осуждала за то, что в их хату вечерами иногда наведывались подгулявшие мужики — здесь всегда можно было разжиться самогонкой, а то и скоротать время до рассвета.

Подготовив все для стола, мать быстренько привела себя в порядок, угольком начернила брови, огрызком красного карандаша подвела губы. Она металась из кухни в горницу легко, настроение у нее было явно приподнятое. Про то, что произошло в поле и у сельсовета, она ничего не сказала Зинке, словно и не видела, как набрасывали на молоденького партизана петлю...

Когда стемнело, прикатили на машинах чернявый, два немецких офицера и несколько полицейских. Зинка заметила, что вокруг дома расставили часовых, и это ее обрадовало — испуг, охвативший ее еще тогда, когда в кукурузе она увидела партизана, не проходил. Он и не пройдет еще многие-многие годы, она привыкнет к страху, как свыкаются с длительной болезнью, которую лечи не лечи — никуда от нее не деться.

— Пойди переоденься, а то гости в дом, а она как чумичка,— зашипела на Зинку мать. Зинка послушно достала из сундука вышитую крестиком белую блузку, темную юбку, бархатный жакетик, хромовые сапожки — свою праздничную одежду. «О-о!» — восхитились офицеры, когда она появилась в горнице. Они оживленно залопотали, глаза у них стали масляными. Чернявый

смотрел на все это спокойно, пальцем указал Зинке место возле себя.

Гужевали каратели долго и шумно. Зинке помогали мать и один полицейский, бывший у чернявого кем-то вроде денщика.

Быстро опустели бутылки самогона, однако собрались, видно, привыкшие к выпивке, на ногах держались крепко.

— Как твое имя? — спросила Зинка чернявого.

— Ангелом меня зовут дружки верные.— Чем больше чернявый пил, тем мрачнее становился, и Зинке возле него было страшно.

Денщик выскочил во двор, принес из машины патефон, поставил пластинку. Зазвучала песенка на немецком языке, Зинка не понимала слов, но по виду загрустивших офицеров догадалась, что патефонная немка поет про любовь или что-нибудь схожее. Офицеры обнялись, налили еще себе самогона, начали подпевать. Они сняли кители, повесили их на спинки стульев, не стесняясь Зинки и ее матери, справили малую нужду в ведро в углу. Ангел хоть и пил много, но ни на минуту не терял их из виду, всячески услужал, подливая самогон, подкладывал в тарелки куски жирного мяса. Он бегло говорил по-немецки, и офицеры изредка что-нибудь спрашивали у него, другие полицейские для них просто не существовали.

Зинка знала, что на ночлег они остановились в доме старосты, который сидел на кухне и ждал своих «гостей» — за стол его не пригласили.

Наконец офицеры уехали, полицейские стали устраиваться на ночлег.

— Ты где спишь? — спросил Зинку Ангел.

Она указала на дверь в свою комнатенку.

— Туда не заглядывать,— приказал Ангел своим подручным. Он тяжело поднялся со стула, пошатнулся, но на ногах устоял.

— Иди стели.

Зинка метнулась к выходу, но он ее перехватил, больно завернул руку:

— Кому сказал! И все — геть отсюда!

Полицейские поспешно расползлись по углам — кто в хлев, кто устраивался на лавке в кухне.

Вот так все это и случилось. Ангел и его подручные поднялись с солнцем, словно и не колобродили всю ночь, быстро похмелились и уехали к школе, где был у них

сборный пункт. Машины с карателями промчались мимо Зинкиной хаты и вскоре над соседним селом поднялись столбы дыма — погода стояла тихая, безветренная, и дым уходил прямо в небо.

Через несколько дней Ангел заехал к Зинке переночевать, потом еще и еще. Приезжал он обычно глухими вечерами и каждый раз что-нибудь ей привозил: то кожушок, то нарядный жакет, то еще иную почти новую одежонку. Мать Зинки сказала ему про корову, и по его приказу староста конфисковал у семьи бывшего колхозного бригадира ладную удойную коровенку, пригнал ее во двор к Зинке.

Только через какое-то время Ангел, крепко выпив, назвал Зинке свое имя — Жора, — но о себе, своем прошлом, как она ни выпытывала, не проронил ни звука.

— Привязался я к тебе, — с сожалением признался как-то Зинке. А потом сказал: — Надоело ездить сюда, да и опасно. Будешь в моей команде за кухарку. Нашего повара партизаны подстрелили. Обвенчаемся, обмоем это дело.

Зинка собралась в мгновение, она давно хотела этого, потому что в селе ей уже было не жить — с нею никто не разговаривал, детишки из кустов кричали ей вслед: «Немецкая овчарка», женщины при встрече с нею переходили на другую сторону улицы.

«Венчание» было шумным, пьяным и с приключениями. Ангел как чувствовал, что вечер этот добром не кончится, все выходил во двор караульных проверять. А когда перепились, подарил одному из своих приятелей, вроде от щедрости, доброты душевной сорочку, китель, фуражку, заставил тут же примерить. Все подошло, развеселились от этого, выпили и снова выпили — приятеля повалило на стол, а Ангел тихо-тихо ушел в комнату к Зинке, стал ждать. Выстрелы разорвали тишину, потом грохнули гранаты, хата затряслась, полетело битое стекло, и вот уже пробился сквозь дым огонь.

...Уехала Зинка с Ангелом в ту же ночь, и началась Зинкина походно-полицейская жизнь.

Пока Ангел и другие каратели были на акциях, она куховарила, а потом усаживалась у открытого окна и ждала их возвращения.

Команда Ангела все время передвигалась, кочевала из одного района в другой, оставляя после себя

пепелища и виселицы. Зинка привыкла к такой жизни, к запаху крови и гари, и если в первые дни, когда видели избитых, изувеченных пытками людей, которых привозили с собой каратели, втихомолку плакала, то потом ожесточилась, застыла в равнодушии к чужой боли.

Вначале Ангел ей не особенно доверял, без присмотра не оставлял. Но она и не помышляла о побеге — куда? Зачем, если кровь, пролитая карателями, пятнала и ее жизнь?

Ангел как-то с восторгом рассказал, что у его приятеля в такой же летучей команде есть зверь-девка, любит из пулемета лично скашивать подлежащих экзекуции — установит пулемет поудобнее, ленту заправит и прошивает сразу десятки людей...

Зинка поняла, куда он клонит, с надрывом, истерично выкрикнула:

— Хватит того, что с тобой сплю! Лезешь в кровать — кровью от тебя несет, как от недорезанного борова! Хочешь, что бы я всю жизнь не отмылась?

Окна в комнате были открыты во двор, там вышагивал полицейский, охранявший заключенных, Зинка вопила так громко, что он с интересом задрал голову, прислушался. Ангел ловко, почти не отводя руку, двинул ее по физиономии, кровь закапала из расквашенного носа.

— Вот и ты в крови теперь, — удовлетворенно произнес Ангел.

Зинка снесла побои безропотно, Ангел больше к этой теме не возвращался. В тот вечер она была особенно заботливой; стянула с сожителя грязные сапоги, поставила к позднему ужину бутылку.

Как ни странно, но этот случай укрепил доверие Ангела к Зинке, он убедился, что податься ей некуда, да и не помышляет она об этом.

Шли дни, Зинка свыклась с мыслью, что она конечная, вокруг нее столько смертей, что, кажется, так будет всегда. И тут внезапно Красная Армия перешла в наступление, и побежали, покатились по разоренной земле гитлеровские части, а вместе с ними бургомистры, старосты, полицейские, каратели, переводчики... Какое-то время Зинка отступала вместе с командой Ангела, пока он ей не сказал:

— Все. Останавливайся, не катись за нами. Прикинься беженкой, пережди. Я тебя найду.

Она ушла из команды на рассвете. Ангел сам про-

вел ее мимо часовых так, чтобы никто и не догадался, куда она подевалась. К восходу солнца Зинка уже вышла на широкий шлях и смешалась с людьми, которые брели неизвестно откуда и куда. Ей повезло — аусвайс, выписанный Ангелом, внушал немецким патрулям доверие. В родное село она не стала возвращаться — знала, что там ее ждет. Остановилась в небольшом местечке, адрес ей дал Ангел, он же и наказал:

— Сиди там и жди меня, я объявлюсь, как только потише станет.

Красная Армия взяла местечко с ходу, фронт быстро передвигался на Запад. Зинка уничтожила аусвайс, по своим настоящим документам устроилась на работу. И стала ждать. Но Ангел не появился в то время, и иногда она думала, а был ли он вообще, Ангел по имени Жора?

Именно этими словами Зинка неизменно заканчивала свой рассказ следователям о том, как ее попутал бес, то есть Ангел, и каким образом она потеряла его.

— Исчез тогда, в военное лихолетье, как сквозь землю провалился. То ли убили, а может, сбежал с фашистами.

Все могло случиться. Следователей во время ареста Зинки в 1947 году нельзя было упрекнуть в отсутствии интереса к Ангелу. Они все, что касалось этого карателя, тщательно отразили в документах. Но Зинка, во-первых, твердо стояла на том, что не знала, кто такой Ангел: ни его фамилия ей неизвестна, ни откуда он, как и где жил до войны. Жора... а мало ли людей с таким именем? Во-вторых, ее рассказ о том, что Ангел не явился в условленное место, подтверждался убедительным фактом: года через полтора после окончания войны она вернулась в родное село, прятаться от властей не стала, была арестована.

И сейчас перед Алексеем Зинка изобразила возмущение:

— Я свое отсидела сполна, что еще от меня хотите? Или так до конца жизни и будете терзать меня?

— Положим, терзали людей ваши дружки,— спокойно сказал Алексей.— Ангелы... Коршуны... И те, кто помогал им.

— Я не помогала!..— закричала Зинка.— Любую могли заставить пищу готовить!

Она собиралась закатить истерику, взвинчивала себя, ломала до хруста руки.

— Не надо,— осадил ее Алексей.— Вы слишком многое уже видели и через многое прошли, чтобы сейчас давить на психику.

— Ишь ты, молодой, а тертый,— быстро успокаиваясь, удивилась Зинка.— Я все рассказала, шел бы теперь по другим своим делам.

— Не все,— уверенно сказал Алексей.— Вы ничего не сказали о Коршуне. И я не верю, что Ангел навсегда исчез из вашей жизни. Как, кстати, его звали?

— Я же сказала: Жора.

— Фамилия?

— Клянусь, не знаю. Ангел — так его даже немцы именовали. Бывало какой-нибудь из них крикнет: «Ангел, ком цу мир!» — он и бежит.

— Разве вы никогда не пытались заглянуть в его документы? На вас это непохоже.

— Он раз и навсегда пригрозил: полезешь в карманы — пристрелю.

— А теперь расскажите все, что знаете о Коршуне. И не надо придумывать: «в первый раз слышу». Предупреждаю, что есть свидетель, который в любой момент подтвердит, что Коршун вам был хорошо, даже очень хорошо известен.

Зинка отвела взгляд, явно прикидывая, стоит ли выкладывать то, о чем раньше молчала. Но парень оказался настырным и осведомленным, все равно докопается, раз свидетеля отыскал.

...Коршуна она увидела в первый раз, когда готовилась какая-то крупная операция против партизан. Впрочем, она давно уже поняла, что «операции против бандитов», как оккупанты их именовали — это налеты на беззащитные села; ворвутся, людей перестреляют, хаты пожгут... Высокий эсэсовец приехал в команду Ангела на машине с охраной. Они вместе расстелили на столе карту, долго что-то на ней прикидывали. Зинка была в кухне, готовила ужин, стараясь не греметь кастрюлями и сковородками. Эсэсовец от ужина отказался, вскоре уехал, начало темнеть, а немцы не любили ездить поздними вечерами. Ангел был необычайно доволен приездом эсэсовца, сказал даже Зинке: «Коршун — это тебе не пичуга какая. Жди прибавки на погонах». Был Ангел очень честолюбивым, всячески старался выслужиться у фашистов, не раз говорил, что звание гауптмана откроет ему дорогу повыше, в большой город, а то уже устал носиться по селам, пристреливать грязных

баб и сопливых ребятишек. Утром команда Ангела снялась с места и перебралась туда, где разместились штаб эсэсовца. Это была старая усадьба, длинные здания для скота и инвентаря образовали замкнутый прямоугольник, внутри которого находился двухэтажный домик, наверное, здесь была контора или что-нибудь в таком роде. В длинных строениях разместились солдаты, во дворе стояли грузовики, мотоциклы, другая техника. В двухэтажном домике жили офицеры, в подвалах — бетонных, с маленькими окнами-бойницами, укрытыми решетками,— держали схваченных во время акций людей.

Ангела и Зинку тоже поселили в домике.

Отсюда совершали каратели свои набеги на дальние села — ближние все уже были сожжены, выбиты, вырезаны. Зинка часто видела Коршуна: он прохаживался перед строем солдат, готовых к выезду на акцию-разбой, уезжал куда-то на своей легковушке в сопровождении мотоциклистов, возвращался после налетов. Эсэсовец равнодушно, свысока проходил мимо тех, кто попадался ему на пути от машины к порогу. Иногда позволял себе странное развлечение. Кому-нибудь из новеньких в подвале создавали такие условия, что, казалось, возможен побег. Дверь «забывали» закрыть на замок или поднимали решетку на окне — вроде бы проветрить бетонные каморки. Коршун усаживался у чуть приоткрытого окна своей комнаты на втором этаже, клал снайперскую винтовку на подоконник. Большой двор пустел, солдаты разбрелись по своим сараям-казармам. Узник, обманутый тишиной, выбирался из камеры. У него на волю был только один путь — перемахнуть через ворота, сваренные из железных прутьев. И когда он с разбега хватался за эти прутья, звучал выстрел. Один-единственный... Зинка несколько раз наблюдала эту «забаву» эсэсовца, промаха тот не сделал ни одного. Появлялись солдаты, волокли убитого к грузовику, дно кузова было устлано брезентом — аккуратный водитель смывал потом кровь струей воды... «Стрельба по движущимся целям», — так называл все это Коршун, а Ангел мечтал достичь такого же совершенства и точности.

Коршун заходил в их комнату, когда хотел выпить или поиграть в карты. Проигрывал неизменно — и без сожаления — Ангел. Зинка знала, что Жора играет в карты так же мастерски, как эсэсовец стреляет. Но вот, поди ж ты, ни разу не позволил себе обыграть Коршуна.

Они, каратели, уезжали и приезжали, солдаты втихомолку от офицеров, а офицеры так, чтобы не видели солдаты, жрали самогон, делили награбленное, готовили посылку в фатерланд — изредка, раз в неделю, прикатывал за ними грузовичок военной почты. Однажды эсэсовец приказал команде Ангела выжечь село в дальнем углу их зоны. Зинка поехала вместе с командой, Ангел считал экспедицию абсолютно безопасной и разрешил ей для развлечения... Он беспричинно нервничал, ругался, что Коршун отправляет их к черту в зубы — никаких партизан там нет, села давно пожгли, только маета одна.

Когда возвращались после карательной акции, еще издали заметили неладное. Подъехали ближе: вместо зданий, стиснувших клочок земли прямоугольником, чернели пепелища.

— Кто сжег фольварк? — спросил Алексей.

Зинка, вспоминая прошлое, объяснила:

— Жора походил среди обгорелых стен, изучил каждый след, все, что бросили там или забыли второпях. Он сказал мне: немцы сами все пожгли, словно следы заматали.

— Почему?

— Жора подозревал, что Коршун хотел отделаться от него и полицейских. Но не своими руками. Он точно знал, что вышла в рейд партизанская бригада и вот-вот будет в этих местах.

— А что сделал этот... Жора-Ангел в такой обстановке?

— Он скомандовал всем — на машины. У него на такие дела нюх был прямо звериный, засады партизанские чуял за десять километров.

— Видели вы после этого Коршуна?

— Нет, от партизан тогда все-таки удалось уйти, команда Жоры была подчинена другому офицеру-эсэсовцу. Потом началось наступление Красной Армии, все так завертелось-загорелось, что каждый уже думал только о себе.

— Как вы считаете, Коршун уцелел?

— Каратели между собой говорили, что его вроде бы куда-то отозвали.

Разговор у Алексея и Зинки получился долгий, совсем стемнело, даже больная старуха перестала охать и тяжело вздыхать, наверное, задремала.

— На сегодня будем заканчивать,— подвел итог Алексей.— Завтра жду вас в горотделе госбезопасности к одиннадцати часам. И надеюсь, к этому времени вы вспомните, когда в действительности в последний раз видели Ангела.

Он решил не ехать трамваем — пройти к гостинице пешком. Вечер был славный, ласковый. Алексей шел и думал о том, как странно все получается: приходится постоянно возвращаться в прошлое, листать те черные страницы, которые скрыты от всеобщего обозрения, читать строки, выписанные кровавым почерком военных преступников. Как говорит майор Устиан: у нас такая работа, что чужая боль кажется своей. Городок быстро погружался в сумерки, лишь дальний край горизонта оставался красновато-светлым: там, за пока еще различимую линию земли, опустилось солнце. И в расплывчатом неясном свете увиделось Алексею, как бежит, спотыкается, падает, вскакивает и снова бежит по просторному двору фольварка парень, спасение кажется ему близким, еще несколько шагов, взять бы последнее препятствие — и воля... Но гремит выстрел, ставит свинцовую точку на эсэсовской «забаве». Неужели же этот палач — любитель стрельбы по движущимся целям, по живым мишеням, этот зверюга живет до сих пор? Все постарался забыть или, наоборот, гордится «подвигами», вспоминает о них за кружкой пива с такими же, как и сам, экс-убийцами?

...На следующий день Зинка к одиннадцати утра в горотдел не пришла. Алексей подождал час, потом решил поехать по знакомому адресу, узнать, что случилось. Вряд ли Зинка рискнула бы не явиться по такому «приглашению», даже если оно и не было оформлено в установленном порядке.

Дома ее не оказалось. Старуха слабо попросила воды — подняться она не могла, а жажда мучила, потому что, по ее словам, Зинка поздно вечером ушла, бросила ее одну и до сих пор где-то шляется.

Алексей зашел к соседям, попросил их помочь старухе, пообещал прислать врача. Он тревожно догадывался, что с Зинкой что-то произошло, при всем своем пакостном характере не бросила бы она так надолго тяжело больную мать. И еще вдруг подумал, что совершил какую-то ошибку, он не мог пока понять, какую именно, просто возникло ощущение того, что что-то важное ускользнуло из поля его зрения, чему-то он не при-

дал значения. Зачем один пошел к Зинке? Торопился побыстрее ее увидеть? Увидел... А толку? При желании она от всего, что говорила, откажется. А теперь еще это внезапное исчезновение... Самодеятельность сплошная... А как говорит майор Устиян, нашей работе самодеятельность так же противопоказана, как самолечение здоровому человеку.

Алексей доложил начальнику горотдела полковнику Кравцу о внезапно возникшей ситуации. Тот снял трубку, позвонил начальнику милиции, поинтересовался, не имели ли место в городе в течение последних десяти-двенадцати часов чрезвычайные происшествия. Выслушал ответ, предупредил:

— Сейчас к вам присоединится наш товарищ. Лейтенант Черкас. Прошу оказать необходимую помощь.

Он сказал Алексею:

— Утром в подъезде одного из домов обнаружили убитую женщину. По описанию похожа на Зинаиду Кохан. Удар ножом в спину.

Алексей помчался к месту происшествия. Лейтенант спустился по ступенькам к двери в полуподвал, куда редко кто заглядывал, поэтому и обнаружили труп не сразу, случайно. Да, это была Зинка. Ее убили где-то в другом месте, возможно, на улице, а уже потом затащили в подъезд. Зинку затолкали в темный угол: казалось, она присела отдохнуть, только место для этого выбрала неподходящее — паутина, мусор, запустение. Грязной была ее жизнь, в грязи и кончилась. Вот только кому она помешала, кто поторопился ее убрать, уничтожить? Это событие лишь подтвердило неясные опасения Алексея, что неверный, неточный шаг он все-таки сделал.

— Весь ваш поспешный визит к Зинаиде Кохан — неточный, опрометчивый шаг,— резко сказал майор Устиян.— И убрал ее тот, кому она побежала сообщить о вашем посещении. В нашем деле случайности бывают, совпадения тоже, однако не до такой степени: вечером вы были у Зинки, а ночью или утром ее ударили ножом в спину.

Алексей после убийства Зинки срочно возвратился в Таврийск. Расследование будут вести местные работники, ему лично делать было нечего, разве что выступать в роли наблюдателя, а это занятие неблагодарное. Он доложил Устияну о разговоре с Зинкой, не упуская самых мелких деталей. Хорошо, что сообразил после возвращения в гостиницу записать для памяти все самое важное. Майор посмотрел его записи, приказал приобщить к делу — они становились документом. Он хмуро смотрел куда-то в сторону, перебирал бумаги без нужды, и вообще был сумрачным, недовольным и даже не пытался скрыть это.

— Товарищ майор,— выпалил Алексей,— если я заслуживаю наказания — накажите, но, честное слово, я ведь из лучших побуждений...

— В нашем деле лучшие побуждения это те, которые диктуют точные решения,— резко сказал майор.— Кстати, наказания, как и награды, не запрашивают.— Никита Владимирович после паузы добавил: — Непродолжительный опыт вашей работы что-то объясняет, однако проступок не смягчает. Что же касается наказания, то вы его заработали сполна.

Алексей только теперь ясно понял, что совершил не просто неверный шаг, он создал ситуацию, которая закончилась драматически. Если бы не пошел к Зинке один... Если бы...

— Мне писать рапорт об увольнении? — тихо спросил Алексей.

Устиян резко поднялся из-за стола:

— Когда однажды вы уже приходили в этот кабинет с таким вопросом, тогда это было еще понятно. Но сейчас?! Мы здесь работаем, а не сантименты разводим! Советую вам впредь быть осмотрительнее с подобными заявлениями. У меня все!

Алексей ушел к себе в кабинет, вновь «прокрутил» в памяти свою краткую, с таким внезапным финалом командировку. В памяти всплыли злые слова старухи, намекавшей, что к Зинке кто-то ходит. Кто? Знала его старуха или нет? Проворчала с явной неприязнью, почему? Ведь дело обычное — к дочери заходит знакомый ей человек, доченька уже не в годах даже, а на пороге старости.

Зинка сказала, что после смерти матери дом продаст и уедет. А вот на это больная никак не откликнулась, не возмутилась — значит, всерьез не восприняла такую возможность или при ней велись другие разговоры. Может быть, именно с тем, кто бывал здесь? Возможно.

Значит, следует его искать того, кто приходил к Зинке, кого видела или слышала ее мать и кто, вполне вероятно, был приезжим.

Алексей решительно постучал в дверь кабинета майора Устияна.

— Мне надо возвратиться и выяснить все до конца. Это ведь не рядовое убийство — очевидно, устраняли свидетеля.

— Да? — сделал вид, что удивился, Никита Владимирович. — А я-то думаю, чего он и она не поделили, почему ножичком — в спину? Может, ревность, пламенные страсти, огненные чувства?

Он, конечно, имел право на иронический тон, и Алексей густо покраснел.

— Ладно, не смущайтесь, — только сейчас майор счел необходимым косвенно ответить Алексею на его слова об уходе. — Вам еще долго-о работать, много разного распутывать придется. Запомните: нет безнадежных дел, есть работнички... без надежды. Хорошо, что поняли ошибку и мучитесь ею. Теперь излагайте, почему пришли к такому выводу.

Алексей обстоятельно рассказал о ходе своих размышлений.

— Убежден: или нас кто-то подслушивал, или Зинка Кохан сразу после моего ухода помчалась доклады-

ваться. Она была очень встревожена и не могла это скрыть.

— Скорее всего, несмотря на ночь, побежала сообщить, что ею интересуются. Ее нашли довольно далеко от дома, ближе к центру города, не тащили же труп туда с окраины.

Алексей отметил, что майору известны подробности, о которых он не говорил, значит, звонил, расспрашивал.

— Впрочем, ясно, что Зинка ушла на ночь глядя, об этом ее мать сказала. И вот что еще — если даже она не видела, кто к Зинке приходил, то наверняка слышала из своей комнаты его голос и то, как она к нему обращалась — имя и, возможно, отчество. Словом, оформляйте свою командировку. И следующий раз имейте обыкновение перед тем, как командировку прервать, позвонить, посоветоваться — связь у нас надежная.

Алексей стойко пережил и эту выволочку, ибо майор был прав.

Расследование убийства гражданки Зинаиды Кохан за время его отсутствия почти не продвинулось вперед. Следователи тоже пришли к выводу, что Зинку убили не случайно, убийство преднамеренное, и, скорее всего, его совершил тот, к кому она сама пришла. Но почему? За что? Нельзя было сбрасывать со счетов и версию, что ей за что-то отомстили: могли у нее быть недруги еще со старых времен.

И вот Алексей снова в доме, в котором беседовал с Зинкой. Сопровождал его следователь, который занимался делом об убийстве Зинаиды Кохан. Как и условились, следователь участия в разговоре со старухой не принимал, просто слушал, делал свои выводы.

Алексей не сразу увидел старуху, когда переступил порожек горницы. Соседки позаботились, чтобы в доме все было, как положено в печальные минуты: затянули черной тканью зеркало, лампочки, задернули старенькие портьеры, отчего в комнатах установился стойкий полумрак и Алексей не сразу заметил, что старуха теперь лежит не в боковушке, а в «парадной», самой большой комнате.

— Здравствуйте,— сказал он в пространство.

— А, это ты,— узнала его по голосу старуха.— Чего снова пришел? И не один. Ты несчастье в мой дом привадил.

— Нет, не я, бабушка,— Алексей готов был к такому

приему. — Наоборот, пришел, потому что считаю своим долгом разыскать убийцу. Со мною — мой товарищ...

— Как же, найдешь! А и отыщешь — все равно доченьку не вернуть. — Зинка теперь для нее стала «доченькой» — она вроде бы и забыла, что совсем недавно говорила о ней не самые добрые слова.

— Найдем, бабушка, никуда не денется.

Старуха помолчала, потом принялась рассуждать:

— Вишь, как оно в жизни. Зинка сиднем сидела здесь, ждала, когда я помру, чтобы хозяйкой в дому стать. А я ее первой похоронила, всех пережила.

Лейтенант, поддерживая разговор, сказал безразличным тоном:

— Она ведь хотела дом продать и уехать. Так говорила.

— Как же... Только о том и думала, чтобы я скорее померла, а она здесь навсегда расположилась со своим дружком.

Казалось, старуха сама помогала ему получить нужные сведения.

— Бабушка, — осторожно спросил Алексей, — а вы его видели, знаете, кто это?

— О ком ты?

— О приятеле вашей дочери.

— Ишь ты, молодой, а быстрый. Как я его могла видеть, если за дверью бревнышком гнилым лежала? Она меня туда специально перетащила, чтоб не мешала, значит. Да вы садитесь, — спохватилась она, заметив, что Алексей и его товарищ стоят посреди комнаты. Ей хотелось поговорить, люди у нее бывали редко, только чтобы помочь по хозяйству, проведать, да еще несколько раз приезжал врач. В больницу лечь она категорически отказалась, хотя Алексей в прошлый раз договорился об этом. И сейчас она спросила:

— Ты насчет больницы хлопотал?

— Да, бабушка, — подтвердил Алексей.

— Ишь ты — бабушка, — проворчала она, — сыскался внучок. Твоя-то бабка жива?

— Нет, убили ее каратели. В Адабашах. Это в соседней области.

— Так ты из Адабашей? — с неожиданным интересом спросила старуха и даже попыталась приподняться на локте. — Потому и ищешь Ангела?

Алексей изумился — вот как поворачивается их разговор! Прoshлый раз старуха все слышала, но промол-

чала, а теперь как-то очень обычно произнесла кличку карателя — словно бы привыкла к ней, слышала раньше. Конечно же, слышала! И не только слышала, но и видела его самого, ведь в ее доме шла пирушка после того, как каратели повесили партизана на крыльце сельсовета. Как же он не догадался об этом раньше!

— Совсем забыл, что вы ведь тоже в нашей области жили, — сказал Алексей. — От вашего села до Адабашей совсем недалеко, рядом они.

— Откуда знаешь, где я жила? — подозрительно спросила старуха.

Алексей не стал скрывать:

— По документам вашей дочери. Вы в каком году сюда перебрались?

— После того, как Зинка срок отбыла. Не захотела в родных местах оставаться — там всякий в нее камнем бросит.

— Но ведь чтобы такой дом купить, нужны немалые деньги.

Старуха повздыхала, поворочалась на кровати, размышляя, видно, сказать или не сказать, но парень внушал доверие, был почти земляком, да и внезапная смерть дочери заставляла ее по-иному взглянуть на некоторые стороны прошлой жизни. Она призналась:

— Деньги Зинка дала. Потому и спокойно ждала моей смерти, я здесь хозяйкой только числилась.

— Откуда у нее такие средства? — поинтересовался Алексей, хотя кое о чем начал догадываться.

— У нее и спроси, — ехидно прошамкала старуха.

Но Алексей спросил о другом:

— Бабушка, это Ангел к Зинаиде приходил?

Старуха долго молчала, и Алексей начал беспокоиться, не стало ли ей плохо. Он хотел было подойти к ней, но следователь, более опытный в общении с такого сорта людьми, жестом остановил: не торопись. Старуха молчала долго, она ушла воспоминаниями в свое далекое прошлое...

...Денщик Ангела неожиданно привязался к ней, все норовил почаще проводывать, если случалось команде быть поблизости. Назвался он Пашей. Любил степенно посидеть за столом, поговорить о делах по хозяйству. Или брал топор, шел чинить забор. Глафира только удивлялась: вокруг ее дома одни сгоревшие хаты, а этот забор чинит. Да, странный был мужик — карателям служил, а мучился и каялся как — не приведи господи,

Однажды приехал с какой-то акции, трясется весь, слезы на глазах, лицо серое. Не могу, говорит, видеть, как детей убивают. Стариков — ладно, куда ни шло, а детей за что? Это он так неизвестно кого спрашивал. Глафира тогда ему выговаривала: чего это тебя колотит, запрягся с ними в один хомут — тащи. Он и рассказал, что в начале войны попал в плен, подышал в лагере, а тут вербовщики повадились агитировать — большевикам уже крышка, надо подумать о себе, выжить, приспособиться к новым порядкам. Он подписал обязательство, решил, что как осмотрится — уйдет к своим. Так некоторые из пленных думали себе в утешение, но немцы не были простаками. Его подкормили, обмундировали и однажды на рассвете приказали расстрелять пленного командира Красной Армии. Поставили командира к кирпичному забору, на семь шагов от него — Пашу, а за спиной у Паши встал Ангел с автоматом. Ангел равнодушно объяснил, что если Паша по команде не выстрелит, то на спусковой крючок нажмет он, и тогда гнить Паше в одной яме с командиром. Паша выстрелил...

Ангел заметил у него склонности содержать все в порядке, каждой вещи определять нужное ей место, даже в казарме, среди мусора и грязи, разводимой полицейскими, поддерживать подобие чистоты. И взял его к себе денщиком.

Все это Паша рассказывал с тоской, не сразу, к самогону, который выставляла на стол Глафира, не прикасался, ему и без зелья было тошно. И вот однажды стало ему совсем худо, побелел прямо весь, разрыдался, начал рвать на себе рубашку, кричать, что убьет Ангела, который сделал его палачом.

Они, Паша и Глафира, думали, что одни в хате, никто их не слышит, Зинка вроде с вечера куда-то умотала по своим делам. И не заметила за трудным разговором Глафира, что Зинка давно уже возвратилась, улеглась в соседней с горницей комнате, все до единого словечка из их разговора слышала.

Глафире было и жаль его, но не то, чтобы уж очень. Что за мужик такой, раскис, размяк, сопли распустил. Вон у Ангела руки по локоть в крови, а ходит по земле хозяином, и даже немцы относятся к нему с опаской — от такого всего можно ожидать. А этот и грешить по крупному не умеет. Ангел напоминал чем-то Глафире ее мужа, тот был таким же бешеным, все грозился по

ночам порезать колхозных активистов, а добро коллективное пустить дымом по ветру. Только и успел, что поджог в колхозе сделать — пришли спокойные, вежливые люди, увели. И у мужа, исчезнувшего неизвестно где, и у Ангела ненависть была определенной, жгучей, казалось, ее можно было потрогать руками.

— Чего терзаешь себя, — сказала Глафира Паше, — нет у тебя теперь другой дорожки.

Но он был ей небезразличен, чувствовала она своим бабьим чутьем, что в другие — спокойные времена — получился бы из него хороший муж, домовитый, степенный, глава дома, в котором она бы всем распоряжалась, а соседкам говорила: «Мой так решил... А вы же знаете, если он уж решит — не переломает».

Только где те спокойные времена? К стрельбе да пожарам привыкли, что вроде и всегда так жили.

— Убью я Ангела! — кричал Паша, и щуплые плечи его вздрагивали от рыданий.

Не убьет он Ангела, понимала Глафира, не по зубам ему Ангел, да и нет уже у Паши иной дороги, кроме как с теми. Может, и не хотел он убивать пленного командира, только убил, и не имеет теперь значения, добровольно он такое сделал или по принуждению. Партизан, которого Ангел повесил на крыльце сельсовета, наверное, мог бы купить себе жизнь, выдав своих. А не захотел, предпочел смерть.

Не обойдет погибель и Пашу — это Глафира чувствовала. И ничего с этим не поделаешь, не нашел он в себе силы устоять на ногах, упал. Так думала Глафира, привыкшая ко многому в жизни относиться спокойно: чему быть, того не миновать. Но она и предположить не могла, что видит Пашу в последний раз. Проспавшись, он ушел в команду. Ангел пристрелил его собственноручно, даже не объясняя за что. Увидел, процедил: «А-а, это ты», — достал пистолет, выстрелил, сказал сбежавшимся полицейским: — Закопайте где-нибудь это дерьмо».

Глафира сообразила — это дочка слышала ее разговор с Пашей, она донесла Ангелу. Жалко ей было Пашу. И к дочке после этого стала относиться с опасением: вон на что способна — человека под свинец подвести.

— Бабушка, это Ангел к Зинке приходил? — настойчиво повторил свой вопрос Алексей.

Ищут Ангела, ищут... Она Зинке не раз говорила:

«Не такие они люди, чтобы у них ангелы смерти безнаказанно летали». Не верила Зинка, надеялась на что-то, а какие могут быть надежды, если изувер.

— Не видела я его,— ответила старуха.— Я же в другой комнате лежу, не видела я. А говорили они всегда вполголоса, тихо, разве определишь, он или не он, когда столько лет прошло.

— А часто бывал?

— Несколько раз по вечерам, когда совсем темнело.

Алексей догадывался, что старухе известно гораздо больше, чем она рассказала, не может быть, чтобы, месяцами прикованная к постели, не перебирала она в памяти свое прошлое, как перебирают четки. И знает она, кто заглядывал к Зинке в вечерних потемках, когда можно прийти, не опасаясь любопытных взоров соседей. Как ее убедить, какие слова найти?

— Чего молчишь? — обеспокоенно зашевелилась в постели Глафира Григорьевна.— О чем думаешь?

Алексей не отвечал.

— Зачем ты хотел меня в больницу отправить? — пробормотала старуха.— Жалко стало?

— И жалко,— спокойно объяснил Алексей.— И еще потому, что каждому ясно: тот, кто убил Зинаиду, попытается убить и вас. Вы ведь знаете, кто это сделал. Отказались от больницы, теперь возле вашего дома охрана.

— То-то мне соседка говорила, что какие-то мужики все здесь ходят.

— Это наши люди.

— Только знай, что помирать мне совсем не страшно. Днем раньше, днем позже... И ты помрешь!— вдруг с поразившей Алексея неприязнью выкрикнула она, и ему очень захотелось уйти из этого дома, где прочно поселился полумрак и трудно дышать застоявшимся тяжелым воздухом.

— Что же,— сказал Алексей,— придет время — умру. Но вначале поймаю Ангела и еще немало полезных дел сделаю.

— Подай воды,— попросила больная:

Она выпила несколько глотков, обессиленно откинулась на подушку.

— Ангел приходил, который — Жора,— проговорила она вдруг без эмоций.— Я хоть и не видела его, но чувствую — он. Да и словечки все его. Постарел, сдал

сильно, ему сейчас, наверное, уже шесть десятков отмерено. Ангел смерти прилетал, значит, пора мне в дальнюю дорогу отправляться.

«Бредит она, что ли?» — подумал Алексей. Он приоткрылся: в полумраке лицо старухи казалось вылепленным из воска, однако живые, беспокойные глаза опровергали то, что она говорила — старуха надеялась, что и на этот раз ее смерть обойдет стороной. Вот только Ангел-Жора... Она его боялась и не могла пока решить, что лучше — навести на его след этого упрямого парня или затаиться, вести себя тихо.

— Поймите, — убежденно сказал Алексей. — Не оставит он вас в покое. Мешаете вы ему. Думаю, вам лучше все-таки рассказать, что знаете.

— Повезло тебе, — задумчиво протянула больная. — Пришел в самый нужный для тебя момент, когда думаю я уже не о жизни, а о том, что будет после нее.

Она хитрила, суесловила, выгадывая время, а сама прикидывала, как же ей все-таки поступить.

— Где искать Ангела, под какой фамилией он скрывается? — не дал ей уйти от главного Алексей.

— Не знаю я этого. Он появился вместе с Зинкой. Зинка приехала по моей телеграмме — умираю, мол, — а через день-два он к полуночи ближе постучался. Вначале я даже не сообразила, кто это, только потом догадалась.

— К нему Зинаида ушла после разговора со мной?

— Думаю, к нему. Видно, Ангел побоялся, что когда возьметесь за нее всерьез — все расскажет, вот он ее...

— Вспомните их разговоры, может, хоть какая зацепка найдется.

Старуха лежала, скрестив руки на груди, седые жиденькие волосы прилипли к вискам, она устала, признание давалось ей нелегко.

— Приезжий он, так считаю.

— Почему?

— Объяснять долго, мочи нет, только приехал он вместе с Зинкой и вдвоем с нею ждал моей смерти.

— Ничего не понимаю, — с недоумением произнес Алексей. — Зачем им ваша смерть?

— Дом... — с трудом произнесла старуха.

— Чтобы продать дом? Значит, из-за денег? Но если

это был действительно Ангел, в войну он награбил на всю оставшуюся жизнь.

— Эх, молодые! Не знаете вы, какой бывает настоящая жадность! Когда все мало. Вот и Зинка столько лет сюда не показывалась, а тут примчалась, прискакала.

— Где искать Ангела? — с надеждой, что Глафира Григорьевна еще вспомнит что-то существенное, спросил Алексей.

— Не знаю, но подсказать могу.

— Спасибо! — воскликнул Алексей.

— Нужна мне ваша благодарность! О себе надо думать, а то и в самом деле ночью придавит, — со злобой произнесла старуха. — Пойди в кладовку, возьми Зинкин чемодан, — распорядилась старуха.

Когда Алексей принес чемодан, она сказала:

— Там есть письма... Думаю, от него. Нашел? А теперь уходи. Помирать буду.

Но тон, каким она это сказала, не свидетельствовал о желании «помирать». Старуха смотрела на Алексея цепким, оценивающим взглядом, словно прикидывала, сможет ли этот парень быстро использовать полученные от нее сведения и загнать Ангела в силки. Видно, она пришла к лестному для Алексея выводу, потому что, когда тот попрощался, остановила его.

— Письма те, я, конечно, читала. Там нет ни подписи, ни адреса — хитрым Ангел был, таким и остался. Но и я тоже не из дурачков, хоть жизнь моя и прошла в грязи и маете. От Зинки я как-то получила письмо из Ясногорска. Чего она там делала? Нет у нас там никакой родни. Еще я вспоминаю слова Паши. Он говорил, что Ангел после войны от крови отмоеся, потому что не под своей фамилией он злодействует, под чужой.

Алексей застыл в изумлении. Если поверить неведомому, уже давно истлевшему в земле Паше, то выйдет, что Ангел, нанимаясь в палачи к оккупантам, сменил свою биографию... Могло ли такое быть? В любом случае версия заслуживает внимания. Его спутник тоже заинтересовался неожиданными сведениями.

— Удивила тебя? — Старуха даже попыталась беззубо ухмыльнуться. — Ищи, значит, свою черную птаху в Ясногорске. А чтоб и в самом деле нашел, вот тебе еще одна зацепка — знаю я, что он где-то там в сторожа

пристроился. Сказала, что знала. Как это ты говоришь: «бабушка». Сроду у меня внуков не было, а теперь объявился. Вот теперь иди... внучонок.

«Дорогой мой капитан, за мной уже идут... Они все-таки объявились, и вот рушатся надежды, любовь, и ничего у меня не остается, ибо от прошлого я отказалась, а будущее не наступит. Жаль, что не успела я преподнести тебе тот подарок, который обещала.

Прощай, мой капитан.

Твоя навсегда Ирма».

— А я приготовил вам подарок,— чуть торжественно сказал майор Устиян.

— По какому поводу? — спросил, смутившись, Алексей. Он уже доложил о результатах командировки, изложил план дальнейших действий, который продумал очень тщательно. Майор пока уклонился от его оценки, но объяснил:

— Вы выполняли только часть работы, не обижайтесь, не самую значительную, в розыске военных преступников по кличкам Коршун и Ангел. Параллельно с вами трудились и другие товарищи. Получены неплохие результаты. Пришло время свести все воедино. Что же касается подарка... Для такого, который предназначен вам, повод не требуется.

Чем ближе узнавал Алексей Никиту Владимировича, тем больше он ему нравился. Внешне медлительный, всегда спокойный майор Устиян обладал важными качествами, которые необходимы розыскнику,— он неутомимо и последовательно шел к цели, по еле приметным следам прокладывая тропку, которая для тех, кого он разыскивал, часто заканчивалась у скамьи подсудимых. Майор знал практически все, что можно было знать о военных преступниках, орудовавших в годы оккупации на территории области. Он мог дать справку в любое время о каждом из них. Когда всплывало новое имя, устанавливался факт ранее малоизвестного преступления, прежде всего обращались к майору Устияну — что он предложит, подскажет, посоветует.

Алексей удивлялся в душе тому, что Никита Владимирович, человек с таким богатейшим профессиональным опытом, безусловно, очень честный и принципиальный,— в звании майора. Он хотел спросить у самого Устияна, почему так получилось, но, к счастью своему, не успел, а потом узнал, что когда-то капитан Устиян

заболел и по болезни ушел в резерв, и тогда же его внезапно оставила жена. Болезнь у него оказалась тяжелой, не из тех, которые излечивают, а жена его, как поговаривали, была удивительно красивая женщина, весьма ценившая внимание мужчин. Понадобилось немало времени, чтобы врачи, установившие печальный, распространенный в нынешнее время диагноз, с изумлением констатировали: «Практически здоров».

Никита Владимирович так и остался одиноким. Алексей в душе поразился такому странному стечению обстоятельств: Никита Владимирович, посвятивший жизнь розыску предателей и изменников, сам испытал, что есть отступничество со стороны близкого человека.

А возвратиться в строй ему помогло и лечение, и какая-то одержимая убежденность, что он не имеет права свалиться, обязан переломить судьбу. В больнице, где ему пришлось провести несколько месяцев, другие больные с таким же диагнозом таяли на глазах, потом их на некоторое время выписывали в связи с кажущимся улучшением, после повторной госпитализации помещали в палаты на одну койку, и, наконец, однажды они исчезали навсегда. «Есть у меня шанс? Хотя бы один из ста?» — спросил Никита Владимирович лечащего врача. «Пока мы живем — шансы есть», — услышал уклончивый ответ. Он свой шанс использовал полностью.

Эту историю в управлении рассказывали далеко не каждому, а лишь тем новичкам, которые внушали доверие, к кому относились по-доброму. Был майор Устиян работником старой, еще военной закалки. Алексей не раз благодарил судьбу и начальство за то, что они именно такого человека определили ему в наставники, учителя.

И тот факт, что майор Устиян позаботился о «подарке», Алексею был приятен. Конечно, он понимал, что речь не идет о какой-то вещице или о том, что принято называть «сувениром», майор не стал бы этого делать. И действительно, Устиян открыл сейф, извлек толстое дело, протянул Алексею.

— Уговор: из управления не выносить. Хотя факты и давно минувших дней, однако правила есть правила.

В папке серого цвета хранились документы о работе

партизанской разведчицы по кличке Тополек — Ганны Ивановны Адабаш. Весь вечер просидел Алексей за столом, бережно перелистывая документы. Первым среди них было донесение командира партизанского отряда о том, что связной Пастух схвачен гестапо и после пыток расстрелян, никого не выдав. Впредь на связь будет выходить партизан по кличке Тополек, проверенный в боевых действиях и вполне надежный товарищ.

...Ганночка Адабаш вместе со своим братом Егором Ивановичем была в отряде с первых дней его основания, с тех самых дней, когда небольшая группа коммунистов и комсомольцев вырыла землянку, собрала на месте жестокого боя оружие, когда спокойно, как о необходимости делать тяжелую, но обязательную работу, командир, назначенный подпольным райкомом партии, сказал: «Будем воевать».

Ее первое задание было простым. Надо незаметно пробраться в районный центр, километров за тридцать от базы отряда, найти сапожника по имени-отчеству Степан Макарович, передать ему, что родственники его здоровы, чего и ему желают. Только позже Ганночка узнала, что сапожник Степан Макарович — секретарь подпольного райкома. Известно это ей стало тогда, когда в домик Степана Макаровича нагрянули гестаповцы, он отстреливался — кончились патроны, и он неторопливо вышел на крылечко, швырнул гранату под ноги себе и тем, кто уже протянул к нему руки, чтобы схватить и связать.

Но это случилось позже, а пока Ганночка ходила по селам, не раз бывала и у него — пожилого человека, с ладонями, отполированными смолкой, иссеченными дратвой. Он называл ее внучкой: «Кем ты станешь после войны, внучка? Доктором? Вот победим и в самый лучший институт тебя направим — по рекомендации партизанского отряда».

Победили... Ганночка закончила медицинский институт, а на скромной могиле Степана Макаровича — столбик со звездой, и проносятся над нею ласковые ветры, шумит вытянувшаяся к небу и солнцу березка, которую в сорок пятом посадила она, Ганночка.

А тогда ходила в любое время, днем и ночью, по всем селам округи — «штопала» подпольную сеть, если гитлеровцы где-то ее обрывали, передавала приказы и

приносила донесения, выводила одних людей на прямые стежки, которые заканчивались за линией фронта, у своих, и встречала других, прибывавших оттуда.

Однажды командир ей сказал:

— Ты, Тополек, знаешь столько, что мне даже страшно становится...

Он запнулся, не договорил, потому что, видно, хотел сказать: «Страшно становится, как подумаю, что станет с подпольем, если тебя схватят и ты под пытками заговоришь».

Странно, но в то время Ганночка редко думала о смерти. На ее глазах умирало много людей — и близких, и совсем незнакомых. Иногда, пробираясь в села и поселки, она видела убитых, трупы прямо у дороги, доводилось ей застывать у виселиц, отмечавших жестокий путь карателей. Вокруг нее было столько горя, что, казалось, его прилив достиг тех крайних пределов, когда человек уже не способен страдать, мучиться, волноваться. Но нет, спокойствие к ней не приходило.

А еще в деле был краткий, в несколько строк, рапорт Ганночки о том, что такого-то числа ею лично казнен предатель Сторожук.

...Она шла к нему на встречу с радостью, ей очень он нравился, Юрко Сторожук. Парень был на три-четыре года старше и казался ей, девчонке, мужественным, очень смелым: стоило только посмотреть, как лихо сбивал он на зуб «кубаночку», послушать его небрежные, словно бы о самых обычных делах, рассказы о первых боях с гитлеровцами на границе в июне 1941-го. Юрко был из местных, накануне войны проходил срочную службу в армии, потом, в самом начале 1942 года, неожиданно объявился в селе — в потрепанном колушке, припадающий на левую ногу. Семья у него была хорошая, родители в колхозе до войны ходили в ударниках, потому и поверили Юрку, когда стал он искать партизан. Немаловажным было и то, что служил в армии, по его словам, участвовал в боях, в селе объявился раненым, говорил всем — бежал из лагеря. В первые месяцы оккупации отец Юрка как-то внезапно исчез — ушел в лес по хворост и не возвратился. Слышали люди в тот день взрыв, вот и решили, что старый Сторожук напоролся на мину, много их лежало в земле в ожидании своих жертв. Мать Юрка занемогла, недолго протянула и тихо отошла, как говорили в селе. Остался он один

хозяином хорошо поставленного на дальней окраине села дома. И когда в отряде решали, как лучше использовать Юрка в партизанской работе, то определили ему быть хозяином подпольной перевалочной базы: люди из леса отдыхали здесь перед трудным путем по оккупированной земле, и другие люди, пришедшие издалека, тоже находили здесь приют на окраине партизанских лесов. Использовалась для этих целей хата редко, а ее хозяина в лес вообще не допускали — связь с ним была односторонней. И вдруг участились тревожные случаи с теми из партизан, кто выходил на курьерскую тропу — некоторые из них исчезли бесследно. Это случалось со связными, судьбу которых проконтролировать было сложно, а установить, где терялись их следы, вообще практически невозможно. «Туда» и «обратно» через хату Юрка ходила только одна Ганночка, с нею все было в порядке, и это успокаивало.

Ганночке Юрко не просто нравился — она с некоторого времени страстно молила судьбу, чтобы с ним ничего не случилось, миновали его лихие напасти, оберегла бы от гестаповцев ее любовь...

И каждый раз, когда партизанские поручения позволяли ей проложить тропку через эту хату под веселой зеленой — цвет счастья! — крышей, у нее словно бы случался праздник сердца.

На этот раз задание было настолько срочным, что Ганночка вышла в свой рейс днем, чего никогда не делала. Так получилось, что день она шла по лесу, к хате Юрка на окраине села выбралась где-то сразу после вечерней зари. Что-то, она и сама не смогла бы сказать, что именно, насторожило ее. Может быть, то, что двери хаты обычно беспечного Юрка на этот раз были плотно прикрыты, занавески на окнах наглухо задернуты. Или вызвало тревогу глухое ворчание пса Сирка, запертого в сарае — обычно он носился по подворью.

Ганночка была уже опытной партизанкой, умела ценить мелочи, не оставлять без внимания даже мимолетную тревогу, доверять интуиции. Она не пошла, как обычно, в дом, по огороду подобралась к сараю, тихонько проскользнула в него, погладила узнавшего ее Сирка, поднялась по лестнице на чердак с сеном. Из слухового окна ей были видны и двор, и дом, и все, кто в него вошел бы или вышел. После долгого ожидания открылась дверь, и на крылечке появился Юрко. Он внима-

тельно осмотрел все вокруг, что-то сказал вполголоса, расслышать его Ганночка не смогла. После этого на крыльцо вышел гестаповский офицер. Гестаповец сказал на ломаном русском — не приглушая голос, по-хозяйски уверенно:

— Учтите, вас не должны подозревать. Дайте нам знать, когда появится снова эта девица, мы ее возьмем так, что вам останется только горевать вместе с другими бандитами по поводу тяжелой утраты.

Офицер рассмеялся, улыбнулся и Юрко. «Боже ж ты мой, да это они обо мне!» — опалила Ганночку догадка. Она лихорадочно прикидывала, что ей теперь надо делать. Возвращаться в отряд, доложить командиру? Но сегодня ночью, это ей было точно известно, в хату Юрка придет связной из города, она должна была встретиться с ним, получить от него адрес конспиративной квартиры и пароль. Еще она твердо знала, что предателя надо ликвидировать любой ценой, но на самосуд права не имела, его судьбу должно решить командование отряда. Было так больно, как никогда в жизни, ведь не какой-то безвестный ей изменник и подлец оказался гестаповским осведомителем, а ее Юрко, тот голубоглазый хлопец, о счастье с которым, конечно, после победы, она мечтала.

Офицер прошел через подворье в сад. Калитка вела на соседнюю пустынную улицу, где многие хаты были сожжены, а из уцелевших давно выселили всех людей, рядом — лес, и оккупанты боялись, что жители будут давать хлеб и кров партизанам. Там, в тени тополей, офицера ожидал солдат с мотоциклом. Что же такое заставило гестаповца приехать к Юрку домой, хотя и по пустынной улице, но все-таки? Ганночка прикинула и пришла к выводу: из-за нее пренебрегли они правилами конспирации, видно, Юрко сообщил в гестапо, и там заторопились, заспешили — надо хватать связную, которая так много знает.

Вот, значит, пришли и ее сроки.

Ганночка дослала патрон в ствол пистолета, у нее был маленький удобный браунинг, переложила его в карман, подшитый к подкладке ватника, попробовала, легко ли его достать. Все это она проделала почти автоматически: решение еще не пришло, но опасность не только для нее лично — для десятков людей была явственной, осязаемой. И ее источали двое: Юрко, с ко-

торым она столько раз виделась, и незнакомый ей гестаповский офицер, завербовавший хлипкого душою парня.

Ей показалось, что уже прошло несколько часов с того времени, когда громом с ясного неба на нее обрушилось предательство, когда она увидела изменника. А на самом деле мелькнули считанные минуты. Да бывает и такое, когда время убыстряет свой бег, оно словно бы пытается обогнать возможные и невозможные события. Но случается — тянется так медленно, словно дает возможность вновь и вновь подумать.

Юрко еще не ушел в дом, он стоял на крылечке и курил, к чему-то прислушиваясь. Вот раздался треск мотоциклетного мотора — гестаповец уехал на своей тарыхтелке, по лицу парня скользнула улыбка. Ганночка, как показалось ей, прочитала его мысли: офицер спокойно укатил, его никто не видел, можно не волноваться. И еще она неожиданно увидела то, что должно произойти сейчас, через несколько минут: тает горький пороховой дымок, Юрко валится на бок, схватившись рукою за сердце, падает так, как те, в кого всаживали пули каратели — Ганночке приходилось видеть и такое. Даже смерть не всех равняет, и после нее иным нет прощения, но умирают все одинаково тяжело.

...Юрко упал навзничь, опрокидывая стол, за который сел, чтобы допить и доестъ то, что осталось после встречи с гестаповцем. И через много лет Ганночка видела памятью своей, как входит в дом, отыскивает взглядом Юрка — сидит с чаркой самогонки в руке, и глаза у него сейчас не синие, а блеклые, выцветшие. Вот входит Ганночка в дом, смотрит в эти глаза, в глаза Юрку, тихо произносит: «Предатель», и стреляет из своего браунинга прямо в сердце этому человеку, который еще до своей смерти перестал для нее существовать. Что-то такое он, наверное, почувствовал, «этот», потому что тоже бросил судорожно руку в карман пиджака, но не успел схватиться за оружие — выстрел, стиснутый стенами комнаты, прозвучал неожиданно гулко.

Годы катились, менялись времена. Ей было уже около тридцати, когда встретила неплохого человека, вышла за него замуж, но жизнь не сложилась. Алексею она постаралась привить уважение к отцу.

А тогда, в тот давний вечер, окрашенный в цвет близ-

ких пожаров, карагели шастали по округе; она поставила на место стол, помыла посуду, привела в порядок все в комнате, только Юрка не тронула — как упал навзничь, уткнувшись головой в угол, так и остался лежать. Сделала Ганночка все это и села на лавке, бесильно положив руки на колени. Она решила ждать, другого выхода у нее не было — связной из города мог попасть в ловушку, если кто-нибудь, пусть даже случайно, обнаружит труп предателя.

Связной пришел на рассвете, в ломкой тишине она услышала его осторожные шаги и, еще никого не увидев, догадалась, что это свой — чужие врывались нагло, ошеломляя грохотом кованых сапог, лязгом оружия, ломая и круша все на своем пути.

Она вышла встретить с пистолетом в руке, услышала пароль, открыла дверь. «Осторожно, не споткнитесь», — сказала, впуская в дом неизвестного ей пожилого мужчину.

Тот предупредил:

— Зажжешь свет, не удивляйся и не стреляй с ходу, я действительно свой.

— И вы не удивляйтесь, — попросила она.

При бледном мигающем свете коптилки из снарядной гильзы связной увидел труп Юрка и тихо присвистнул.

Тополек машинально подняла пистолет: мужчина был в полицейской форме, с винтовкой в руках.

— Предупреждал же, — связной поставил винтовку в угол. И, оттягивая время, чтобы сориентироваться в неожиданной ситуации, проговорил: — Бывают среди нашего брата, курьеров, очень скорые на руку. Увидят человека в этом лягушачьем тряпье и сразу за пистолет хватаются.

— Садитесь, поговорим, — предложила Ганночка. — Есть хотите? Дорога дальняя за плечами, устали, а придется обратно идти сейчас же.

Связной кивнул, надо — так надо, и покосился на мертвого.

— Что поделать, — вздохнула Ганночка, — придется примириться с таким соседством.

— Зачем же? Ты в этой хате бывала раньше? Знаешь, где подпол? Пусть там догнивает, а то каждый, кто войдет сюда, об убитого споткнется.

— Иначе сделаем,— Ганночка успела уже все продумать.

Она рассказала связному все, что увидела, услышала и сделала. И была у нее только одна просьба: сообщив ей то, с чем пришел к ней, немедленно возвращаться в город. Кто знает, что успел сказать предатель Юрко гестаповцу...

Когда разговор заканчивался, связной попросил:

— Опиши еще раз того офицера. Чтоб, значит, не спутать. А то не того уберем и успокоимся.

Она снова рассказала приметы гестаповца и припомнила еще одно:

— Когда разговаривал с этим...— указала на труп предателя, — большой палец левой руки засовывал за ремень.

— Знаем такого,— немного оживился связной.— Числится у них следователем, давно по нему пуля плачет.

Они погасили коптилку, связной взял в кладовке бутль с керосином, вышли на крылечко. Было тихо и пустынно вокруг — ни огонька, ни звука. Даже приبلудных собак не слышно — всех извели полицаи и оккупанты.

Сильно, ярко мерцали звезды, в ночной темноте земля с черными печными трубами сгоревших домов, с запахом гари, вьевшимся в нее, казалось, навсегда, была безжизненной, вымершей. Но вот спросонья пискнула какая-то пичуга, откликнулась ей другая. Сколько раз, пробираясь по ночному молчаливому лесу, как знака жизни ожидала Ганночка такого вот беспокойного бормотания! Пусть хоть сова хлопнет крыльями или ухнет филин — лишь бы не то безмолвие, от которого веет вечным покоем.

Связной глянул на звезды, сказал с сожалением:

— Дня два-три дождя не будет.— Посоветовал: — Пройди метров пятьсот речкой по мелководью. А то не ровен час, овчарки след возьмут.

Он еще что-то хотел сказать, но лишь крепко обнял ее:

— Уходи, Тополек! Быстрее уходи, светает уже. Я подожду с полчаса, больше не могу... И не беспокойся об офицере — совсем немного осталось ему жить. Приговор ему ты только подтвердила.

Ганночка брела в темноте по мелкой теплой воде,

она сняла сапожки, и идти стало совсем хорошо, дно здесь было ровное, песчаное. Она успела уйти довольно далеко от села, когда край неба зарумянился, побагровел: пламя пожара разливалось по нему все быстрее и быстрее.

Боевая судьба ее, словно бы проверив девушку на самом тяжелом, была к ней благосклонной: она воевала удачно, а когда дела на фронте пошли получше, части Советской Армии перешли в наступление и погнали оккупантов к границе, Ганночку отправили в наш тыл, она сдала экзамены за среднюю школу и поступила в медицинский институт. Там и дождалась первого письма от брата своего Егора, для которого война продолжалась.

ВСТРЕЧА, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫЛА СОСТОЯТЬСЯ

Письма от Ганса Алексей ожидал с нетерпением. В каждом из них были новые сведения — пусть незначительные — о тех событиях, которые миновали давным-давно, но тревожили с неизбывной остротой. В этом Алексей убедился, встречаясь в ходе розыска карателей со множеством людей. Как только заходила речь о совершенных палачами преступлениях, все, кто мог хоть как-то помочь, оставляли свои самые срочные дела и, позабыв про возраст и недуги, готовы были ехать-лететь за тридевять земель, копаться в архивах, отыскивать утерянные, смытые временем следы. Майор Устиян однажды назвал это «резко выраженной тягой к справедливости и абсолютным неприятием зла».

Вот и Ганс оказался из такой породы людей, хотя живет в другой среде, в стране, где сегодня не так уж редко можно встретить свастику. Когда Алексею хотелось представить, как выглядел ефрейтор Вилли из сорок пятого года, тот почему-то казался ему похожим на Ганса. Наверное, все честные люди похожи друг на друга. И если сталкиваются с ненавистью — объединяются, чтобы преградить ей дорогу. Алексею земля иногда представлялась в виде огромного-огромного, без конца и края, поля, на котором много доброго сделано руками и умом миллионов людей. Но когда-то, очень давно, вдруг пошел гулять по этому полю коричневый чертополох. Его вырубili, да не дорубили, корешки кое-где остались, и, если их окончательно не выкорчевать — могут дать они новые побеги, разрастутся, заполнят поле, высосут из него все соки и силы.

Алексей гнал прочь от себя эти видения, но избавиться от них не мог, слишком горестным было то, что виделось за строками документов о расправах карателей, за словами очевидцев, уцелевших в те страшные дни.

Целые заросли коричневых колючек, и цветы на них гнилые, это не цветы даже, а плесень, пожирающая все живое.

Он однажды рассказал об этом неотступном видении Гере, ему надо было с кем-то поделиться своими мыслями, а Гера за последние месяцы стала ему, как это ни было для него странно, близким человеком.

Гера вообще как-то неожиданно изменилась: меньше стала «пылить», то есть вспыхивать по пустякам, иногда, разговаривая с Алексеем, вдруг замолкала. Домой к себе Алексея она больше не приглашала. Однажды равнодушно сообщила, что у мамы в универмаге была ревизия, все обошлось благополучно, полный ажур.

— Вот видишь,— обрадовался Алексей.

— Вижу впереди кошмары и катастрофы,— с болью сказала Гера.— Вот так-то, мой дорогой сыщик. Сейчас только затишье...

Она тихо, с грустью напела:

Не терплю тишины,
В ней печаль и тоска,
Звуки траурных маршей
И слякоть ненастья.
Поди прочь, тишина,
Уходи!
Еще светит звезда
Моего ненадежного счастья...

— Слова и музыка мои,— как обычно, прокомментировала девушка.

— Чего это ты такая? — наконец заметил Алексей ее душевную неустроенность.

— Пора взрослеть и... умнеть,— неопределенно ответила она.

Вскоре Ганс прислал обстоятельное письмо. В нем он рассказал о двух своих встречах... с Ирмой Раабе.

«В предыдущем письме я тебе сообщил,— писал Ганс,— что на нашу демонстрацию напали молодые неонацисты и командовала ими твоя «знакомая» по Парижу Ирма Раабе. Выяснил я это следующим образом...»

Отлежавшись немного после потасовки, Ганс вместе со своими друзьями решил выяснить, кто же все-таки была та белокурая истеричка, которая так решительно предводительствовала у «коричневых». Особого труда это не составило — молодые наци проводили сборища открыто, у них были излюбленные пивные и дискотеки. Вскоре Гансу назвали имя — Ирма Раабе. Он тут же

вспомнил рассказ Алексея о стычке на парижской улице — в газетной заметке по этому поводу тоже речь шла об Ирме Раабе. Оба происшествия были окрашены в «коричневые» тона. Но, писал Ганс, ему и в голову не могло прийти, что может существовать связь между этой Ирмой и той, которая писала письма капитану Адабашу. Ведь какая толща времени разделила их! А мы, философствовал Ганс, склонны мыслить очень определенно: прошлое есть прошлое, хранилище воспоминаний.

Но в любом случае следовало познакомиться с этой воинственной неонацисткой.

В толстенном гроссбухе, прикованном цепью к телефону-автомату, фамилия Раабе повторялась несколько десятков раз. Звонить из автомата не было смысла, это заняло бы уйму времени. Ганс вспомнил, что в их студенческой библиотеке есть такой же справочник. Он умолил огненно-рыжую девицу-библиотекаря выдать ему полупудовую книжицу на один вечер.

— Звони,— сказала девица, которую он предусмотрительно одарил пачкой сигарет,— вызванивай свое счастье.

Она строила глазки — пока безуспешно — уже несколькими поколениям студентов. Ганс попробовал затолкать справочник в брезентовую сумку — он не влез.

— Загадаю на наш будущий совместный вечер,— сказал он.

— Каким образом?

— Здесь сотни две абонентов с нужной мне фамилией. Если повезет и я не перевалю через первую десятку...

— Считай, что я уже выбрала столик в ресторанчике «Ты и я».

С этим напутствием Ганс в своей комнатенке придвинул поудобнее телефон. «Посмотрим,— пробормотал он,— улыбнется ли рюмка коньяка этой рыжей караульщице книг». Девушка заработала свой ужин: после нескольких бесплодных звонков (дважды его даже грубо обругали) он неожиданно услышал:

— Господина полковника фон Раабе нет дома. Назовите себя — полковник узнает о вашем звонке. Сейчас он находится на собрании ветеранов.

— Где-где? — растерянно переспросил Ганс.

— Господина полковника фон Раабе нет дома...—

вновь услышал бесстрастное и понял, что общается с автоответчиком.

Это не могло быть совпадением: Раабе — полковник, к тому же «ветеран».

Он позвонил снова через час — трубку взяла девушка.

— Ирма Раабе? — спросил Ганс.

— Да. Кто вы и что вам нужно?

— Здесь Ганс Каплер, — как принято, отрекомендовался он. — Хотел бы с вами встретиться по весьма важному делу.

— Как же! — насмешливо ответствовала Ирма. — Уже одеваюсь и бегу...

— Зачем же? — немного спокойнее ответил Ганс. — Я могу и лично к вам приехать.

— Да ты еще и нахал!

Он решил немного ее осадить.

— Мы уже на «ты»? В таком случае, позволь заметить, что нахал не я, а твои громилы — после той демонстрации я отлежал две недели.

— Я им сделаю выговор, — резко сказала Ирма. — Плохо работают, такие, как ты, после встречи с нами должны лечиться всю жизнь.

— Слушай! — оборвал девушку Ганс. — Мы можем наговорить сейчас друг другу всякой чепухи, а дело есть дело, мне необходимо тебя повидать.

— Зачем?

— Объясняю. У меня в руках копии писем, которые тебя могут заинтересовать.

— Шантаж? Не выйдет. Ты действительно хочешь потратиться на лекарства?

Если бы не просьба Алексея, Ганс вообще не стал бы с нею разговаривать, такие психопатки недостойны беседы с нормальными людьми. И тем не менее он постарался ответить как можно спокойнее:

— Ничего общего с шантажом. Эти письма, кстати, не твои, и адресованы не тебе, их писала твоя мама.

— Ты уверен? И действительно разыскал эти письма?

До этого Ганс еще сомневался, но сейчас был убежден — если его собеседница знает о письмах — значит, она имеет прямое отношение к девушке из войны — Ирме Раабе. И ее тоже зовут Ирма... Это не совпадение...

— Ага, значит, тебе известно, что они существуют,— удовлетворенно констатировал Ганс.

— Я слышала только, что они могли быть написаны,— в голосе Ирмы уже слышались не раздражение, а неопределенность, удивление.

Для удобства Ганс решил впредь именовать ее Ирмой-младшей.

— Я их читал. Не волнуйся и не возмущайся: читал, не подозревая, что когда-нибудь разыщу дочь той девушки из войны.

— Как пошло читать чужую почту,— с презрением процедила Ирма.

— Бить по голове велосипедной цепью, согласишься, тоже не очень порядочно,— съязвил Ганс.

Ирма вздохнула в трубку, тихо спросила:

— Они у тебя?

— Да. Уточняя еще раз: не подлинники, а копии, снятые с них. Работа хорошая, читается каждое слово. Но я знаю и человека, у которого оригиналы.

Ирма-младшая размышляла над обрушившейся на нее информацией — невероятной, неожиданной, словно бы сигнал из иных миров. У нее вскоре прошла первая растерянность, и она снова заговорила жестко и твердо:

— Я не желаю слышать об этом позоре нашей семьи.

Ганс обозлился:

— Послушай, психопатка... Я не знаю, что там тебе напели твои коричневые наставники. Одно могу сказать: это не позор, а легенда, которой можно гордиться. И перестань хамить — речь идет о твоей матери! — Он решил больше не церемониться.— Придешь или нет? Мне некогда с тобой болтать, в конце концов это твои дела.

— Подожди, не вешай трубку. Как они к тебе попали?

— Не могу по телефону. У нашей ультрадемократической системы слишком развито любопытство к личной жизни своих граждан. Так придешь?

— Говори, куда?

— Одно условие: свою ораву с собой не тащи. А то я приглашу рабочих ребят и коллег-студентов. И ничего хорошего, как ты представляешь, не получится.

— Куда? Когда?

— У старой пинакотеки,

— Там же полно туристов. Как мы найдем друг друга?

— Я буду держать в руках плакат: «Долой новых коричневых!» — съязвил Ганс. Но сообразив, что девушка может воспринять его слова всерьез, поспешно добавил: — Не пугайся, это шутка. Я тебя запомнил еще по той демонстрации, сам подойду.

Они условились о времени, и Ганс с облегчением повесил трубку. Что же, часть дела сделана, теперь остается надеяться, что эта девица со своими дружками не устроит никакой провокации. С них все станется: из-за пустяка затеют скандал, драку, пустят в ход гирьки на гибких шнурах, а то и кастеты.

Во время нападения на демонстрацию они действовали нагло и безжалостно — били так, словно с цепи сорвались. Нет, Ирма кастетом не орудовала — она стояла в сторонке, холодно наблюдая за побоищем, отдавая распоряжения. Возле нее на всякий случай держались два «оруженосца» в черном... Интересно, сколько ей лет? Ганс задал себе этот вопрос и тут же подсчитал: Ирму Раабе-старшую, как говорила ее подруга по лечению, отец забрал из горной клиники в пятьдесят третьем — пятьдесят четвертом. Через год-два ее принудили выйти замуж за адвоката. Значит, Ирме-младшей сейчас двадцать пять — двадцать шесть. «Смотрится она отлично, — вынужден был признать Ганс, — представляю, какой красоткой была ее мать».

Он решил прийти на встречу с Ирмой раньше условленного времени — надо осмотреться, одна она прибудет или нет, да и просто хотелось прогуляться по свежему воздуху. Хотя «свежей» атмосферу в городе вряд ли можно было назвать. Дома, улицы, площади словно бы плыли в сероватом, плотном смоге. Даже вечерний ветерок не мог разогнать его густую пелену, напоминавшую утренние туманы над рекой или лугом. Но если от тех, виденных в детстве, когда он жил в маленькой деревушке, туманов, у Ганса осталось ощущение сказочности, грустной легкости, то пары смога сбивали дыхание, угнетали и прижимали человека к земле.

Вдоль тротуаров выстроились автомашины. Их было столько, что они вытянулись в бесконечную цепь, опоясавшую дома: каждое ее звено — металлические коробки на колесах, автомобили, автомобильчики, микроавтобусы. По узким щелям улиц пробирались авто всевозможных марок и окрасок. Машины вытесняли людей,

жавшихся к серым стенам домов. Только на относительно широких проспектах было попросторнее, хотя и над ними висел неумолчный лязг и грохот.

В витрине одного из магазинов взгляд Ганса споткнулся о портрет Гитлера. Фотограф в свое время постарался: фюрер выглядел вполне благопристойно, и даже упавшая на глаз косая челочка не казалась липкой и жиденькой. На табличке указывалась цена — портрет стоил недорого. Магазин, видно, торговал нацистскими «реликвиями» и неонацистской литературой. Кресты, эсэсовские кинжалы, свастики всевозможных размеров и стоимости, знаки отличия фашистского вермахта, медали за «кампании» — все это среди прочего фашистского мусора было в изобилии выставлено в витринах.

И в газетных киосках Ганс то и дело видел на обложках журналов физиономии Адольфа, паучье сплетение свастики, знамена «третьего рейха» и мрачные сборища «ветеранов», фото из хроники времен «похода на Восток».

Официально нацистскую пропаганду в стране запретили, однако предприимчивые ревнители свастики умело обходили этот и подобные ему запреты. Аргументы были простенькими: «объективность» по отношению к прошлому, «свобода в оценках» и так далее.

Разве можно быть спокойным за будущее, если для иных не все ясно с прошлым? Обо всем этом думал Ганс по дороге к старой пинакотеке. Он вспомнил Алексея — как горячо говорил этот русский парень о любви своего дяди к немецкой девушке! Что же, в прошлом есть и такое, что сближает.

Он издали увидел Ирму. Девушка отрешенно смотрела на прохожих, покручивая на пальчике ключ от автомашины. В том, как она стояла, — тоненькая, в легкой курточке и потертых, по моде джинсах, не было ничего, вызывающего опасение. Вот пришла на свидание девушка с веснушками на довольно симпатичной мордашке, синеглазая, белокурая, стоит, ждет.

«Ей бы еще букетик фиалок в руки — идиллия», — зло подумал Ганс, вспомнив, как эта благопристойная девица приказывала своим подонкам: «Вот того, что с плакатом, пощеднее угостите!» Он заметил и трех парней в одинаковых коротковатых черных куртках, молчаливо подпиравших стены.

— Привет! — сказал Ганс.

— Привет, — хмуро ответила Ирма. — Принес?

— Твои? — указал Ганс на парней. — Привыкла со свитой ходить?

— Не твое дело!

— Нехорошо получается, — сокрушенно покачал головой Ганс. — Трудно иметь дело с человеком, который не держит свое слово.

— Я тебе ничего не обещала! Ладно, не беспокойся, тебя никто не тронет.

— Не из пугливых, одним шрамом больше, одним меньше, какая разница.

Троица оторвалась от ограды, начала неторопливо перемещаться к ним.

— Выкладывай письма! — потребовала Ирма.

— Все-таки ты дура, — с сожалением произнес Ганс. — Вот письма, возьми их, я ведь и шел для того, чтобы передать их тебе. Только... тебе не хочется узнать, как они ко мне попали? Целое представление с участием этих обормотов разыграла. Ничему-то вы, коричневые, не научились.

— Не смей оскорблять! — зло крикнула Ирма. Она уже больше не казалась Гансу ни благопристойной, ни отрешенной от суеты большого города, который окружал их со всех сторон.

Парни стояли теперь совсем рядом, готовые действовать в любую секунду. Их с опаской обходили прохожие.

— Вот тебе папка с письмами. Там есть мой телефон. Понадоблюсь — позвони.

Ганс сунул ей голубую папку, в которой хранил копии полученных от Алексея писем, круто повернулся и ушел. Он шел, спиной чувствуя тяжелые взгляды парней в куртках, ожидая каждую секунду подлого удара. Он шел, стараясь всем видом показать «этим», что презирает их и не боится, ему плевать на них. А ноги внезапно стали тяжелыми, их словно подковали свинцом, и странно расплывались, теряли очертания дома, деревья, прохожие.

... Может быть, Ганс был бы доволен, услышав от кого-нибудь, кто видел его в те минуты, что он вышагивал спокойно, уверенный в себе, действительно всем своим видом говоря: плевал я на вас. Впрочем, через много дней ему это скажет Ирма. И добавит: «Как я тебя тогда ненавидела!»

А пока она, внезапно уставшая и растерянная, смотрела, как спокойно уходит этот парень,— странно, совсем не боится, что сейчас его догонят, ударят чем-нибудь тяжелым, свалят на асфальт, добавят еще коваными ботинками — на носки специально привинчены медные пластинки, модно и удобно.

Трое подошли к ней, уставились ожидающе. Им не терпелось продемонстрировать, как они умеют отделывать и полировать «красных». Тем более этот припелся в одиночку.

— Не надо,— сказала Ирма.— Спасибо, парни, но, сегодня обойдемся без этого.

Тройка вскинула руки так, что получилось нечто среднее между нацистским «хайль» и фамильярным «чао», четко, по-солдатски сделала поворот «кругом» и зашагала прочь.

Ирма позвонила Гансу на следующий день:

— Надо увидаться.

Ганс, который так и не остыл от вчерашних впечатлений, резко ответил:

— Девочка, ты что-то перепутала, я не из твоей шайки. Приказывай своим коричневым подонкам.

— Я не приказываю — прошу тебя.

Что-то с нею случилось за это короткое время, Ганс это понял, почувствовал по тому, с каким трудом далось строптивой девице простенькое: «Прошу тебя».

— Хорошо,— согласился он.

— Ты где живешь?

Ганс назвал свой адрес.

— Я заеду за тобой. Жди меня у подъезда через полчаса.

Ровно через тридцать минут ее машина лихо притормозила у дома Ганса. Ирма открыла дверцу, пригласила его, хлопнув ладошкой по сиденью рядом с собой.

— Садись.

И с места двинула машину вперед так, что Ганса прижало к мягкой спинке.

— А если оторвется голова? — пошутил он. При рывке и в самом деле скорость отбросила его назад — спасибо, что на кожу высокой спинки.

— Будет жаль,— серьезно ответила Ирма.

Она вела машину небрежно, буквально расталкивая поток автомобилей истошной сиреной. Другие водители

оглядывались на нее, что-то выкрикивали, грозили кулаками.

— Стадо...— процедила Ирма.

— Люди,— не удержался Ганс.— Такие же, как и ты.

Он начинал злиться, еще не прошло чувство бессилия, которое испытал вчера. А что бы он смог сделать, если бы те молодчики действительно набросились на него? В лучшем случае лежал бы сейчас в больнице с перемолотыми костями, в худшем — сунули бы его в холодильную камеру морга.

— Нашел людей...— не унималась Ирма.

— Что же, если мы — стадо, тогда ты в нем телка, причем не из лучших мастей. Посмотришь в зеркальце, конопатая.

— Все-таки ты нахал,— неожиданно рассмеялась Ирма.

— Куда мы едем? Не мешало бы мне об этом знать.

— Ко мне. Там мы сможем поговорить спокойно, нам не будут мешать.

— Неужто обойдешься без телохранителей? — не удержался Ганс.

Ирма промолчала. Вскоре, не сбавляя скорости, они въехали в один из пригородов, где жили люди обеспеченные, преуспевающие, которым по карману были и зелень парков, и свежий воздух, и синь небольшого уютного озера. Массивные ворота виллы, отступившей от улицы в глубь большого сада, бесшумно раздвинулись, стоило Ирме нажать на одну из многочисленных кнопок на панели управления.

У ворот они вышли из машины, и тотчас подбежал какой-то парень, сел за руль, погнал ее в гараж.

— Хорошо быть богатым,— с иронией протянул Ганс.

— Еще лучше — счастливым,— серьезно поправила его Ирма. Она жестом предложила Гансу пройтись по аллее.

Но в дом они вошли не с парадного подъезда, а с бокового крылечка, почти не приметного, со стороны.

— Не хочу, чтобы тебя видел денщик деда,— объяснила Ирма. — Обязательно доложит.

Вошли в дом, и Ганс обратил внимание, что в прихожей крутая лестница ведет вверх, вторая, точно такая же,— вниз, туда, где место подвалу.

— Чтобы тебе было ясно с самого начала,— с вызовом бросила Ирма,— я тебе кое-что покажу.

Она решительно направилась к лестнице, ведущей в подвал. Несколько ступенек вниз — и Ганс увидел массивную, окованную листовым железом дверь. Он мимоходом вспомнил, что именно так закрывались входы в бомбоубежища времен войны. Где она, эта истеричка, раздобыла такой кусок железа? Надо же: извлекли из старых руин, отчистили, покрасили заново в стальной цвет. На двери готикой выписана строка нацистского гимна: «Германия превыше всего». Чуть ниже мелко выведено: «Посторонним, евреям и канакам * вход воспрещен».

Ирма нажала на неприметную кнопку, дверь повернулась вокруг оси, открывая вход. Еще несколько ступенек вниз, и они оказались в просторной комнате. Это была своего рода молельня, в которой все свидетельствовало о слепом, иступленном поклонении коричневому идолу. Ирма щелкнула выключателем — зажглась подсветка, освещавшая комнату неясно, слабо, странным розовым светом. Под бра были приспособлены гильзы артиллерийских снарядов — в латуни прорезаны черепа со скрещенными костями, эсэсовские руны. Ганс в изумлении вертел головой, ему показалось, что он попал в подземелье, предвещающее вход в преисподнюю прошлого. На стенах, отделанных под грубую кладку средневековых замков, развешаны алебарды, кремневые ружья, рыцарские щиты и доспехи. Рядом с ними — полуистлевшие знамена со свастикой, чучела хищных птиц. Взброшенный коршун уставился на Ганса блестящим глазом и, казалось, прицелился, как бы побольнее долбануть очередную жертву длинным острым клювом. В специально изготовленных застекленных коробочках лежали десятки свастик. Свастики золотые и серебряные, в белом круге нарукавных повязок, от офицерских касок, вырезанные из старых плакатов, отчеканенные по поводу различных нацистских мероприятий. На красных подушечках лежали кресты, ордена, другие знаки, которыми отмечались «заслуги» гитлеровских вояк.

Ирма как села в кресло у камина, так и осталась сидеть, предоставив Гансу возможность свободно расхаживать по комнате и рассматривать нацистские реликвии. Многие из них он видел и раньше в других местах и по другому поводу. Кресты — на мундирах

* К а н а к и — презрительное прозвище иностранных рабочих в ФРГ.

ветеранов, «героев Восточного фронта», сборища которых проходили то здесь, то там. Изъеденные молью штандарты — на шабашах «изгнанных», как именовали себя те, кому пришлось покинуть славянские территории. В ФРГ ведь есть даже официально зарегистрированный «Союз немецких собирателей орденов», несколько сот членов которого занимаются сбором «реликвий» «третьего рейха».

Но были в этой коллекции и такие «фетиши», которые, очевидно, у ревнителей нацизма почитались за редкость. Ганс увидел здесь эсэсовский кинжал с клинком из стали и надписью «Моя честь зовется верно-стью». Клинок, как гласила надпись на картонном прямоугольнике рядом с ним, выковали в Дахау. Или вот значок «гитлерюгенда» с золотым ободком — его вручали особо отличившимся или занимающим высокое положение в иерархии этой фашистской молодежной организации. Было здесь еще блюдо для жаркого с инициалами «Р. К.», что удостоверяло принадлежность посуды рейхсканцелярии. Интересно, кто в этой самой рейхсканцелярии хватал с него куски мяса?

Ганс увидел на длинном узком столике у стены и «коричневые новинки». Это была серия отлично изготовленных медалей под девизом «Историческая коллекция к 40-летию окончания войны».

Ирма ухитрилась добыть полный набор этих побрякушек. Ганс взял одну из них в руки, прочитал: «1 сентября 1939 года. Начало войны. Битва за Польшу». Надписи на других были выдержаны в том же стиле и духе: «Герои Нарвика», «Битва за Норвегию». Имелась и медаль «Битва за Россию». У всех серебряных и золотых медалей на оборотной стороне был изображен орел поверженного рейха, который держал щит с крестом. Ганс изумился: крест был изображен так, что стоило добавить к нему несколько деталей — и готова свастика.

Заключала парад медалей кругляшка, на которой солдат вермахта поднимал руки. Руки были чуть раздвинуты в стороны, создавалось впечатление, что солдат не сдается в плен, а временно отложил оружие — вот отдохнет и снова возьмется за него. «С честью проиграли», — такая надпись была на этой медали...

Очевидно, «гвоздем» своей коллекции Ирма считала картину, на которой со спины была изображена обнаженная Ева Браун. Ганс всмотрелся в фарфоровое, сентиментальное личико Евы и спросил у Ирмы:

— А где салфетки?

— Какие салфетки? — Девушка словно очнулась, вынырнула из забытья, посмотрела на него с недоумением.

— Все поклонницы Евы Браун знают, что она вытирала свои губки салфетками из камки...

Ирма вздохнула, почти умоляюще попросила Ганса:

— Не паясничай. Мне и так тяжело.

Возле стены, прямо напротив входа, находилось небольшое возвышение. Здесь было выставлено то, что, очевидно, Ирма считала наиболее ценным для себя, для своей души: увитый траурными лентами портрет Гитлера со всеми нацистскими регалиями, роскошное издание «Майн кампф», какая-то «грамота», почетное оружие эсэсовца, в том числе «вальтер».

Ганс всмотрелся в «грамоту». Она была из тех, которые нацисты именовали «большими»: выдана Паулу фон Раабе и свидетельствовала о награждении его «дубовыми листьями к рыцарской степени Железного креста».

— Вот уж никогда не думал, что попаду в святилище коричневых идолопоклонников,— пробормотал Ганс. Он подошел к Ирме, всмотрелся в нее — сидит, словно застывшая, не шелохнется. Что за мысли одолели ее, эту девицу, молящуюся на самого кровавого палача и убийцу XX века?

— Здесь не хватает многих «экспонатов»,— сказал Ганс.— И хорошо бы — диаграмму...

— Какую еще диаграмму? — нехотя, вяло поинтересовалась Ирма.

— Запиши цифры,— Ганс, как на школьном уроке, словно бы и в самом деле диктуя, размеренно стал перечислять:

— Пятьдесят шесть тысяч... семьдесят тысяч... полтора миллиона...

— Что это? — Ирма смотрела на него с удивлением.

— Не знаешь? В концентрационных лагерях твоими божками уничтожено: в Бухенвальде — пятьдесят шесть тысяч человек, в Дахау — семьдесят тысяч, в Майданеке — полтора миллиона, в Освенциме — четыре миллиона, в Маутхаузене — сто двадцать две тысячи... Не криви совестью, знаешь ты эти цифры... И еще в твоём поганом гнилом «музее» нет одной прелестной фотографии, я ее видел в каком-то журнале: эсэсовцы собираются повесить старика в Белоруссии. Виселицу уже соорудили, петлю приделали, старика основательно из-

били, осталось только вздернуть его — вот они и собираются это сделать: молодые, сытые, здоровые — вешать сейчас будут.

— Замолчи,— вскочила с кресла Ирма.— Не плюй в душу!

— Нет уж! — повысил голос и Ганс.— Это ты и такие, как ты, плюете в душу погибшим, замученным, растерзанным нацистами!

У негоросло желание схватить что-нибудь тяжелое и запустить им в бесноватого Адольфа, да так, чтобы осколки посыпались. Ганс сдержал себя — пусть эта девица вначале скажет, зачем позвала его сюда.

— Расскажи мне все, что ты знаешь об этой истории с письмами, и о том, как они попали к тебе. Может, у тебя есть еще другие документы — покажи их мне,— тихо попросила Ирма.

Разговор у них длился несколько часов, потом были новые встречи.

— Может быть, встретимся, сыщик? Ты почти на месяц исчез с моего горизонта,— Гера проговорила это безразлично, однако Алексей почувствовал в ее голосе едва скрытое беспокойство. Когда люди исчезают, не поставив в известность своих близких, не выбрав минутку, чтобы позвонить и предупредить, значит, появляются в отношениях те трещинки, которые еще незаметны, но уже дают себя знать.

— Сегодня не могу,— ответил Алексей. Он действительно был очень занят. Генерал Туршатов собирал всех, кто был занят розыском Коршуна и Ангела, чтобы, как сказал майор Устиян, попытаться прервать их затянувшийся полет.

— Может, завтра?

— Завтра уезжает Олег Мороз.

Олег отправлялся на год в Афганистан. Завод, на котором он работал, поставлял в эту страну сельскохозяйственные машины. Олега пригласили в качестве специалиста по их эксплуатации. Он должен был помочь афганцам быстрее их освоить. Своей миссией Олег очень гордился. «А как же НЛО?» — поинтересовался Алексей, когда Олег сообщил ему о поездке. «Пусть пока полетают»,— ответил Олег, думая уже только о том, какие чертежи и инструменты ему будут необходимы в командировке.

— Проводим Олега и погуляем,— предложила Гера.

После прощания на вокзале, когда были уже сказаны Олегу все добрые пожелания и поезд медленно уплыл за дома, Алексей и Гера подвезли на «Жигуленке» домой его жену, горячо пообещали не дать ей скучать в одиночестве, и отправились к Комсомольскому озеру. Десяток лет назад на месте этого ныне очень красивого озера был глубокий овраг с родничками, приют мальчишечьих ватаг. Каждый горожанин знал — этот

овраг оккупанты приспособили под место для казней патриотов.

Как много на нашей земле горестных мест — об этом не раз думал Алексей. Вот и здесь гитлеровцы остались верными себе, примитивно-жестокими — убивали, почти не таясь, уверенные в безнаказанности и тогда, и в будущем.

Останки всех погибших перенесли на городскую площадь, в братскую могилу. А сюда пришли комсомольцы, стали строить озеро. Потому его и называли Комсомольским.

Алексей и Гера медленно прошли из конца в конец аллею из кленов, багряная листва уже устлала землю.

— Осень приближается, — Гера зябко передернула плечиками. — Осенью мне всегда тоскливо.

— Почему? — удивился Алексей.

— Какая-то неустроенность во всем чувствуется. Одно время уже ушло, другое не подоспело.

— А мне очень нравится осень, — не согласился с Герой Алексей. — Время итогов.

— Значит, ты уже в своих поисках-розысках вышел на финишную прямую?

— Я не про работу, — уклонился от ответа Алексей. — Это я так. Вообще.

— Темнишь, сыщик. Но я не обижаюсь, понимаю, у твоей работы есть специфика.

Конечно, Алексею хотелось бы рассказать Гере о событиях последних недель, но, как говорит майор Устиян, одной неосторожной, небрежно брошенной фразой можно уступить все захваченные плацдармы.

А событий произошло немало. Алексей снова выезжал в Адабаши, на вскрытие противотанкового рва — предположительного места захоронения погибших жителей села. Он впервые видел, как в таких случаях работают судебно-медицинские эксперты, проводится эксгумация останков трупов, составляются соответствующие протоколы. Это была важная работа, шедшая в строгом соответствии с требованиями закона. Но, конечно, подлинным потрясением стали те минуты, когда производилось вскрытие могилы. Знатный механизатор Роман Яковлевич Панасюк подогнал бульдозер к предполагаемому краю рва, заглушил мотор, вышел из кабины, закурил. Руки у него подрагивали, он прислонился спиной к гусенице, долго стоял молча. Молчали и его

односельчане, пришедшие сюда, и люди, присутствующие здесь по долгу службы.

— Значит, так,— обратился Панасюк к председателю сельсовета Никитенко,— думаю, не надо такое святое место гусеницами молотить.

— Правильно думаешь,— согласился Никитенко.

По его распоряжению из села принесли лопаты, и Панасюк первым снял пласт земли...

Уже на полуметровой глубине оказались костные останки погибших. Как ни осторожно раскапывали ров, лопаты задевали то, что осталось от адабашевцев, и тогда казалось — земля постанывает от старой боли. Можно было только предполагать, что вот это — все, что осталось от ребенка, а сюда вот упала женщина... Были и остатки игрушек, с которыми дети не расстались после смерти, клочки одежды, женские роговые гребешки, истлевшая металлическая оправа очков, проржавевший сапожный нож — кто-то из мужчин тогда прихватил его с собой, но не смог пустить в ход. На одной из откопанных костей эксперт заметил истлевшую полоску ткани, прикрывавшую какие-то листки бумаги. Он, зная по опыту о многих попытках жертв что-то спрятать перед казнью, осторожно снял остатки ткани. Под нею оказался обернутый в вошценку комсомольский билет — уже почти истлевший. С огромным трудом прочитали фамилию его владельца: Адабаш Степан Петрович; год рождения — 1926-й, время вступления в ВЛКСМ — май 1941-го...

И еще было очень много гильз — винтовочных, автоматных, пистолетных.

Когда эксперты завершили свою печальную, тягостную, необходимую работу, они пришли к выводу, что в этой огромной могиле нашли смерть около двухсот человек. Да, здесь лежали все, кто был в тот далекий черный день в Адабашах. Рядом с памятником в центре нового села была вырыта могила, и там нашли последнее пристанище люди, которые умерли непокоренными.

Потом в Адабаши привезли бывших полицейских Танцюру и Демиденко. Они, нахохлившись, всматривались в места, где разбойничали, и не узнавали их.

— Что за село? — спросил Демиденко, когда приехали в Адабаши. Он долго не верил, что это именно то село, которое много лет назад каратели превратили в дым и пепел.

Их по очереди привели на луг. Бывшие с любопыт-

ством оглядывали все вокруг, примолкли и помрачнели, когда увидели серый провал разрытого противотанкового рва. Каждый на ситуацию отреагировал по-своему. Танцюра изобразил глубокое раскаяние, выдавил из своих хитрых глазенок слезки, едва не бухнулся на колени. Демиденко, тяжело ступая, прошагал к одному ему запомнившемуся месту, буркнул: «Здесь я стоял».

И хотя на место преступления, совершенного четыре десятилетия назад, их привозили порознь, показания, где находились Коршун и Ангел, где — жертвы, как предполагалось оцепление и другие подробности, совпали.

Алексей слушал их ответы, смотрел, как они ходят по лугу, что-то пытаются опровергнуть или подтверждают, и печаль у него была круто замешена на ненависти, на вопиющей несправедливости ситуации — те, адабашевцы, спят долгим и вечным сном, а вот эти — ходят, дышат, пытаются демонстрировать рвение.

Нет, даже смерть не в состоянии подвести окончательную черту содеянному — это могут сделать только живые.

Тяжелая, напряженная работа по розыску близилась к завершению. Алексей видел у майора Устиана серые тома, в которые собирались документы. Их было уже пятнадцать, и в ближайшее время эта цифра, конечно, увеличится.

Именно сейчас Алексей мог по достоинству оценить, как умело, без суеты, но и без промедления организовал майор Устиан весь розыск, включил в его орбиту многих людей, направил усилия по наиболее важным направлениям в установлении Истины.

...— Что же ты молчишь, сыщик? — Гера обращалась к Алексею, наверное, в десятый раз.

— Извини, задумался.

— В таких случаях положено спрашивать: о чем или о ком?

— О разном, Герочка. О том, что уже прошел год, как я окончил университет и приехал в Таврийск. Что вот снова осень и «листья желтые над городом кружатся»...

— Слушай, сыщик, давно хотела спросить: тебе нравится то, чем ты занимаешься?

— Что значит нравится — не нравится? Я не смотрю на свое дело с такой точки зрения. Важнее другое: моя работа необходима обществу.

— Ты в этом уверен?

— Безусловно. Она трудная, невидная, о ней в газетах не пишут, и даже, когда все завершается, имена тех, кто выполнял ее, остаются в тени. И тем не менее я убежден, что мне очень повезло — это то дело, которому стоит отдавать и ум, и сердце, и силы.

Гера вздохнула:

— Счастливый.

Они какое-то время шли молча, каждый думал о своем, но молчание не тяготило, наоборот, им хорошо было вдвоем.

— За своими делами ты забыл обо мне, — упрекнула Гера Алексея. — Ты даже не спросил, почему я не стала подавать документы в институт, хожу, как и ходила, в секретарях. А ведь уже осень. Кошмар и катастрофа.

Алексей смутился, Гера была права, он так влез в свои проблемы, что все остальное отошло на второй план.

— Ладно, сыщик, не надо терзаться. Завидую одержимым людям.

Гера лихо пнула носком туфельки камешек на аллее, и серый комочек, описав дугу, плюхнулся в озеро.

— Видишь, какие круги пошли по воде от маленького камешка? А разве в жизни не так? Сделаешь один шаг, а он тянет за собою другой, третий.

— Ты о чем? — не понял Алексей.

— Все о том же.

Гере надо было выговориться — это он понимал. И потому не торопил ее, не донимал вопросами, пусть расскажет то, что считает нужным.

— Понимаешь, сыщик, я очень тогда на тебя надеялась. Думала, ты все решишь.

— Каким образом? — удивился Алексей. — Ведь это твои родители.

И тут он понял, на что надеялась Гера. Что он решительно скажет: «Бросай все немедленно, рви окончательно с этими людьми, идем сейчас же со мной, раз и навсегда, ты мне нужна...»

Он не сказал ничего похожего, принялся рассуждать, в словах утопил ее надежды.

— И все-таки ты мне помог. Нет, конечно, я бы не хотела узнать, что ты... Одним словом, мне было бы очень больно, если бы ты предпринял, скажем так, официальные шаги. Я просто верила в чудо, а когда оно не случилось, ушла из этого дома.

У нее, оказывается, сразу же состоялось решительное объяснение с родителями. Мать потребовала, чтобы она порвала с Алексеем, которому приписывала «нездоровое влияние» на дочь. Еще мать твердо заявила, что если Гера не согласится на замужество с Тэдди, то пусть живет, как знает. Отец по обыкновению молчал, жалобно смотрел на дочь, ожидая, чтобы страсти немного улеглись и он смог уехать туда, где ему хорошо, где любимая женщина поймет его, приласкает и успокоит.

Но семейная гроза на этот раз оказалась длинной, с бурными вспышками и раскатами. Гера твердо заявила, что с нее хватит, она больше не желает сидеть в том болоте, в которое превратили родители свою жизнь, ей не нужен и даром Тэдди.

Кончились семейные объяснения тем, что Гера собрала самые необходимые вещи и переехала на дачу. С тех пор и живет там, с институтом придется повременить, надо во всем разобраться и окончательно решить, как жить дальше.

...Алексей вспоминал слова Устияна: «У нынешних молодых в характере стихийный протест против обывательщины и нечестного существования». Спросил осторожно:

— Ты видела с тех пор родителей?

— Нет. Отец звонил ко мне на работу.

— И...

— Я ему посоветовала вначале навести порядок в своих личных делах.

Алексей обнял ее за плечи:

— Значит, все очень серьезно!

— Очень,— подтвердила, вздохнув, Гера.— Прямо кошмар и катастрофа.— Она вдруг снова стала ершистой и независимой.— Ты только не думай, что я хочу тебя разжалобить, потому все это и рассказываю. Я знаю, пришибленные, растерявшиеся девчонки очень иным нравятся. Их ведь можно жалеть и утешать. Нет, мой дорогой сыщик, именно теперь у меня все в порядке.

— Так уж?

— Конечно! Решения приняты, отступать некуда. Кстати, ты прав в главном: нельзя быть честным наполовину, не стоит, морщась, поджимая губки, но тянуться к чужому куску хлеба с маслом... Я в эти дни часто вспоминала Ирму Раабе, ту девушку, которая спасала твоего дядю. Ей было потруднее.

Алексей запротестовал:

— Такие аналогии ни к чему!

— Конечно, общего мало,— согласилась Гера,— но ей было действительно гораздо сложнее, она ведь себя с корнями пыталась вырвать из той почвы, на которой выросла.

Быстро темнело, вдоль аллеи зажглись матовые фонари, от воды потянуло свежестью.

— Ты что сегодня делаешь вечером? — тихо спросил Алексей.

— Еще не решила.

— Тогда поехали к нам. Чай пить. И еще я тебя хочу познакомить со своей мамой.

— Спасибо, Алеша,— обрадовалась Гера.— Не оставляй меня, пожалуйста, одну, сыщик мой хороший.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ АНГЕЛА СМЕРТИ

— Мы его одного не оставляем,— заверили в конце телефонного разговора майора Устияна коллеги из Ясногорска.

Они все-таки разыскали интересующего Таврийск человека, провели тщательное его изучение.

— К вам вылетает наш сотрудник,— сказал майор Устиян.— Опыта особого у него нет, так что помогите ему.

— Сделаем,— донеслось до него через несколько тысяч километров.

Вот он и наступил, тот день, которого с таким нетерпением ожидал Алексей. Майор Устиян пригласил его к себе и буднично, словно речь шла о самых обычных повседневных делах, которых за день набирается десятки, сказал:

— Будем заканчивать, лейтенант. Санкция прокурора получена. Вы все это начинали, вам и лететь в Ясногорск.

— Одному? — Алексей не смог да и не пытался скрыть волнение.

— Не определять же вам кого-то в сопровождающие! Справитесь вместе с местными коллегами.

— А обратно? Ведь его надо доставить сюда, в Таврийск!

— В Ясногорске вам выделяют в помощь опытных в таких делах товарищей. Там посадят в самолет, здесь мы встретим. А по пути на высоте одиннадцать тысяч метров при минус сорок за бортом ему никуда не деться, хоть и в ангелах шатался.— Майор Устиян предложил: — Садись, Алексей, располагайся поудобнее, обговорим детали.

Никита Владимирович редко к кому обращался на «ты», и Алексей воспринял его слова как знак доброго отношения и доверия к себе. Что и говорить, все эти

месяцы он почти постоянно прикидывал: «А что бы сказал по этому поводу Никита Владимирович?»

Когда инструктаж был закончен, Никита Владимирович бросил взгляд на часы и поднялся:

— Нас ждет генерал.

Туршатов действительно ждал их. Женя, когда они вошли в приемную, молча указал на дверь: входите.

— Все обговорили? — вместо приветствия спросил генерал.

— Так точно, — доложил Устиян.

— Сколько вы уже у нас? — вдруг обратился Туршатов к Алексею.

— Почти год.

— Да, срок, — улыбнулся Туршатов. — Скажите, лейтенант, после года работы, что вы считаете самым главным в нашем деле?

Как ответить на такой сложный вопрос? Алексей вдруг мысленно увидел себя как бы со стороны — сделаны лишь первые шаги, кое-чему научился под руководством Никиты Владимировича, кое в чем ошибался, но трудностей не пугался, работал на совесть, зная, что труд у него государственный, слово «безопасность» по смыслу прямо противоположно другому слову, грозному и колючему: «опасность».

— Что задумался, лейтенант? Или нечего сказать? — Туршатов проговорил это доброжелательно, однако Алексей понимал, что в любом случае ответ его генерал запомнит.

— Товарищ генерал, очень многое хотелось бы сказать — я думаю, что в нашей работе все главное, второстепенного нет, мы ведь имеем дело с людьми — и добрыми, и злыми, и патриотами Родины, и врагами ее. А там, где люди, — все главное.

— Ишь ты! — прищурился лукаво Туршатов. — Верно говорите, лейтенант.

— Но я отвечу вам словами Феликса Эдмундовича: «Мы — солдаты на боевом посту».

— Из писем жене, — проговорил Туршатов.

— Да, год 1918-й, — подсказал Устиян.

— Из тех писем, которые писались на Большой Лубянке, — Туршатов хорошо знал биографию Феликса Эдмундовича, часто обращался к его творческому наследию. Он с одобрением окинул быстрым взглядом Алексея, ответ ему понравился. — Что же, будем выполнять свой солдатский долг. Доложите план предстоящей

операции. И, как правильно вы отметили, лейтенант, не жалейте время на мелочи, они иногда решают все.

...В Ясногорск Алексей прилетел в солнечный полдень. Ранняя осень чуть тронула золотом листву кленов, которыми славился городок, разукрасила палисадники и клумбы на площадях многоцветными астрами. Небольшой аэропорт почти прижался к городу, и, когда самолет заходил на посадку, Алексей увидел его весь: старые и новые кварталы, излучину реки, трубу заводика, производящего ширпотреб, близкие сопки — на некоторые из них вскарабкались домики.

В одном из таких домишек и жил тот, кто в годы войны именовал себя Ангелом смерти, а теперь числился сторожем при винно-водочном магазине.

Алексей вышел из самолета, осмотрелся. Двое парней стояли у самого трапа, один из них, отыскав взглядом среди спускавшихся пассажиров Алексея, приветственно поднял руку.

— Как вы узнали меня? — удивленно спросил Алексей, когда они оказались рядом.

— По наитию. Молодой, симпатичный, не местный, одинокий, — встречавшие улыбались. Они представились:

— Капитан Шамшин... Василий...

— Старший лейтенант Федан... Слава...

Алексей еще раз пожал каждому руку:

— Лейтенант Черкас... Алексей...

Они ехали по улицам — Федан за рулем, — и Алексей всматривался в облик невелик-городка. Хорошее место выбрали предки для его закладки. Сопки защищали от ветров, река связывала с остальным миром, лес кормил. Новых домов было немного, они выделялись среди деревянных своих собратьев неуклюжими прямоугольниками — словно бы выкрасили коробки из-под печенья в серые тона и разбросали тут и там в кленовых и березовых разливах. А бревенчатые домики смотрелись как чудо — легкие, изящные, у каждого свои особые приметы: веранды-«фонари» или деревянные узоры, а то и башенки с жестяными флюгерами. Вот какой прекрасный городок выбрал Ангел смерти, чтобы укрыться.

— Пойдем прямо в отдел, — сказал Шамшин. — Гостиница заказана, но вещей у тебя нет, так что туда успеется.

О деле Алексей счел неудобным спрашивать в

машине, на ходу, а его спутники первыми не начинали этот разговор.

Полковник Касимов их ждал. Он коротко осведомился о том, хорошо ли долетел Алексей и какая погода сейчас на Украине, после этого сразу же приступил к тому, ради чего и прибыл Алексей в этот далекий от его Таврийска городок.

— Цыркин Георгий Карпович живет в нашем городе с февраля 1946 года. Прибыл сюда после демобилизации из рядов Советской Армии. Документы у него подлинные. Вам предстоит выяснить, что к чему, он на Украине творил злодеяния, значит, и ниточки где-то там. Я могу сказать только одно: человек, которого вы разыскиваете, Цыркин Георгий Карпович, проживает в нашем городе по улице Кедровой, в доме номер сорок три, которым он владеет на правах личной собственности. Работает, как мы и сообщали вам, сторожем при винно-водочном магазине. Вдовец, детей нет, к уголовной ответственности не привлекался. В последнее время, правда, спекулирует втихомолку водкой на дому — участковый его уже вызывал для разговора. Однако он наотрез отказался признать такой факт, а покупатели — алкоголики, не торопятся помочь милиции.

— И что, Цыркин всегда здесь жил? — Алексея не оставляла мысль, что в этой странной истории все еще есть незаполненные страницы, провалы между безусловными фактами.

Полковник, видно, хорошо ознакомился с «официальной» стороной жизни Цыркина. Он ответил Алексею обстоятельно:

— В наших краях в двадцатые годы многие знали Карпа Цыркина, из бывших купцов, торговавших с таежными охотниками. Эти живоглоты до революции да и сразу после нее, пока власть наша не окрепла, сильно обдирали охотничков, спаивали намертво, за бутылку водки выманивали пушнину, а то и припрятанное золотишко. У Цыркина был сын Георгий. Дом, в котором они жили, до сих пор стоит — там сейчас детские ясли. В начале тридцатых Цыркин уехал вместе с сыном из наших мест. Дом он заколотил, адресом своим новым, как говорится, не осчастливил. Из всей родни осталась в Ясногорске семья сестры Карпа, Дарьи, по мужу — Черных, она и двое девочек. Муж Дарьи погиб на фронте, мужественно погиб — лег под фашист-

ский танк с гранатами. Я не очень пространно? — перебил сам себя полковник.

— Нет, что вы! — воскликнул Алексей. — Все, что касается Цыркина, крайне важно!

Он подумал: надо же, родственниками были, Цыркин и Черных, притом довольно близкими, однако один пошел с автоматом на советских людей, второй за Советскую Родину лег с гранатами под гитлеровский танк.

— Как вы понимаете, семья погибшего героя пользовалась в городке особым уважением, — продолжал полковник. — И когда в сорок шестом Георгий Цыркин объявился в городе, еще в солдатской форме, с медалями на гимнастерке, с нашивками за ранения, и остановился у своей тетки — никому и в голову не пришло усомниться в правдивости его рассказов и биографии в целом. Тем более что тетка сразу признала его племянником своим. Он вскоре женился на местной девушке. Кстати, охотно рассказывал, чем занимались с отцом после отъезда из города: поселились в Донбассе, отец работал на шахте, стал даже стахановцем, а он, Георгий, учился в школе, окончил ее в тридцать девятом году, призвали в армию, войну встретил на границе, в первых боях был ранен, попал в плен, чудом выжил, его отправили в лагерь в Германию, бежал с двумя товарищами, пробились они на территорию Польши, партизанили вместе с польскими патриотами. Когда Советская Армия вошла в Польшу, снова стал солдатом. После соответствующей проверки, конечно... Успел повоевать и с японскими милитаристами. Потому и демобилизован был позже многих.

— И все это подтверждается? — изумился Алексей.

— Все, не все, — протянул полковник Касимов, — но многое... Судите сами. Из Ворошиловграда подтвердили факт проживания там Цыркина Карпа и его сына Георгия. Есть фамилия Цыркина Георгия Карповича в списке выпускников средней школы в 1939 году. Военкомат подтвердил его призыв на срочную службу в то же время. Он действительно числился в списках личного состава части, которую указал, она понесла тяжелейшие потери в июне — июле 1941 года, тогда же Цыркин попал в плен. Наконец, подтверждается факт его участия в партизанском движении на территории Польши в 1944 году — правда, краткосрочном и без особых подвигов — и, наконец, зачисление в действующую армию после освобождения Жешувского воеводства — а именно

там он был в партизанах,— участие в заключительных боях Великой Отечественной войны, передислокация его части на Дальний Восток. В последний период Цыркин постоянно проживал в Ясногорске, из города уезжал в отпуска или на краткое время по личным обстоятельствам. Вот так, лейтенант,— закончил свой рассказ полковник Касимов.

Алексей не знал, что и сказать. Оказывалось, что человек, которого он так упорно разыскивал, за которым гонялся по городам и деревням, мог документально подтвердить многие неясные стороны, страницы своей жизни. Попал в плен, находился в гитлеровском лагере? Да, и так бывало: оказывались в плену, мучились в лагерях... А этот, к тому же, совершил побег, партизанил, вполне достойно встретил Победу.

Полковник Касимов и другие офицеры молчали, не торопили Алексея с вопросами.

— Что же выходит? — нерешительно проговорил Алексей.

— Мы с абсолютной достоверностью можем утверждать только одно: в нашем городе действительно проживает Цыркин Георгий Карпович, на арест которого по подозрению в преступлениях, совершенных в годы войны, а также в убийстве гражданки Зинаиды Кохан вами получена санкция прокурора.

— Но не мог же он одновременно сидеть в лагере и ходить в подручных у Коршуна? Абсурд.

— Вы, простите меня, сколько работаете в нашей системе, лейтенант? — доброжелательно поинтересовался Касимов.

Алексей покраснел, он догадался, в связи с чем задал этот вопрос пожилой, добродушный полковник, чем-то неуловимо напоминавший майора Устияна. Он честно признался:

— Немного. Совсем немного.

— Не обижайтесь, пожалуйста, я и в мыслях не держу вас обидеть. Просто в нашем деле всегда нужна предельная ясность, ибо малейшая неточность может привести к совершенно непредсказуемым результатам. Так вот, я бы не советовал вам с хода, что называется, пересматривать сложившуюся версию. Мы здесь очень тщательно отработали и документы, и собранные сведения о Цыркине. И при всей видимой достоверности его биографии осталось все же много неясностей. Хочу еще добавить, что мне приходилось за тридцать лет работы

сталкиваться с такими чудесами и фокусами в биографиях и «легендах» некоторых заинтересовавших нас людей, что только диву давался — волшебники по части превращений, исчезновений и воскрешений из мертвых.

Полковник полистал пухлую папку с документами, словно освежая в памяти некоторые неясности, теневые стороны фактов.

— Разве у вас нет желания задать нам вопросы? — обратился Касимов к Алексею.

— Конечно, есть, — приободрился от слов полковника Алексей. — Вопросов у меня много. Вот, например, первый из них: упомянули, что Цыркин после войны женился. Как случилось, что он вдовец? И где живет?

— На Кедровой чуть в сторонке от других построил себе домик, небольшой, но крепенький. Участок освоил довольно обширный, обнес его тесовым забором. Я недавно проезжал мимо, присмотрелся — забор словно крепостная стена, в два метра высотой, доски вверх заострены. Женился он в 1947 году, а спустя пять лет, в 1952-м, жена его утонула в речке. Ушла купаться и не возвратилась. Тело нашли через девять дней в омуте. Поскольку признаков насилия не обнаружили, следствие не велось. Цыркин очень убивался по молодой жене, с которой жил дружно и тихо, больше не женился, детей у них не было, живет одиноко.

— И никто у него не бывает?

— Почему же? Иногда приходит женщина — соседка, которая примерно раз в месяц устраивает генеральную уборку, стирку, словом, приводит дом в порядок. Заглядывают, очень редко, дружки по общему увлечению — искоренению путем его уничтожения зеленого змия.

— Пьет?

— Крепко.

— А родственники по линии тетки или жены?

— После гибели жены ее родственников он видеть не пожелал, порвал с ними всякие связи. Дарья Черных, его тетка, умерла где-то в пятидесятых годах, дети ее, как это часто теперь бывает, после окончания школы разлетелись по всей стране. — Полковник ненадолго замолчал, разыскал в папке с документами какую-то карточку. — Есть существенная деталь. Соседи Цыркина опознали Зинаиду Кохан по фотографии, которую вы нам прислали. Эта женщина несколько раз приезжала к Цыркину, останавливалась у него, жила подолгу, по

возможности старалась не привлекать к себе внимание.

Алексей готов был расцеловать полковника. Это ведь не след — это тропа и к прошлому, и к событиям в Таврийске. Значит, Цыркин и Зинаида Кохан не просто были знакомыми. Раз она так часто бывала у него, значит, их связывало нечто большее, чем простенькое знакомство.

— Экспертиза подтвердила, что письма, изъятые у убитой Кохан, написаны Цыркиным, — полковник проговорил это внешне невозмутимо, а глаза у него смеялись: какой подарочек молоденькому лейтенанту!

— Значит... — воскликнул с энтузиазмом Алексей, но полковник остановил его жестом руки:

— Кое-что, конечно, значит этот факт, однако что именно — зависит от многих других обстоятельств. В переписке, как вы понимаете, криминала нет.

— В письмах этого типа имеется немало туманных фраз, намеков, которые еще нуждаются в толковании.

— Допустим... Но я бы вам вот что посоветовал... Впрочем, — тактично сказал полковник, — вы и сами это сделаете, не сомневаюсь. Так вот, много значит, опознает ли Цыркина мать Зинаиды Кохан, подтвердит ли она, что это тот человек, который приезжал к ее дочери, в том числе и в дни, предшествовавшие убийству. И я бы обязательно походил с его фотографией по соседям Зинаиды там, где она жила, — не видели ли они его? Может быть, во время своих отлучек из нашего города он именно к ней и наведывался?

Да конечно, это надо будет обязательно сделать, думал, слушая полковника, Алексей. Вот как поворачивается дело, если его анализирует опытный человек! А он, мальчишка, совсем было скис, уже начал думать, не напраслину ли возводят на ни в чем не повинного человека, к тому же ветерана войны?

— И еще какие у вас вопросы, лейтенант? — спросил Касимов.

Во время всего разговора капитан Шамшин и старший лейтенант Федан скромно сидели у стены, вдоль которой был выставлен ряд стульев, очевидно, на случай заседаний. Они молча, с явным одобрением слушали своего начальника. Когда Алексей спросил, что собой представляет Цыркин сегодня, Касимов сказал:

— Об этом лучше всего, пожалуй, известно Шамшину и Федану.

— Человек это замкнутый,— включился в разговор капитан Шамшин.— На работе характеризуется положительно, но и работа-то у него такая, что отрицательную характеристику на ней получить трудно. В десять вечера заступает на дежурство у своего магазина, в шесть утра уходит. Выборочные проверки показали, что всегда в положенные часы на дежурстве, если же отлучается, то по вполне убедительным причинам. Попыток ограбления магазина за все годы не было, да у нас такое и не водится.

— А растрата? — подсказал товарищу Федан.

— Была несколько лет назад странная растрата у завмага по фамилии Курилкин. На сумму в пятнадцать тысяч сто двадцать один рубль. При обыске у него дома нашли какое-то количество дефицитного товара. Стоял на своем: не брал, ничего не знаю, мне это подбросили. Недостачу объяснил так: магазин работает без кассира, деньги получает у покупателей, завмаг и еще один продавец, складывают в течение дня в железный ящик, вечером подсчитывают выручку и сдают. Поскольку в течение многих лет все сходилось копейка в копейку, сумму выручки со стоимостью товара, реализованного за день, не сверяли... Объяснения хлипкие, растрата реальная и крупная — Курилкин получил серьезный срок, вышел по амнистии и первым делом бросился к Цыркину. Ходили слухи, объяснения между ними завершились жестокой дракой, однако ни тот, ни другой в милицию не обращались. Вот какое дело было с растратой... А теперь ты, Слава, расскажи о собаках,— передал капитан слово своему товарищу.

Федан продолжил его рассказ:

— Этот тип, как уже говорили, живет одиноко, новых людей терпеть не может. И есть у него одна жестокая странность. Цыркин держит злющих собак, обычно они у него бегают на цепи по проволоке. Побоями и издевательствами доводит своих псов до такой степени злости, что те становятся бешеными. И вот когда собака входит в силу, матерееет, он принимается за нее всерьез. Соседи не раз видели, как Цыркин с безопасного для себя расстояния заостренным длинным штырем колот своих псов так, что кровью все вокруг заливало. Представляете? Пес на толстенной железной цепи, податься ему некуда, рвется, поднимается на лапы, хрипит, стервенеет, а Цыркин шпыняет его, калечит, избивает. Палачество...

— Оно и есть,— подтвердил Шамшин.

— ...Дождется Цыркин, пока пес поднимется на ноги, и опять за свое. Какое-то наслаждение находит в этих издевательствах над собаками. У соседей глаза от ужаса округляются. Однажды даже милицию вызвали, а Цыркин заявил, что пес на него набросился, он и защищался.

— Садист, он и остается садистом, сколько бы лет не прошло,— с брезгливостью заметил полковник Касимов.

Алексей вспомнил показания свидетелей о жестоких расправах, которые учинял Ангел смерти над беззащитными, беспомощными людьми. Тот очень любил добивать полуживых, сатанел при виде крови, на массовых расстрелах стрелял из автомата в грудь тел до тех пор, пока не пустел диск.

...Вот лежат Адабаши в противотанковом рву, и ходит по его краю невысокий чернявенький палач, бесконечной свинцовой строчкой прошивает уже мертвых, но еще вздрагивающих от пуль. Это у них называлось «подчищать огрехи». Ходит, приплясывая от возбуждения, ноздри со свистом втягивают воздух, глаза беледые, мутные.

— Вас что-то смущает? — спросил Касимов, заметив, как тяжело задумался Алексей.

— Вспомнил, товарищ полковник, показания свидетелей об участии Ангела в массовых расстрелах мирного населения.

— Кто-нибудь уцелел?

— Бывшие полицейские.

— Цыркин бежал из лагеря с двумя другими узниками — оба погибли, смерть встретили в бою почти сразу же, как только прибились к партизанам,— продолжал Федан.

— Странная, однако, пустота вокруг военных лет Цыркина,— вырвалось у Алексея.

— Да, и это наталкивает на серьезные размышления,— подтвердил Касимов.

— Еще один вопрос, товарищ полковник,— сказал дрогнувшим голосом Алексей,— удалось установить, где находился Цыркин в дни убийства Зинаиды Кохан?

От ответа на этот вопрос зависело очень многое. Если Цыркин в это время не выезжал из Ясногорска, он не мог быть убийцей. В таком случае...

— Что вы так волнуетесь, лейтенант? — Касимов спросил это вполне дружелюбно и понимающе. — Цыркин, если меня не подводит интуиция, еще задаст вам предостаточно головоломок. Судя по всему — тот еще мастер комбинационной игры. Не было его в Ясногорске в эти дни, брал отпуск по семейным обстоятельствам.

— Значит, вы тоже подозреваете Цыркина? — обрадовался Алексей.

Касимов его тут же осадил:

— Спокойнее, лейтенант. Я никого и ни в чем не подозреваю. Вам в науку расскажу один случай. Однажды я был свидетелем того, как мгновенно прервалась карьера в нашей системе человека, который стремительно взлетел вверх. Причиной были его слова в одном официальном докладе: «Наша обязанность — подозревать всех...» На докладе присутствовал один из тех чекистов, что работали еще с Дзержинским. В нашем случае речь идет не о подозрении — факты свидетельствуют, что Цыркин имеет прямое отношение к убийству бывшей гитлеровской пособницы Зинаиды Кохан. Этих фактов достаточно для взятия под стражу, обыска, допроса. Не так ли?

Капитан Шамшин и старший лейтенант Федан согласны кивнули. Алексей уже обратил внимание на то, как внешне неброско, но слаженно и четко работали в этом городском отделе. Здесь, очевидно, хорошо понимали друг друга, мнение вырабатывали сообща, хотя — это очевидно — точка зрения Касимова была решающей.

— Когда мы... — начал Алексей фразу, полковник Касимов его перебил:

— Завтра в двадцать три часа. Шамшин и Федан познакомят вас с планом операции и объяснят, почему именно в это время. А сегодня отдыхайте. Ребята немножко пошефствуют над вами, чтобы в такой вечер не оставались наедине... ну, скажем, с самим собой.

Полковник оказался психологом. Алексей потом, вспоминая эти два дня в Ясногорске, с благодарностью думал о своих коллегах из городка: трудно сказать, как бы они прошли без них. Ведь ему предстояло впервые в жизни участвовать в аресте человека. Пусть вероятно-го преступника и убийцы, однако знать, что именно ты должен задержать его, взять под арест, лишить свободы — не просто.

Когда совещание у полковника закончилось, Шамшин, Федан и Алексей проговорили будущую операцию

от и до: от тех минут, когда она начнется, до посадки в самолет, вылетающий на Таврийск.

Они вышли из горотдела, и Алексей с тоской подумал, что вот надвигается вечер в незнакомом городе. И придется сидеть в гостинице, а мысли будут только об одном — как все это состоится завтра.

— Есть предложение, — сказал капитан Шамшин.

— Провести вечер вместе, — продолжил старший лейтенант Федан. — Пельмени уже готовятся.

...Георгий Карпович Цыркин заступал на ночное дежурство в 22. 00. Он проверил пломбы на замках магазина, неторопливо обошел вокруг него, заглянул в свою каморку с заднего хода, где держал теплую одежду, плащ, чайник. Потом сел на крылечко, закурил, окинув безразличным взглядом опустевшую к этому времени площадь перед магазином, зеленые шапки близких сопок, взявших Ясногорск в окружение. Алексей проходил мимо, остановился возле Цыркина. Спросил:

— Скажи, где можно в вашем городочке перехватить чего-нибудь?

— Чего? — равнодушно поинтересовался Цыркин.

— Ну, поесть и прочее. Только прилетел, в гостинице мест нет, все закрыто.

— Шагай в «Тайгу», ресторан это, если повезет — впустят.

У «Тайги» змейкой извивалась молчаливая очередь страждущих — это было видно отсюда, с крылечка магазина, так как ресторан находился в сотне метров от него, на противоположной стороне площади. Алексей пошел к «Тайге», потолкался среди разношерстного люда, выстроившегося в затылок друг другу. Цыркину было хорошо видно, как Алексея гнали в «хвост», когда он пытался протиснуться к стеклянной двери. Без пяти минут одиннадцать Черкас ушел оттуда — ждать было бесполезно, очередь не продвинулась, а время вплотную подошло к закрытию.

Цыркин сидел на своем крылечке, все так же покуривал. Он остановил Алексея, когда тот проходил мимо.

— Не вышел номерок?

— Нет. А душа горит, — пожаловался Алексей. — Вчера провожали в командировку, перебрали обороты, мотор, — он ткнул пальцем себя в грудь, — дымится.

— Бывает, — понимающе протянул Цыркин.

— Не знаю, сколько бы сейчас дал, лишь бы голо-

ва перестала потрескивать.— Алексей сказал это с неподдельной тоской.

— Раз приезжий, почему без вещей? — подозрительно спросил Цыркин. В руках у Алексея был один портфель.

— Какие вещи, если приехал на один день? Завтра и укачу из вашего негостеприимного града.

— Ладно, переночуешь у меня, — смиростивился Цыркин. — Червонец за бутылку, пятнашка — за ночлег. Осилишь?

— Смогу, — оживился Алексей.

Все шло по плану. Цыркин не устоял перед возможностью ободрать приезжего.

— Пошли, — поднялся сторож с крылечка. — Отведу в свои хоромы.

У глухого забора «хором» Цыркина их ждали Шамшин и Федан.

— Гады-ы! — прохрипел Цыркин, понявший все, и выхватил нож. Федан ловко перехватил его руку, посоветовал миролюбиво:

— Затихни! Отлетался... Ангел.

И услышав давнюю свою кличку, Цыркин действительно затих, только вот в машину после обыска с понятыми в доме все не мог забраться, упирался руками в проем дверцы, словно надеялся, что случится чудо и ему скажут: «Вы свободны, просим нас извинить».

Но ничего подобного не могло произойти, ибо теперь ошибка исключалась — у Цыркина в тайнике нашли немецкие документы на имя обер-лейтенанта Красовского Георгия И. с фотографиями Цыркина, а под крышкой стола — прикрепленный так, что легко извлекался, па-рабеллум.

— Зачем вы их хранили? — спросил Шамшин.

Это было действительно странным.

Цыркин пожал плечами, гримаса боли проползла по его лицу. Разве можно объяснить этим молодым, как он ненавидел и их, и все, что было за ними, что они олицетворяли? Разве поймут они, узнав, как глухими ночами в таком же глухом одиночестве доставал он из тайничка удостоверение обер-лейтенанта, всматривался в себя, молоденького, и видел: вот идет он по земле не ангелом — дьяволом, и от движения его бровей зависит жить или умереть встречным двуногим, по недоразумению называемым людьми. «Чем больше вы их уничтожите, тем безопаснее будете чувствовать себя в будущем», —

так говорил ему в минуты откровенности Коршун. И он уничтожал... Стрелял, жег, вешал, давил грузовиком, на котором передвигалась его команда. Он делал то, о чем мечтал его отец, по милости Советов из богатейшего человека, перед которым до революции заискивал весь городок, превратившийся в озлобленного субъекта, строившего из себя на шахте «ударника».

Много раз хотел он уничтожить эти документы, но рука на них не поднималась — это для него было все равно, что убить себя. А еще он надеялся, что парабеллум пригодится...

В самолете Алексей сидел рядом с Цыркиным. Стюардесса принесла аэрофлотский обед, и Цыркин аккуратно поел, все сложил на поднос.

— Может, поговорим? — предложил он Алексею.

— Не о чем нам с вами беседовать, Цыркин, — ответил Алексей, брезгливо отодвинувшись от своего соседа.

— Неужели не интересуется, как мне удалось так долго от вас скрываться? — Цыркин прятал глаза под тяжелыми веками, говорил глухо, покашливая в сухонький кулачок.

— Это мы и без вас выясним.

— Молодой, а убежденный, — словно бы про себя пробормотал Цыркин.

Алексею было неприятно находиться рядом с ним, в соседних мягких креслах самолета, однако что поделаешь, у каждой ситуации есть свои издержки. Еще удивляло, что Цыркин старательно выполнял все распоряжения на световом табло: «пристегнуть ремни», «не курить». «Неужели еще на что-то надеется?» — с недоумением подумал Алексей.

...Мать Зинки опознала Цыркина сразу:

— Он, Ангел.

— Ты зачем навела их на мой след, старая ведьма? — поинтересовался без особой злобы Цыркин. Он уже понял, что игра не просто проиграна — подводится черта под всей его жизнью.

— Помнишь Пашу? — срывающимся голосом спросила старуха.

После недолгого раздумья Цыркин покачал головой:

— Нет. Кто такой?

— А я помню и не простила его тебе.

Майор Устиян, когда допросы Цыркина уже близились к завершению, предложил ему:

— А теперь расскажите, как к вам попали документы Красовского.

— Выясните сами,— ухмыльнулся Цыркин.

— Уже выяснили. Красовский был командиром вашей роты. Рота попала в окружение, остатки ее пытались выбраться к нашим. Личный состав роты сражался героически, даже немцы это оценили. Последний бой рота, точнее то, что от нее осталось, приняла у населенного пункта Заозерье. Немцы предлагали, как они говорили, «почетный плен». Рота предпочла смерть. Капитан Красовский был тяжело ранен, вы добились его, сняли с него форму и взяли его документы. Вы, Цыркин, один остались в живых, и когда вышли к немцам с поднятыми руками, они считали, что взяли в плен мужественного капитана Красовского. Так?

Цыркин промолчал, он смотрел на Устияна безразлично, часто моргая. О волнении его свидетельствовали лишь слегка подрагивающие руки, которые он не знал, куда деть.

— Вот листовка, которую немцы выпустили по случаю вашего взятия в плен. «Храбрый капитан Красовский», который сражался до последнего патрона, признавал в ней дальнейшую борьбу с победоносной армией фюрера безнадежной и призывал бойцов и командиров Красной Армии сложить оружие.

Майор Устиян показал старую листовку с немецким орлом: молодой Цыркин в форме командира Красной Армии со снятыми с петлиц знаками отличия улыбочиво смотрел с фотографии.

— Вы правильно рассчитали: гитлеровцы больше будут ценить капитана-героя, нежели рядового предателя. Вот копия приказа о присвоении бывшему капитану Красной Армии Красовскому звания обер-лейтенанта.

Алексей только удивился в душе, как оперативно и четко выяснил все это майор Устиян.

— Теперь доброе имя героя войны капитана Красовского полностью восстановлено,— добавил Устиян.

— Кому это надо сейчас? — язвительно спросил Цыркин.

— Его родным и близким. Его народу и Отчизне,— отчеканил майор.— Впрочем, вам этого не понять.

Алексей, когда все уже осталось позади, спросил Устияна, каким образом тот пришел к выводу, что Красовский — это реальное лицо, а не миф.

— В списках личного состава части, где служил

Цыркин, — объяснил Устиян, — быстро нашли эту фамилию. А дальше — просто...

Ничего себе просто! Алексей хорошо понимал, что только богатый опыт розысника помог Устияну оперативно распутать петли, завязанные Цыркиным, оказавшимся таким предусмотрительным в своем предательстве: служил оккупантам с чужой биографией, а когда тех погнали — выкопал свои настоящие документы, снова стал рядовым Цыркиным и вторично сдался в плен, чтобы бежать из лагеря к партизанам. Он рисковал, конечно, очень сильно, однако перспектива «подчистить» свою жизнь была заманчивой, а риск окупался конечной целью.

Много раз на допросах Цыркину задавались вопросы о Коршуне. Экс-каратель делал вид, что фамилию Коршуна не знает: «Его все звали Гайер. Это значит — Коршун. А что это — подлинная фамилия или просто прозвище — мне неизвестно». Он подробно рассказал о карательных акциях, в которых принимал участие под командованием Коршуна, показал на карте сожженные села, места массовых казней.

— Кто скрывался под этой кличкой, вы знаете, — сказал ему майор Устиян. — Не хотите говорить? Ваше дело. Мы и без вас установим, кто такой Коршун.

— Откуда мне знать? — упирался Цыркин.

— Не поверю, что так уж строго скрывал Коршун свою фамилию. Зачем? Он ведь не сомневался в победе, а то, что творил, не считал преступлением. Так, очистка жизненного пространства... Да и, кроме того, бывшие полицейские показали, что Коршун доверял вам даже отправлять посылки в фатерланд. Что же вы, ни разу не взглянули на адрес?

— Никаких посылок я не отправлял, — Цыркин твердо стоял на своем. — А до Коршуна вам не дотянуться.

— Поживем — увидим, — спокойно ответил ему майор Устиян.

Суд над Цыркиным состоялся в Доме культуры села Адабаши. Его заседания были открытыми, просторный зал не мог вместить всех, кто пришел выразить свое презрение предателю и палачу. На площади установили громкоговорители, заседания суда транслировались по радио.

...Исключительная мера.

Не удивляйтесь этому письму. Ваш адрес я с трудом вырвала у Ганса Каплера — он не был уверен, что имеет право его мне давать. Но надеюсь, что Вы — человек широких взглядов, без комплекса обиды — дочитаете это послание до конца, а не выбросите его сразу в корзину, увидев на конверте почтовый штемпель ФРГ.

Не удивляйтесь моему письму — я долго собиралась с силами и мыслями, чтобы его написать. Много разговаривала с Гансом — о Вас, Вашей стране, о том, почему так сложно и страшно сегодня жить.

И на многое я смотрю сегодня иначе, чем вчера, однако еще больше мне предстоит понять...

Прежде всего хотела бы поблагодарить Вас за бережное отношение к чувствам и письмам моей мамы, Ирмы фон Раабе-старшей. Да, я дочь этой удивительной, как я теперь понимаю, женщины из войны.

Ганс дал мне копии писем, подлинники которых хранятся у Вас в семье. Он же сказал, что подробно написал Вам обо всем, что удалось узнать о судьбе моей мамы. Ганс предоставил в мое распоряжение записи своих бесед с людьми, знавшими маму, и копии некоторых документов, которые отыскал в архивах. Среди этих материалов есть и изложение Вашего рассказа о трагедии села Адабаши.

Читать и слушать все это было ужасно. Я долго не могла поверить, что так было, но, увы — все правда.

Письмо свое пишу Вам не для того, чтобы выставить напоказ свои страдания, и не в попытке обелить тех, кого Вы вправе ненавидеть. Нет, я хочу разобраться в самой себе. Помочь мне сделать это я Вас не прошу, хотя и помню, какая у вас крепкая рука — Вы очень даже просто выволокли меня из свалки на парижской улочке.

Ушедшее не вернуть, но и не забыть... И вот именно из того тяжелого прошлого, в котором было столько

боли и ненависти, я пытаюсь взглянуть на себя, на свои поступки. Мы, немцы, с большим почтением относимся к своим родословным: кем были дальние и близкие предки, чем они занимались, как собирали пфенниг к пфеннигу, чтобы умножить семейный капитал. И важно еще: репутация семьи в глазах всех должна быть безукоризненной; чтобы смыть с нее старые пятна, иногда не жалуют никаких денег. Для чего это пишу, попытаюсь объяснить:

До последнего времени я тоже считала себя девушкой из пристойной и уважаемой семьи. У нас есть фотографии дальних предков — мужчины на них сплошь военные, в кайзеровских мундирах, в касках с шишаками, у каждого — острые, как пики, усы, загнутые вверх. Женщины — в глухих платьях с кружевной отделкой, в глазах у них — сентиментальная поволока.

Моя бабушка, фрау фон Раабе, хозяйка того коттеджа, куда попал раненый Ваш дядя, превыше всего ставила верность семье и дому. Когда того требовали обстоятельства, была патриоткой рейха. Она стойко и терпеливо ждала мужа с Восточного фронта, переносила лишения войны, как и подобает истинной немке, не сломилась под тяжестью испытаний сорок пятого года.

Мой дед — полковник, штандартенфюрер СС, воевал в России, отмечен рыцарским крестом с дубовой ветвью к нему и другими высшими наградами, был всегда верен своему солдатскому долгу, сражался за Германию до последней возможности, поражение воспринял с достоинством, нашел в себе силы после 45-го вновь встать на ноги, проявил незаурядные способности в строительстве, трудом своим сколотил солидный капитал. Среди других ветеранов былых сражений пользуется уважением и почетом — на съезде активистов НДП* в пивной «Швабингер-Брай», что в мюнхенском районе Швабинг, он был в президиуме. И его служба в СС была в моих глазах не позором, а знаком избранности. «В СС,— говорил он мне не раз,— вступали наиболее преданные идеям великой Германии парни. И, самые отчаянные, мы сражались до конца».

Не возмущайтесь, пожалуйста, я излагаю, так сказать, официальные версии их жития.

Мой отец — известный в недавнем прошлом адвокат,

* НДП — национально-демократическая партия, самая крупная и активная неонацистская группировка в «коричневом блоке» в ФРГ.

единомышленник полковника, в новых условиях много сделал для защиты от клеветы, как он говорил, тех немцев, которые покрыли себя славой на полях сражений в России и Франции, в Африке и на Балканах, словом, там, куда вели их долг и верность фюреру. Отца своего я помню плохо — однажды его нашли мертвым на собственной вилле. Мне сказали, что он так любил свою жену, что после ее смерти покончил с собой.

В нашем роду есть обычай: давать появившимся на свет девочкам одно и то же имя — Ирма. Я не знаю, откуда этот обычай, но он свято выдерживается. Назвали меня Ирмой потому, что так велела традиция, однако маму свою я почти не видела, не помню ее. От меня долго скрывали, что с нею случилось, почему все, что с нею связано, окутано тайной, словно жизнь ее завернули в светонепроницаемую упаковку и поместили в сейф под семь замков.

Мне было пять лет, когда меня забрал в свой дом полковник Раабе, он меня вырастил и воспитал. Это он настоял, чтобы у меня была девичья фамилия матери — его фамилия. Мне объяснили, что дедушка заботился о продолжении рода, о том, чтобы не исчезла навсегда фамилия Раабе — сыновей у полковника не было. Трогательно? Очень, тем более что по его завещанию ко мне перейдет все семейное состояние. Но сейчас я думаю: а не хотел ли он еще и другого — чтобы меня, его любимую внучку, никогда и никак не связывали с тем адвокатом, которого нашли мертвым на вилле? И вообще, отчего это он внезапно умер? Я пишу так равнодушно о своем отце, потому что почти не знала его, а то, чем, как мне теперь известно, он занимался в последние годы жизни, не вызывает уважения.

Когда я выросла, дед однажды позвал меня в свой кабинет для серьезного разговора. Он был в парадном мундире, при всех своих наградах и знаках отличия, даже золотые эсэсовские руны тускло мерцали в петлицах кителя. Таким он предстал перед близкими только в самых торжественных случаях, а также в дни крупных нацистских годовщин, к примеру, в день рождения своего излюбленного Адольфа (и моего тоже — до последнего времени)! Я стояла посреди огромной комнаты, на пушистом ковре, словно гимназистка, вызванная к господину директору то ли для награды за прилежание, то ли для сообщения, что ее исключают из гимназии.

— Ты часто спрашиваешь, — сказал полковник, — почему в этом доме не упоминается имя моей дочери, твоей матери. Ирмы. — Он посмотрел на меня так, как будто видел впервые, и продолжал: — Ты уже выросла. Я надеюсь, что сделал все возможное, чтобы выросла ты достойной дочерью не этой урезанной страны, в которой мы живем сейчас, а славной империи, армии которой заставляли содрогаться в ужасе всю планету...

Здесь, Алекс, я сделаю небольшое отступление. Полковник, как только я стала на ноги, муштровал меня так, как не муштровали, наверное, рекрутов в прусских казармах. Походы, стрельба, каратэ, режим без любых послаблений. Я могу пройти десятки километров пешком без привалов, меня не пугает одиночество в ночном лесу. Умею водить автомашину и скакать на лошади, стрелять из любого оружия и ориентироваться на местности. Словом, вариант Рэмбо в юбке.

Наверное, полковник хотел бы иметь в воспитанниках парня, но судьбе было угодно, чтобы я родилась девицей — он и из девицы стал воспитывать оловянного солдатика на современный манер. У нас в поместье есть свой домашний тир и коллекция оружия. Но дед очень любит упражняться в стрельбе в парке. Денщик, который был вместе с ним на войне, закупал у крестьян в деревнях кроликов и, под хлопанье бича, выпускал их одного за другим. Ошалелые зверьки мчались, кувыряясь через головы, а полковник укладывал их пулями. Он называл это стрельбой по движущимся целям, и денщик умиленно приговаривал: «Бог мой, рука и глаз тверды, как прежде...» Теперь я понимаю, что означают эти слова.

В школе я неизменно побеждала на конкурсах, в рамках которых мы должны были назвать прежние наименования «восточных германских провинций», показать их на карте и ответить, как назывались раньше Калининград, Вроцлав и Гдыня.

Однажды на уроке музыки в ответ на задание спеть любимую песню я запела нацистский гимн — директор лично вручил мне памятный подарок за успехи в учебе.

Я вступила в мотоклуб «наци-рокеров». По вечерам мы седлали мощные мотоциклы без глушителей и неслись по автобанам грохочущей черной стаей туда, где нас меньше всего ждали. Это мы устроили погром в Тутлингене на музыкальном фестивале. В Эппингене мы порезвились от души на еврейском кладбище, в Мюнхе-

не «навели порядок» в дискотеках, где развлекались эти канаки — иностранные рабочие.

Мы были силой на своих мотоциклах, все — в кожаных черных куртках со свастиками и черепами на них. И еще мы ждали своего часа, когда уже не на мотоциклах, а на танках ворвемся в те города, которые ныне называются Калининград, Вроцлав, Гдыня, когда снова содрогнется в ужасе планета. Наше кредо мы выразили в одном из объявлений, напечатанных в «Дойче штимме»: «Рокеры против коммунизма. Необходимые качества: чувство локтя, мужество, верность отечеству. Нежелательны: левые, слабаки».

Мои кумирами были не только наци из прошлого, но и «сильные личности», сегодня собирающие под черные знамена отпетых головорезов. Я восхищалась Карлом Гайнцем Гофманом * и даже принимала участие в учениях, которые проводила его «военно-спортивная группа». Девушек в эту группу не брали, я выдала себя за парня...

Я специально ездила в Гамбург, чтобы изучить тактику молодежной организации Микаэля Кюнена **, неонацистская звезда которого засияла после попытки освободить Рудольфа Гесса из тюрьмы Шпандау.

Черные рубашки и символику мы позаимствовали у этих парней. Так же, как и они, мы нападали на демонстрантов с дубинками, кастетами, ножами. Это было лихое время — мы внушали страх, мы считали себя наследниками «героев войны». Полковник фон Раабе гордился мною. Он однажды даже провел «смотр» моей группы и остался доволен. «Вам предстоит сказать свое слово в истории. Готовьтесь к этому!» — вот что он изрек. И еще запомнила я такие его слова: «Ракеты предназначены для уничтожения пораженных коммунистическими бактериями народов. Но для коммуниста с соседней улицы вполне достаточно дубинки...»

Когда Ваш друг Ганс называл меня неонацисткой, он был прав, тысячу раз прав. Я бы только убрала эту приставку «нео» — полковник Раабе воспитал меня нацисткой старого образца.

* Карл Гайнц Гофман — главарь неонацистской организации, известной в ФРГ как «военно-спортивная группа». На ее счету — десятки провокаций и террористических актов, направленных против прогрессивных деятелей.

** Микаэль Кюнэн — соратник Гофмана, главарь молодых неонацистов в Гамбурге.

— ...Ты уже выросла,— сказал мне полковник,— и пришло время тебе узнать правду о трагической странице нашей семейной истории, которую мы всеми силами храним в тайне. Мужайся, моя девочка, я знаю, у тебя сейчас уже достаточно сил, чтобы выслушать меня и отомстить за поруганную честь семьи.

Полковник отвернулся, чтобы я не увидела, как блеснули в его глазах слезинки. По-моему, он в эти минуты и сам верил в то, что мне рассказал. Оказывается, по его словам, в конце апреля 1945 года, когда полковник с другими верными долгу солдатами отбивал яростный штурм Берлина красными, в коттедж, где жили фрау Раабе и Ирма-старшая, пробралась группа русских разведчиков во главе с капитаном. Эти варвары заперли фрау Раабе в подвал, а над ее дочерью зверски надругались. Они осквернили дом и подожгли его. Женщин спасли соседи. Ирма-старшая потеряла рассудок. Внешне это почти не проявлялось, но она оказалась в плену у маниакальной страсти — найти этого русского капитана и убить его. Полковнику удалось увезти семью из Берлина в американскую зону и здесь уже заняться лечением дочери. Пришлось даже пойти на то, чтобы при Ирме-старшей постоянно находились верные люди — она несколько раз пыталась бежать, чтобы отомстить русским.

Когда дочери стало лучше, полковник выдал ее за муж за приличного, лишнего предвзвудков человека, общих с ним взглядов на Германию и ее будущее. Но болезнь удалось приглушить только на время, она прогрессировала. И зная, что умирает, дочь сказала отцу, то есть полковнику, моему деду: «Умираю с надеждой, что за меня отомстят».

— Я сделал все, что в моих силах, чтобы ты выросла сильной нравственно и физически. Помни о муках своей матери, имя которой перешло к тебе, как и ее боль, и ее надежды на месть,— так закончил свой рассказ полковник СС фон Раабе.

Теперь Вам понятно, Алекс, почему я, встретив Вас, пришла в ярость? Ведь перед моими глазами была истерзанная мать!

Вот как выглядела в изложении полковника моя родословная, вот какие строки были записаны на ее самой печальной и трагической странице. Нечего и говорить, Алекс: я свято верила всему, что мне преподнесли

на жертвенном семейном блюде. Помню себя совсем маленькой: я иду вместе с моим дедом, он в полковничьем мундире, мальчишки пелят глаза на кресты, а такие же, как и он, «старые солдаты» вскидывают руки в приветствии: «Хайль!» Просто «хайль!», но всем все понятно. Помню себя постарше: полковник вырезал из какого-то журнала большую фотографию русского генерала, приладил ее вместо мишени, протянул мне парабеллум: ну-ка, попробуй, девочка... Я попробовала...

И еще помню: мы в черных рубашках, череп и кости на спинах, молотим велосипедными цепями женщин, вышедших на демонстрацию против «запрета на профессии», нам весело — какой визг разносится на всю улицу! Многое можно вспомнить. А теперь вернемся снова к родословной моей семьи, ибо я теперь знаю все ее действительно черные и трагические страницы.

Моя бабка покорно вышла замуж за эсэсовца, он убивал, а она обслуживала его, он слал шикарные посылки из России, а она радовалась им. В подвале своего коттеджа она действительно сидела во время боя — русские позаботились о ее безопасности. Даже когда полковник упрятал дочь в клинику для душевнобольных, она немножко поплакала и пришла к мысли, что, может, так и лучше.

Мой отец не покончил с собой, как мне говорил полковник, и не был убит идейными противниками на своей вилле — так гласит официальная версия. От защиты бывших нацистов на судебных процессах он перешел к консультированию подпольной гангстерской корпорации, промышлявшей наркотиками, и одновременно стал платным агентом полиции. Его убили дружки по темным делам, что-то не поделили. Об этом мне рассказал Ганс Каплер, и он же дал копии документов судебного процесса над торговцами наркотиками, в которых говорится о том, что произошло на нашей семейной вилле.

Моя мама Ирма... Передо мною ее фотография — она была такой красивой! И сейчас, когда мне известна вся ее жизнь, я преклоняюсь перед нею и говорю себе: если был в нашей семье действительно достойный человек — так это она, Ирма-старшая, которой выпало счастье трудной и горестной любви.

Я читаю и перечитываю ее письма к Егору Адабашу и вижу их вдвоем: моя мама, совсем юная, в белом платье, с красной гвоздикой в прическе, и он... Каким он был, я не знаю, но, наверное, мужественным и храб-

рым, если его так любили! Кажется, я должна была бы испытывать к нему неприязнь, ревность — ведь он и мама любили друг друга, а у меня другой отец. Но, видит бог, они достойны только уважения.

Ганс мне рассказал, почему не отвечал на письма мамы Ирмы капитан Адабаш. Что же, смерть на поле боя — достаточно серьезная причина... Осталось, дорогой Алекс, дописать последние странички своей исповеди. У полковника фон Раабе есть в кабинете сейф, в котором он держит документы, оставшиеся от войны. «Мой личный архив» — так он говорит. Аккуратность и еще раз аккуратность! Я открыла этот сейф, заранее сделала слепок ключа. Там лежала рукопись его воспоминаний с пометой «Издать после моей смерти». Дед писал, ничего не скрывая, в полном соответствии со своими представлениями о сверхчеловеке, о праве на убийство, «дарованном» ему фашизмом. И вот что я узнала... Мой дед, тогда младший продавец в магазине, вступил в СС в восемнадцать лет, в 1925-м, когда охранные отряды наци были только созданы и насчитывали всего несколько десятков человек. Первое, что он и его «соратники» сделали, — это сожгли магазин и забили насмерть его хозяина. Потом Раабе не раз выполнял «почетные» поручения — вместе с другими охранял видных фашистских ораторов на открытых собраниях. Однажды он стоял у трибуны, на которой ораторствовал Гиммлер. Кто-то из слушателей попытался возражать «пророку», и тогда Раабе раскроил «красному» кастетом череп. Генрих Гиммлер заорал:

— Уберите эту свинью! — и ткнул пальцем в лежавшего ничком в луже крови человека. — Так будет с каждым, кто посмеет встать на нашем пути! Наши парни не знают колебаний и страха, когда перед ними враг! Запомните это!

Раабе, вытянувшись в струнку, с обожанием, не мигая, смотрел на Гиммлера: как он еще молод, наш Генрих, всего двадцать восемь, но какая убежденность и вера!

После собрания Гиммлер подозвал Раабе к себе:

— Кто ты?

— Раабе, Пауль!

— Ну какой же ты Ворон! * — захохотал Гиммлер, у

* Раабе — ворон (нем.).

него было хорошее настроение, убийство взбодрило его, будет что рассказать Адольфу.— Вороны живут долго, но питаются падалью. К тому же их почему-то обожают эти недоноски из интеллигентов. А ты знаешь вкус крови! Нет ты не ворон, ты коршун!

— Так точно! — выкрикнул Раабе.— Хайль Гитлер!

— Хайль! — отвечивал Гиммлер.— Действуй так и дальше... Гайер! Нашему движению нужны решительные парни.

Вот так Раабе стал Гайером.

Он все годы гордился, что «сам» Гиммлер дал ему новое имя и требовал, чтобы и «партайгеноссе» и эсэсовцы именовали его именно так: Гайер — Коршун..

Когда я все это рассказывала Гансу, он сделал такой вывод: «Теперь я понимаю, почему Алексей не нашел в трофейных документах офицера СС по фамилии Гайер, а я не встретил его в архивных документах». Чуть позже Ганс сообщил мне, что отыскался приказ о присвоении Раабе звания штандартенфюрера и другие упоминания о нем...

Алекс, в сейфе лежали также письма полковника с фронта своей жене. Его воспоминания и письма свидетельствуют: почитаемый мною дед — палач и убийца.

И свое состояние он сколотил из награбленного у вас в России в годы войны: ценности, картины и прочее — «золотая» пыль конфискаций и дань, собранная в карательных акциях.

В одном его письме из России есть такие строки: «Только что возвратились из экспедиции против партизан. Ты, моя дорогая, не представляешь, как это тяжело. Пыль, грязь, эти варвары живут без всяких удобств и умеют хорошо делать только одно — размножаться. Представляешь, сколько их, если только в одном маленьком селении под названием Адабаши скопилось около двухсот, и это не считая ранее обезвреженных. Идиоты-полицейские из местных — помощники плохие, все приходится проверять».

А в другом письме говорится: «Меня здесь называют Гайером — Коршуном, одно это имя внушает им страх...»

Думаю, что моя мама Ирма обязательно написала бы об этом своему капитану Адабашу. Вместо нее это делаю я — пишу Вам.

Понимаю, что лучшим подарком для Вас, поступком, достойным памяти Ирмы-старшей, были бы переданная Вам рукопись «воспоминаний» и письма Раабе.

Простите, но сделать это пока выше моих сил...

Вот что хотела я Вам написать. Будьте счастливы и спасибо Вам за добрую память о моей маме.

Ирма.

P. S. Предоставляю Вам право распорядиться этим письмом и содержащимися в нем сведениями по Вашему усмотрению.

Вскоре после вынесения приговора Цыркину — Ангелу генерал Туршатов пригласил к себе майора Устияна и лейтенанта Черкаса. Алексей не без волнения вошел в кабинет, в котором больше года назад услышал решительное:

— Выполняйте наказ майора Адабаша, лейтенант. Последняя воля героев священна, как и память о них.

Что же, можно считать, что завещание майора Адабаша, с которым он обратился и к Алексею, и ко всем, кому суждено было жить после него, почти выполнено. И даже мама Алексея, Ганна Ивановна, партизанский Тополек, сказала ему: «Я могу гордиться тобой, сын мой». Кстати, Гера ей понравилась. Она после знакомства с нею заметила словно бы вскользь: «Есть у этой девочки своя позиция. Это хорошо, когда человек знает, на чем он стоит».

И вот майор Устиян и лейтенант Черкас пришли по вызову к Туршатову. Генерал, говоривший по одному из телефонов, жестом указал на кресла у приставного столика: располагайтесь.

— Можно считать, что вы окончательно освоились у нас, лейтенант? — не то спросил, не то констатировал Туршатов.

— Вам виднее, товарищ генерал. — Алексей, отвечая, встал.

— Сидите, сидите. А как вы думаете, Никита Владимирович?

— Свой испытательный срок лейтенант Черкас прошел. Хотя и не без шишек и сипяков.

— Без этого настоящее дело не делается, — у генерала было хорошее настроение, он говорил с Алексеем и Устияном доброжелательно, без той строгости, которая была присуща ему на оперативных совещаниях и в других случаях, когда Алексей видел его за работой.

— Я помню наш давний разговор о завещании майора Адабаша,— генерал помолчал, он давал возможность своим собеседникам настроиться после обмена первыми фразами на серьезный лад.— Да, мы нашли так называемого Ангела, добились, что он ответил за свои преступления по всей строгости закона. Но розыск не завершается на этом.

— Коршун...— подсказал Устиян.

— Он,— подтвердил Туршатов.— Цыркин ведь из «рядовых» палачей, поганая плесень, проросшая в трудные для Родины дни. Но автоматы цыркиным всовывали в руки, посылали их убивать гитлеровские коршуны. На Западе сейчас нередко пишут о том, что, дескать, фашистские чины даже не ведали порою, что творили предатели и пособники. Они, мол, воевали, а расстреливали и вешали палачи из, так сказать, «местных».

— Знакомые побасенки,— кивнул Устиян.

— Но нам известны факты и документы, мы знаем, что цыркины были всего лишь паршивыми дворняжками, пристяжными у гитлеровских обер-палачей. Что показал Цыркин о Коршуне? Что он о нем знает? — обратился Туршатов к майору Устияну.

— Подробно — о карательных «экспедициях», зондеркоманде, привычках и характере. Но дальше замолчал.

— Он действительно не знает, кто такой Коршун? — с явным сомнением спросил Туршатов.

— Цыркин на одном из допросов сделал такое заявление: он назовет Коршуна в обмен на удовлетворение его ходатайства об отмене исключительной меры. Он не сомневался, что получит сполна.

Майор Устиян говорил ровно, бесстрастно, только еле уловимое презрение слышалось в его голосе.

— Ну уж нет! — резко ответил Туршатов.— С мерзавцами и палачами мы не заключаем сделок! В письме Ирмы фон Раабе вам, лейтенант, содержится новая информация о Коршуне. Путали, обманывали эту девушку дед-эсэсовец и его «соратнички» по былым разбоям, а она все равно потянулась к правде. Думаете, ей легко было после того, как ее с ложечки, с детства кормили коричневым варевом, решиться на такое письмо? А ведь решилась, перешагнула через прошлое! Уважаю сильных людей!

Алексей не смог скрыть удивления — генерал дейст-

вительно с уважением сказал это о неизвестной ему Ирме фон Раабе-младшей. И еще почему-то мелькнула и тут же исчезла мысль о Гере с ее мучительными поисками себя, своих решений. Это, конечно, совсем иное, из других миров, как сказал бы Олег Мороз, однако каждому, чтобы не упасть, не захиреть, устоять под ветрами и грозами, надо обязательно встретиться со своей правдой.

Генерал встал, поднялись Устиян с Алексеем.

— Итак, нам со слов гражданки ФРГ Ирмы фон Раабе теперь известно, кто такой Коршун. Наша задача — подтвердить и доказать это, собрать все документальные свидетельства о преступлениях, совершенных Коршуном-Гайером-Раабе на территории нашей страны.

Четко, как отдают приказы перед началом новой операции, генерал Туршатов произнес:

— В течение пяти дней представьте на рассмотрение план оперативных мероприятий по этому вопросу. Капитан Адабаш еще в год Победы выразил наше общее убеждение, наш святой долг — где бы ни скрывался военный преступник, хоть на краю света, он не должен уйти от возмездия. Все. Приступайте к исполнению.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>И. Кононенко</i>	3
Главные действующие лица	7
Завещание Егора Адабаша	9
Парижская история	16
Капитан Адабаш и Ирма	32
Суровое слово — розыск...	46
Бывший фельдфебель отдает долг	56
Полночь — не время смерти	71
Хорошо, когда все хорошо кончается	75
Гибель рода Адабашей	86
Дела личные и государственные	93
И наступила тишина	100
Письмо из Мюнхена	110
Гера продолжает интриговать	120
Понять, чтобы жить	127
Время исповеди	133
Следы Коршуна	144
Они умирали в молчании	152
Приговор привести в исполнение не удалось	158
Вспоминает комиссар Ярцев	165
Восставшие из пепла Адабаши	172
Еще один свидетель	183
Идиллия в современных ритмах	192
Что сильнее ненависти	206
Облава	214
Подарок Ангелу	232
Тополек из войны	243
Встреча, которая должна была состояться	253
Осень — время итогов	267
Последний полет Ангела смерти	274
Здравствуйте, Алекс!	290
Приступить к розыску!	300

Корнешов Л. К.

К67 Последний полет «Ангела» / Предисл. И. Кононенко.— М.: Мол. гвардия, 1987.— 303 [1] с.— (Стрела).

1 р. 100 000 экз.

Остросюжетная повесть о поиске военного преступника, скрывающегося от возмездия. Главный герой — молодой сотрудник госбезопасности.

К 4702010200—303 **КБ—032—072—87**
078(02)—87

ББК 84Р7

ИБ № 5669

Лев Константинович Корнешов
ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ «АНГЕЛА»

Рецензент **В. Середин**
Зав. редакцией **Л. Антипина**
Редактор **Т. Костина**
Художник **Н. Абакумов**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Р. Сиголаева**
Корректоры **И. Ларина, Н. Понкратова**

Сдано в набор 06.04.87. Подписано в печать 12.11.87. А 14217. Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,96. Условн. кр.-отт. 16,38. Учетно-изд. л. 16,3. Тираж 100 000 экз. (1-ый завод 50 000 экз.). Цена 1 руб. Изд. № 744. Заказ 7—139.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва. Суцеская, 21.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

1 руб.

Корнешов Лев Константинович родился в 1934 году на Украине. После окончания Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко был на комсомольской работе. И тогда же начал пробовать свои силы в журналистике. «Последний полет «Ангела» — это седьмая книга писателя, издаваемая «Молодой гвардией». В ней, как и в предыдущих своих книгах, Л. К. Корнешов верен своей главной теме: борьбе мужественных людей за чистоту нашей жизни. Герои его книг молоды, энергичны, глубоко преданы Родине.

Л. К. Корнешов — лауреат премий Союза журналистов СССР, Московской журналистской организации, МВД СССР. Его книги издавались на языках народов СССР и за рубежом, по ним сняты художественные фильмы «Провал операции «Большая Медведица» и «Легенда о бессмертии».

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ